

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№11 (51)
2005

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 2

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. **О.А. Турбина** (*отв. редактор*),
д-р филол. наук, проф. **Л.Г. Бабенко**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Харченко**,
д-р филол. наук, проф. **А.П. Чудинов**, канд. филол. наук, проф. **Т.Н. Хомутова**,
канд. филол. наук, доц. **С.С. Голубева**, канд. филол. наук, доц. **Е.А. Филиппенко**,
Е.С. Жеребятъева (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
КОГНИТИВНАЯ, СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА	
ЧУДИНОВ А.П., БУДАЕВ Э.В. Новые исследования американской политической метафорики	4
ГОЛУБЕВА С.С. Проявление культурных различий сознания русскоязычных и испаноязычных коммуникантов в межкультурной коммуникации	8
ГУЦ Е.Н. Ассоциации, представленные некодифицированной лексикой: поиски адекватной методики описания.....	13
КРАСИЛЬНИКОВА Н.А. Патриотизм в концептуальных метафорах экологического движения в России, Англии и США	20
ХАКИМОВА Г.Ш. Языковое сознание сквозь призму гендерной парадигмы (на материале английских и русских поговорок)	24
ХОМУТОВА Т.Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект	28
ФРАЗЕОЛОГИЯ	
ФЕДУЛЕНКОВА Т.Н. Современная фразеология и фразеодидактика	35
БИНЬКОВСКАЯ М.В. Фразеологические предлоги с субкатегориальной семой «указание на объектные отношения» в деловых документах XVIII века	40

КАЗАКОВА Ю.В. Фразеобразовательные возможности наречий во фразеологизмах качественно-обстоятельного класса	45
КАЦЮБА Л.Б. Формы выражения субъекта и специфика их использования в паремиях ..	48
РАДЧЕНКО Е.В. Семантический и грамматический динамизм процессуальных фразеологизмов	53
ФИЛИППЕНКО Е.А. Образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде разных языков	61
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА	
БАБИНА О.И. Автоматический отбор релевантной информации из информационного массива патентных текстов	67
КУШНЕРУК С.Л. Актуализация дифференциальных признаков прецедентных имен в американской и российской печатной рекламе	73
ЛОЖКОВА Т.А. Средства выражения лирической рефлексии в поэзии К.Ф. Рылеева	77
ПОПОВА В.Б. Наречия времени в семантике и прагматике текста чешского и русского языков	84
СЕРЕБРЯКОВА А.Ю. Обобщенность содержания как свойство научного философского текста	87
ТОЛСТЫХ О.А. Неовикторианский постмодернизм Антони Бейетт (на примере романа «Possession»)	89
УДЛЕР И.М. Традиционные американские ценности в «повествованиях» и публицистике бывших рабов	94
ШУСТРОВА Е.В. Использование концептуальной метафоры в художественной картине мира Дж.Тумера	98
ГРАММАТИКА	
ДОЛЖЕНКО Н.Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересекаемость глагольной и именной лексики	105
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
ШЕВНИН А.Б. Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий	111
РЕЦЕНЗИИ	
БОРОВИКОВА Н.А., ПЛОТНИКОВА Г.Н. Рецензия на «Большой толковый словарь русских существительных. Под редакцией Л.Г. Бабенко»	114
ЛЫКОВА Н.Н. Рецензия на монографию В.И. Томашпольского «Галлороманский глагол»	116
ПЕСТОВА Н.В. Рецензия на сборник «Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation: Beiträge der Konferenz “Mediensprache als Objekt interdisziplinärer Forschungen”»	118
РУЖЕНЦЕВА Н.Б., ЕРЕМИНА С.А. Рецензия на специальный выпуск журнала «Stylistyka. XIV 2005»	120
ТУРБИНА О.А. Рецензия на монографию Н.Н. Лыковой «Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков)»	122
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Второй выпуск серии «Лингвистика» Вестника ЮУрГУ включает статьи по актуальным проблемам современной лингвистики и рецензии на монографии ученых России и Уральского региона.

Статьи по тематике объединены в пять разделов.

Раздел «Когнитивная, социо- и психолингвистика» открывает обзорная статья последних публикаций из области когнитивных исследований американской политической метафорики, подготовленная проф. А.П. Чудиновым и его аспирантом Э.И. Бадаевым. Изучению политической концептуальной метафоры посвящена также статья доцента Н.А. Красильниковой. Остальные статьи данного раздела освещают различные проблемы, связанные с изучением влияния экстралингвистических факторов на структуру и функционирование языка и его единиц. Так, в статье профессора Т.Н. Хомутовой на материале грамматических явлений рассматривается социолингвистический аспект теории языковой вариативности. Статьи доцента С.С. Голубевой и доцента Е.Н. Гуц освещают вопросы формирования гендерной парадигмы в национальном языковом сознании. Общим свойством всех статей этого раздела является их сопоставительная направленность, характерная для изучения лингвистического компонента межкультурной коммуникации.

Статьей профессор Т.Н. Федуленковой «Современная фразеология и фразеодидактика» озаглавлен раздел «Фразеология». Здесь собраны статьи, посвященные изучению структуры и функционирования фразеологизмов на различных уровнях системы языка и речи. В статьях аспирантки Ю.В. Казаковой, доцента Л.Б. Кацюбы и доцента Е.В. Радченко освещаются проблемы лексико-грамматической структуры фразеологических единиц; в статье Е.А. Филипченко рассматривается социокультурный аспект развития и функционирования фразеологизмов в разноязычных социумах.

Статьи, объединенные в разделе «Лингвистика текста», охватывают широкий круг проблем, оказавшихся в фокусе этой лингвистической науки. Помимо традиционных для данного направления исследований художественного текста (см. статьи доцента Т.А. Ложковой, доцента И.М. Уд-

лер, О.А. Толстых, Е.В. Шустровой), здесь представлены материалы по изучению философского (статья к.филол.н. А.Ю. Серебряковой), рекламного текста (статья аспирантки С.Л. Кушнерук), сопоставительного исследования текстовых функций наречий (статья доцента В.Б. Поповой) и статья О.И. Бабиной, посвященная разработке методики автоматической обработки текста.

Раздел «Грамматика» представлен двумя статьями: статьей доцента М.В. Биньковской, выполненной в русле исторической грамматики русского языка и посвященной функционированию фразеологических предлогов в деловых документах XVIII века, и статьей доцента Н.Г. Долженко об имени действия в системе частей речи русского языка. Однако этот раздел по праву могли бы дополнить статьи других разделов сборника, в которых в качестве единиц анализа используется грамматический материал (см. статьи Т.Н. Хомутовой, Ю.В. Казаковой, Л.Б. Кацюбы, Е.В. Радченко, В.Б. Поповой).

Переводоведческая тематика представлена статьей доцента А.Б. Шевнина по эрратологии.

Рецензионный раздел содержит рецензию на «Большой толковый словарь русских существительных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко (рецензия профессора Г.Н. Плотниковой и доцента Н.А. Боровиковой); две рецензии на монографии: «Галлороманский глагол» В.И. Томашпольского (рецензия доцента Н.Н. Лыковой) и «Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков)» Н.Н. Лыковой (рецензия профессора О.А. Турбиной); и две рецензии на сборники: «Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation» (рецензент профессор Н.В. Пестова) и «Stylistyka» (рецензенты профессор Н.Б. Руженцева и доцент С.А. Еремина).

Редакционная коллегия благодарит авторов, приславших материалы во второй выпуск серии Лингвистика, и приглашает к дальнейшему сотрудничеству ученых России и Уральского региона. В последующие ежегодные выпуски серии Лингвистика будут включены статьи по актуальным проблемам языкознания, рецензии на монографии и научные сборники, обзоры наиболее важных научных мероприятий (симпозиумов, конференций, семинаров и т.п.), а также объявлений о предстоящих научных конференциях.

КОГНИТИВНАЯ, СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

А.П. Чудинов, Э.В. Будаев

Перспективы исследования концептуальной метафоры в сфере американской политической коммуникации были намечены в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В классической книге «Metaphors We Live by»¹, в русском переводе, авторы постулировали, что идеологии формируются на основе метафор и рассмотрели милитарную метафору Дж. Каргера и ее следствия (entailments), а в последствии применили эвристики теории концептуальной метафоры к политическому дискурсу на примере анализа следствий метафоры изнасилования (*rape*)². Первое комплексное изучение американской политической метафоры провел Дж. Хоув³, показавший, что в американском политическом дискурсе доминируют метафоры войны и спорта, а в последствии исследователи неоднократно обращались к анализу различных аспектов функционирования метафоры в американском политическом дискурсе⁴. За последние годы (2000–2005) в зарубежной и отечественной политической лингвистике появились новые публикации, представляющие значительный интерес для исследователей американской политической метафоры.

Большую группу рассматриваемых публикаций составляют исследования, авторы которых анализируют, какие метафоры (метафорические модели) актуализируются для осмысления определенной понятийной сферы-мишени. Например, в монографии О. Санта Аны⁵ рассмотрена метафорическая концептуализация сферы-мишени «Иммиграция из Латинской Америки в США» по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – *metaphoric systems*) на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

Некоторые публикации, в которых точкой отсчета для исследования служит сфера-магнит метафорической экспансии, посвящены анализу концептуальных метафор в политическом нарративе. Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события (выборов, референдума и т.п.)⁶. Как было доказано в исследовании Х. де Ланд-

шер⁷, количество метафор увеличивается в периоды политических кризисов, поэтому вполне закономерно, что политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе» вызвал повышенный интерес среди исследователей политической метафоры. Первое исследование было опубликовано Дж. Лакоффом⁸ еще до начала военных действий. Проанализировав метафоры администрации и СМИ США, актуализированные для оправдания второй войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделил базовые метафорические модели, которые, дополняя друг друга, заняли центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид*. Развертывание метафоры «Ирак – это Саддам Хуссейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

С политическим нарративом «Вторая война в Персидском заливе» связано исследование Дж. Гуднайт⁹, проанализировавшего метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах (апрель, 2004 г.). С исследованиями метафор в нарративе войны

тесно связаны публикации, посвященные метафорическому представлению событий 11 сентября 2001 г и их последствиям. Так, К. Халверсон рассмотрел метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделил две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикациях Дж. Лакоффа¹⁰.

Отдельного внимания заслуживают исследования, направленные на выявление ингерентных характеристик и типичных прагматических смыслов политических метафор определенной сферы-источника. Так, К. Мэлоун (Malone www) указывает на широкую распространенность спортивной метафоры в американской политической речи и выводит из этого факта два негативных следствия для американской демократии. Во-первых, если политика – это соревнование, рассуждает автор, то избиратели – болельщики. Регулярное использование спортивной метафоры в политической речи формирует у избирателей психологию пассивного наблюдателя, формирует «*couch-potato electorate*» (домоседливый электорат, букв. «диван-картофель избиратели»), т.е. электорат, предпочитающий «лежать на диване» и наблюдать за происходящим, вместо того, чтобы принимать активное участие в политических выборах. Во-вторых, спортивная метафора акцентирует внимание на тактике и стратегии политического соревнования, лишая избирателей «жизненно важной информации» о сущности политических программ и об интенциях политиков. Автор отмечает, что для избирателей эта информация намного важнее, чем особенности проведения предвыборного соревнования. Когда спортивная игра (выборы) подходит к концу, политики продолжают оказывать реальное влияние на повседневную жизнь американских граждан.

Типичные характеристики метафор со сферой-источником «Женитьба» в американском политическом дискурсе рассмотрены в одной из глав в учебнике по политической коммуникации Д.Ф. Хана¹¹.

К этой же группе исследований относится работа Дж. Лакоффа¹², проанализировавшего две модели со сферой-источником «Семья» во внутриполитическом американском дискурсе. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Вос-*

питывающего Родителя несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя*¹³.

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки¹⁴. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллеги независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (*entailments*), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в 4 раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в 2 раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3,5 раза чаще обращался к модели SF, однако обращение к модели NP у обоих оппонентов было почти одинаковым с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора 241). Также А. Ченки, проанализировав жесты оппонентов во время дебатов, пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне еще более показательны, чем на вербальном (следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей).

Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении»¹⁵. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к метафорам в речи американских политиков. Так, Дж. Чартерис-Блэк¹⁶, проанализировав риторику М.Л. Кинга, Б. Клинтона, Дж. Буша-старшего и Дж. Буша-младшего, показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные

на выявление потенциала метафор к переконцептуализации политической картины мира в речи американских политиков. Так, скандинавские исследователи¹⁷, проанализировав влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание на материале полтора часовых интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах, отмечают, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята, как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

Важное место среди исследований американской политической метафористики занимает сопоставительный анализ метафор в национальных дискурсах. Такие исследования позволяют «отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу»¹⁸. С одной стороны американская политическая метафора обнаруживает много общего с политической метафорикой других лингвокультур. Как показывают сопоставительные исследования, российско-американские метафорические параллели наблюдаются на примере сфер-источников «Война»¹⁹, «Спорт»²⁰, «Болезнь»²¹, «Театр»²², «Механизм» и «Строительство»²³. С другой стороны, как указывал Дж. Лакофф, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных концептов этой культуры»²⁴, что и подтверждается сопоставительными исследованиями американских политических метафор с метафорами других национальных политических дискурсов. Например, Дж. Лакофф показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*, а сербы использовали совсем другие метафоры. В сознании сербского народа Косово – исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам *святой земли*. Метафоры С. Милошевича – еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне²⁵.

В исследованиях А.А. Касловой и А.П. Чудинова показано, что многие метафорические модели американского и российского политического дискурса при концептуализации президентских выборов в США и России (2000 г.) носят интердискурсный характер. Для россиян и американцев

характерно представлять выборы президента в своей стране в понятиях войны, театра, болезни, дороги, игры или спортивного соревнования, а обнаруженные межкультурные различия касаются деталей, небольших сегментов метафорических моделей. Вместе с тем, анализ политических метафор обнаружил значимые различия в концептуализации президентских выборов россиянами и американцами. В российском политическом сознании важное место занимает концептуальная метафора ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЦАРЬ. Такая метафора в соответствии с национальными традициями представляет главу государства как пользующегося абсолютной властью монарха, «помазанника Божия», а структуру государственной власти – как своего рода феодальную иерархию, в которой существует не только царь, но и наследник престола, разнообразные феодалы, императорский двор, свита и т.п. Характерная для российских текстов предвыборной агитации монархическая метафора совершенно нетипична для американского политического дискурса, в котором президент – не монарх и «помазанник Божий», а назначенный народом главный менеджер, предводитель армии или исполнитель главной роли в политическом спектакле.

Свидетельства обусловленности политических метафор национальной культурой представлены в статье М.В. Сорокиной (2004), показавшей, что огромная популярность американского футбола в США находит выражение в развертывании в американском политическом дискурсе метафоры ВОЙНА В ИРАКЕ – ЭТО АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ.

Отдельного внимания заслуживают попытки исследователей выявить посредством метафорического анализа базовые ментальные представления, лежащие в основе категоризации политического мира. С этой точки зрения значительный интерес представляет исследование Е.И. Боллигер²⁶, которая показала, что в американском политическом дискурсе важную роль играют образные средства, восходящие к библейским традициям. В исследовании Э. Сандикциоглу²⁷, убедительно продемонстрировано, что американские политические метафоры, актуализированные для осмысления первой войны в Персидском заливе, отражают базовую оппозицию «Мы – Запад» – «Они – Восток» через такие частные оппозиции как цивилизованность – варварство, сила – слабость, зрелость – незрелость, рациональность – эмоциональность, стабильность – нестабильность, сотрудничество – родство, азартная игра – базар. К этой группе исследований относится диссертация Н.А. Красильниковой. На основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, автор показывает национальные лингвокультурологические различия в категоризации действительности по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ.

Итак, устойчивый интерес к американской политической метафоре характерен для специалистов по политической лингвистике из самых различных стран, что в определенной степени можно объяснить тем, что США после распада СССР остались единственной мировой сверхдержавой и значимость решений, принимаемых американскими политиками, значительно увеличилась (особенно на фоне военных операций в Ираке, Сербии, Сомали и др.). Названные дискурсивные факторы будут способствовать дальнейшему привлечению внимания лингвистов к вербальным механизмам легитимизации американского «военного гуманизма» (термин Н. Хомского), в том числе и к метафорам, которые рассматриваются большинством исследователей как феномен мышления, играющий важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности.

¹ Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2004. P. 184–186.

² Lakoff G., Johnson M. The Metaphorical Logic of Rape // Metaphor and Symbolic Activity. Vol. 2. 1987.

³ Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity. 1988. Vol. 3. № 2.

⁴ Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.

Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // Language and Peace / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. Aldershot: Dartmouth, 1995.

Lakoff G. Metaphor in Politics. An open letter to the Internet from George Lakoff // www.philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff.htm 1991. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation. East Lansing: Michigan State University Press, 1996.

Pancake A.S. Taken by storm: The exploitation of metaphor in the Persian Gulf War // Metaphor and Symbolic Activity. 1993. Vol. 8. № 4.

Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New World Order // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 2.

⁵ Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin, TX: University of Austin Press, 2002.

⁶ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 162.

⁷ Телешева И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбальной метафоры в российских и американских СМИ. Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. Т.14.

⁸ Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414T.2003

⁹ Goodnight G.T. «Iraq is George Bush's Vietnam». Metaphors in Controversy On Public Debate and Deliberative Anaogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/iraq_and_Vietnam.doc. 2004.

Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // Journal of Undergraduate Research. 2003. Vol. 6.

¹⁰ Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414T.2003b.

¹¹ Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed. New York: New York University, 2003.

¹² Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate.

¹³ Там же. С. 5–34.

¹⁴ Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 3.

¹⁵ Lakoff G., Johnson M. Цит. соч. P. 185.

¹⁶ Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

¹⁷ Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003.

¹⁸ Чудинов А.П. Цит. соч. С. 32.

¹⁹ Шудегова Е.А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т.8.

²⁰ Шехтман Н.Г. Метафорическая модель выборы – это спортивное состязание в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004а. Т.12.

²¹ Телешева И.В. Цит. соч. Т. 14.

²² Чернякова (Сорокина) М.В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. Т. 13.

²³ Каслова А. А. Лингвокультурная специфика метафорических моделей с исходными понятийными сферами «механизм» и «строительство» // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.

²⁴ Lakoff G., Johnson M. P. 46.

²⁵ Lakoff G. Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html. 2001b.

²⁶ Боллигер Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.

²⁷ Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. A. Barcelona. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000.

ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ СОЗНАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАНТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

С.С. Голубева

Межкультурная коммуникация является одним из проявлений взаимодействия культур в процессе обмена информацией. Она характеризуется тем, что при встрече представителей разных культур каждый из них действует в соответствии со своими культурными нормами. Классическое определение этого явления дано в книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», где *межкультурная коммуникация понимается как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам*².

Однако адекватное взаимопонимание невозможно достичь, если коммуниканты не владеют основами своей национальной культуры и основами национальной культуры, к которой принадлежит собеседник. *Культура – это то, что объединяет людей; это то комплексное целое, что включает в себя знания, представления, искусство, мораль, закон, традицию, а также способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества*³.

Культура выполняет ряд важнейших функций. Одной из таких функций является выработка стереотипов, которые служат для закрепления эффективных стратегий поведения, выработки общей картины мира, отраженной в языковом сознании, объединению ради какой-либо цели. Оптимальные стереотипы эффективного поведения сохраняются для новых членов группы, в том числе и посредством закрепления через язык (выделение какого-либо предмета, действия или его названия)⁴. Т.Н. Перикова сравнивает стереотипы с подсказками, которые помогают людям ориентироваться в окружающем мире, а стойкость стереотипов она объясняет выполнением целого ряда задач, заключающихся в вооружении готовыми и простыми объяснениями человеческих поступков; предвидении того, чего можно ожидать от собеседника, создании основы собственного поведения по отношению к другим. То есть стереотип – это одна из подсказок, помогающих формировать суждение, предсказания и оценки других людей⁵.

Среди основных функций культуры ученые называют и коммуникативную, которая проявляется в том, что «культура сохраняет в себе формы и способы общения и передачи информации, предлагает определенные традиции, накопленный опыт, нормативы, идеалы и другое. Можно сказать, что культура коммуникабельна в противоположность бескультурью, для которого взаимодействие с миром выражается в разрушительной и враждебной форме, в том или ином конфликте, а

потому невозможно или затруднено»⁶. Следовательно, бескультурье изначально конфликтно, и эффективная коммуникация становится невозможной.

Культура представляет собой сложную семиотическую систему. Прежде всего, культура включает в себя такой компонент как язык – «практическое объективированное сознание, форма социальной памяти, вместилище спрессованной в значениях его слов социальной информации»⁷. «Язык есть средство выражения мыслей и чувств, общезначимого содержания и интимных личностных смыслов, душевного состояния человека, его интенций, его ценностного отношения к окружающему и себе самому»⁸. Язык – это среда, в которой культура существует и через которую она передается, это важнейший структурирующий механизм культуры. Именно в силу данного свойства языка, по мнению У. Эко, становится возможным семиотическое исследование культуры. Иными словами, такое исследование, в котором все феномены культуры рассматриваются как факты коммуникации и отдельные сообщения организуются и становятся понятными в соотношении с кодом⁹.

Рассматривая соотношение языка и культуры, следует отметить, что язык не сводим только к коду, об этом в своих трудах говорил еще Вильгельм фон Гумбольдт: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее»¹⁰. Особенно важно это учитывать при взаимодействии представителей разных культур. Е.Ф. Тарасов напрямую связывает проблемы межкультурного общения, как и проблемы речевого общения в целом, с темой языкового сознания, определяя знаковое общение, в том числе и речевое, как процесс оперирования образами сознания, на которые коммуниканты указывают при помощи тел знаков (означающих).

В этом случае общность языковых сознаний становится необходимой предпосылкой речевого общения, а неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнерами друг друга из-за принадлежности их к разным национальным культурам. Далее автор делает вывод, что «межкультурное общение – это случай функционирования сознания в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознания коммуникантов»¹¹. Именно поэтому, замечает Е.В. Харченко, при изучении межкультурного взаимодействия на первое место выходит языковое сознание – новый объект психолингвистического анализа, сформированного за

последние пятнадцать лет в рамках Московской психолингвистической школы (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.А. Пищальникова и др.), поскольку проблемы общения зачастую обусловлены не проблемами несовпадения языков как кодов, а несовпадением языковых сознаний коммуникантов¹². Е.Ф. Тарасов определяет языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупность этих полей»¹³.

Представление о языковом сознании соотносится с понятием картины мира. Как указывает В.И. Карасик, картина мира как система ментальных репрезентаций действительности – это сложное образование, важнейшим компонентом которого являются ценности, т.е. существенные жизненные ориентиры, выработанные обществом и закрепленные в его нормах, стереотипах поведения и текстах культуры во всем их разнообразии. Картина мира в сознании каждого народа, той или иной группы в составе социума, а также индивидуума может рассматриваться в межкультурном аспекте, при этом в качестве единицы сопоставления выступает культурный концепт – многомерная ментальная сущность, имеющая образное, описательно-понятийное и ценностное измерение¹⁴. Причем эти концепты закрепляются и в сознании, и в языке.

Ценностную картину мира образуют следующие виды концептов:

1) **культурные доминанты**, т.е. наиболее важные для данной культуры ценности, находящие выражение в языке и вне языка, осознаваемые носителями этой культуры как их идентификационные знаки,

2) **культурные кластеры**, т.е. специфические комбинации ценностных знаков, представляющие собой особенности данной культуры, осознаваемые только при межкультурном сопоставлении,

3) **культурные лакуны**, т.е. нерелевантные для данной культуры (но существенные для других культур) признаки, имеющие ценностную природу¹⁵.

Культурные стереотипы и культурные концепты, характерные для той и иной национальной картины мира, чаще всего не осознаются носителями культуры и проявляются только во время межкультурной коммуникации, в коммуникативном поведении, вызывая сбои и нарушения понимания или неловкость в общении.

Описание коммуникативного поведения представляет собой методологическую сложность. В нашем исследовании мы руководствовались следующими принципами, сформулированными И.А. Стерниним:

1. **Принцип системности.** Коммуникативное поведение той или иной нации, группы или

лица должно быть описано целостно, комплексно, как система, с разработкой модели.

2. **Принцип контрастивности.** Адекватное описание возможно только на базе некоторого сравнения. Без базы для сравнения описание невозможно. Основой описания выступает, как правило, родная для исследователя коммуникативная культура. Наиболее эффективно бикультурное описание, причем не автономное с последующим сравнением, а одновременное контрастивное. Значимо установление фактов отсутствия специфики в двух культурах или ее наличие, выраженное либо в расхождениях отдельных характеристик и их смысловом наполнении, либо в эндемичности коммуникативных признаков для одной из культур, присутствие признака только в одной культуре.

3. **Использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка.** Описание коммуникативного поведения в жестких терминах, как правило, оказывается невозможным – большинство параметров коммуникативного поведения не поддается жесткому ранжированию. Основные единицы метаязыка: *обычно, как правило, чаще всего, сравнительно редко допускается и т.п.*

4. **Разграничение нормы и практики.** Коммуникативная норма в обществе, в группе есть, ее знают, но она сплошь и рядом не выполняется. Поэтому, при описании важно указать не только норму, но и практику¹⁶.

Мы неоднократно отмечали значимость имен собственных и других онимов в межкультурной коммуникации¹⁷. Однако ранее мы не указывали на еще один важный момент – функционирование фамилий в русском и испанском социуме, например, функционирование девичьих фамилий, и сформировавшиеся в связи с этим различия в сознании русской и испанской женщины.

Русская женщина, выходя замуж, как правило, принимает фамилию мужа, таким образом, она словно отказывается от своей семьи и переходит в семью мужа, отрывается от своего рода и присоединяется к чужому роду. В настоящее время такой переход часто является символическим, но исторически женщина покидала родительский дом. Освоение и присвоение фамилии мужа становится знаком изменения социального статуса: девичество – замужество. Это изменение принимается обществом благосклонно и не вызывает отрицательных эмоций у женщины. Мы неоднократно наблюдали процесс такого освоения новой номинации, когда девушки настойчиво подчеркивали изменение своей фамилии, напр.: «Я не Бигбулатова, я Сафронова», «Я теперь Попова, а не Сенотова». С прохождением какого-то временного периода после заключения брака окружение забывает девичью фамилию женщины, и она становится своеобразным кодом, маркирующим человека, знающего его, как принадлежащего к добрачному периоду жизни женщины. Именно потому, что со временем среди окружающих остается мало лю-

дей, знающих девичьи фамилии женщин, позволяет превращать девичьи фамилии в пароли для почтовых ящиков в сети Интернет.

Концепт «девичья фамилия» совершенно неприемлемо для испанской женщины и не укладывается в ее сознании. Она получает свою фамилию при рождении от обоих родителей: первую фамилию отца и первую фамилию матери соответственно, и в течение жизни ее фамилия не меняется. Изменение социального статуса – замужество, не отражается на ее номинации. Испанская женщина никогда не теряет связи со своим родом. Например, если мы обратимся к испанскому эпосу «El cantar de mio Cid» («Песнь о моем Сиде») или к драматическим произведениям Кальдерона, Лопе де Вега или Тирсо де Молино, мы обнаружим, что семья принимала назад овдовевшую дочь или дочь после неудачного брака (хотя брак не расторгался по церковным канонам). В качестве защитника чести и достоинства женщины чаще выступает отец (Сид, Командор) или брат («Дама-невидимка» Кальдерона), а не муж.

Реакция испанки на информацию о том, что русские женщины меняют фамилию, выходя замуж, довольно типична, напр., «¿Como que voy a cambiar mis apellidos? ¡Nací Fernández Lopez y Fernández López moriré!» («Как это я буду менять фамилию? Я родилась Фернандес Лопес и Фернандес Лопес умру!»).

Ревностное отношение испанских женщин к своей фамилии привело к тому, что в учебниках для подготовки секретарей и офис-менеджеров в Испании среди норм официального представления членов семьи, указано, что женщину нужно представлять по ее собственной фамилии, а не как жену некоего господина¹⁸.

Таким образом, можно утверждать, что концепт «девичья фамилия» является культурной доминантой русской картины мира и абсолютной лакуной в испанской картине мира.

Отметим еще одно системное отличие русской и испанской коммуникативной системы. Так, важнейшим лингвистическим маркером начала коммуникации является обращение. В испанском языке сложилась достаточно стройная система нейтральных обращений к незнакомому лицу, столь важная в профессиональной коммуникации: *señor, señora, señorita*. Но даже в эту стройную систему уже вмешивается социум в форме феминизма. Поскольку в обращениях *señora* и *señorita* сохраняется указание на гражданское состояние лица (*señora* – обращение к замужней женщине, *señorita* – незамужняя женщина), а также на возраст (*señorita* – девушка), чего нет в обращении *señor*, применяемом ко всем лицам мужского пола, в этом усматривается дискриминация женщины¹⁹.

Одной из проблем русского языка и русского социума является утрата стереотипного нейтрального обращения к незнакомому лицу. Обращение *товарищ* вышло из употребления, *господами*

большинство членов русского общества не стало. Отсутствие стандарта можно проследить в такой ситуации:

Вахтер преподавателю: «Женщина!» (Нет реакции).

«Девушка!» (Нет реакции).

«Молодая женщина, куда Вы идете!?»

В русском языке образовался своеобразный вакуум, заполненный обращением по половому и возрастному признаку: *женщина, мужчина, девушка, юноша*, хотя такие обращения многими отторгаются. А.П. Журавлев попытался объяснить это отторжение с точки зрения фоносемантики: «Можно предположить, что именно противоречие между условным значением и графонической формой в словах *юноша* и *женщина* является причиной неохотного их употребления в разговорной речи, особенно при обращении. Слово *женщина* употребляется в речи довольно избирательно, а обращение *юноша* содержит даже обидно-насмешливый оттенок.

Юноша – хороший, нежный, светлый, слабый, красивый, легкий, безопасный, округлый.

Женщина – темный, медленный, безобразный, тяжелый, страшный»²⁰.

Н.А. Рамазанова, Е.В. Харченко и ряд других исследователей отмечают, что отсутствие нейтрального обращения в русском языке определяет его важную роль в процессе общения. Русский, обращаясь к партнеру, уже в само обращение привносит оценку: передает ролевые отношения, присваивает качества, относит к определенному типу личности. Примеры в таблице²¹.

Положительно оцениваемые обращения	Отрицательно оцениваемые обращения
Продавцы	
<i>бабуля// бабушка (3)// голубушка// господин// дамочка// девочка (1)// девунька// девушка (2)// дедушка// дочка// дружище// женщина (6)// красавица// мадам// мальчик(1)// милая женщина// молодой человек (11)// мужчина (8)// сударыня// товарищ (2)// товарищ покупатель (1)// уважаемая// уважаемый покупатель</i>	<i>бабушка(!)// гражданн// гражданка// гражданочка// девочка (2)// девушка (6)// девушка в шапочке// женщина (18)// мальчик (1)// милочка// молодой человек(1)// мужчина (3)// следующий// старуха// тетка// товарищ// товарищ покупатель (2)// ты// эй// эй!! эй, вы// эй, женщина// эй, старушка// эй, ты // эй, ты, ну-ка// юноша (6)</i>
Учителя	
<i>hoto sapiens// барышни и молодые люди// вундеркинд// да мои ж вы золотые// деточки мои дорогие// детки мои// мои вы любимые// мои мартышечки // ну, все хитрики великие// ты моя умница// умная свистулька// умница, лапонька моя// умница (4)// хорошие мои и под.</i>	<i>балбесы// бездарность// бездарь// бестолковый// бестолочь// болван// бревна// вульгарные дети// лоботрясы// даун// двоешник// дураки// жуки навозные// идиоты// калеки// недоумки// непонятливый// и под.</i>
Врачи	
<i>рыбонька, зайка// миленькая, хорошенькая, потерпи еще чуть-чуть// моя хорошая// потерпи немножечко, моя хорошая// потерпи, лапонька// солнышко, ну не плакай// терпи, моя хорошая и под.</i>	<i>безнадежный больной// в очередь, душевнобольный// инвалид – сиди дома// куда вы, дамочка, рожать в 30 лет// пациент, живешь?</i>

При исследовании межкультурной коммуникации не следует забывать о том, что помимо вербального языка в культуре и коммуникации реализуются семиотические системы первичные и более древние, чем язык, унаследованные человеком от своих неговорящих предков. Среди таких систем, модернизированных *homo sapiens*, можно выделить следующие:

1. *Статистические системы:*

1) иконические знаки: двумерные (орнамент, татуировка, рисунок) и трехмерные (скульптура и барельеф);

2) визуальные символные знаки, предшествующие письму;

3) функциональные (архитектура, ремесленные и ювелирные изделия).

2. *Динамические системы:*

1) жестовые (поза, жест, мимика);

2) телодвижение, танец.

3. *Аудиальные (звуковые) системы:*

1) иконические – идеофоны (звукоподражание);

2) эстетические (музыка);

3) символные (звуки речи).

Адоральные (демонстрирующие привязанность, любовь, подчинение) – притирания, умашения душистыми веществами, поцелуй и т.п.²²

Каждая из вышеперечисленных систем может тем или иным образом быть представлена в различных национальных культурах, при этом значение знаков может не совпадать.

В.Б. Кашкин отмечает, что нередко можно встретить наивный взгляд на знак, напоминающий первобытное неразделение знака и предмета, означаемого и означающего. Многие люди считают, что знаки имеют внутреннее, врожденное, «истинное», «правильное» значение, что есть «плохие» и «хорошие» знаки. Они правы только в определенном смысле. Знак действительно получает оценочную интерпретацию, но только с точки зрения всей системы, кода, языка, которую применяет пользователь и его социальная группа. Вне знаковой системы и культурной среды, без сообщества, использующего знаки по своим негласным законам, знак утрачивает свое значение. В наивных взглядах нарушается принцип *системной конгруэнтности* (соответствия, совместимости): люди пытаются интерпретировать знаки, принадлежащие другой системе, другому коду, другому языку, через посредство своей собственной системы, своего языка, своей культуры²³. Данные несовпадения могут привести к недопониманию или к ложной интерпретации знака.

Основываясь на собственных наблюдениях за коммуникативным поведением представителей русской и испанской культуры, можно сделать некоторые интересные выводы.

Во-первых, некоторые знаки, используемые в коммуникации, схожи, что приводит к их смешению и неправильной трактовке. Например,

знак адоральной системы – поцелуй. В испанской культуре принят поцелуй-приветствие, двоекратное прикосновение щеки к щеке собеседников. В русской культуре принято троекратное лобызание. При встрече испанца и русского испанец может получить в подставленную щеку смачный поцелуй, и к тому же не один, что вызывает смущение и удивление. Еще один пример неправильной трактовки похожих по способу выражения знаков. В испанской коммуникации указательный палец, поднесенный к глазу и сопровождаемый междометием «¡Ojo!», выражает призыв к вниманию. Одна из учениц, сопровождавшая испанцев в прогулках по городу, посочувствовала им: «Бедные испанцы! У нас такой город грязный, что им постоянно что-то попадает в глаза».

Во-вторых, под влиянием СМИ, телевидения происходит заимствование знаков из чужой культуры, как правило, американской (США). Например, невербальные знаки ОК или неприличные знаки, замещающие или сопровождающие нецензурные выражения. Их значения понятны представителям испанской и русской культуры. Или рассмотрим, например, приметку, закрепленную во фразеологизме *Пятница тринадцатое*. Несмотря на то, что число 13 во многих культурах имеет отрицательное значение, данное словосочетание как обозначение роковой приметки, предрасудка пришло из англоязычной культуры. Ср. *El trece y el martes no te abarcas ni te cases*. (Букв. Тринадцатого и во вторник не отправляйся в путь и не женись). В испанской традиции пятница заменяется на вторник, а в русской традиции отсутствует закрепление злосчастия числа 13 за каким-либо днем недели.

В-третьих, отсутствие или присутствие каких-либо знаков приводит к ложной интерпретации. Если рассматривать национальную кухню как отдельную семиотическую систему, в разных культурах будут наблюдаться большие расхождения. Приведем некоторые сентенции испанцев по поводу русских блюд.

¿No tenéis aceite de oliva? ¿Y cómo preparáis la comida sin aceite? ¿Con grasa? (У вас нет оливкового масла? А как же вы готовите еду? На жи-ре?) – Ложный вывод: у русских нет растительного масла.

¡Hacéis tantas ensaladas con col y remolacha, ¿es que no os gusta la lechuga? (Вы делаете столько салатов со свеклой и капустой. Вам не нравится зеленый салат (лиственной)) – Ложный вывод: русским не нравится зеленый листовый салат.

Очевидно, что в испанском сознании понятие «*aceite*» (растительное масло) закреплено за оливковым маслом, с которым готовятся практически все блюда испанской кухни и которое столетиями производилось в Испании. «*Растительное масло*» для русского человека – это, прежде всего, подсолнечное масло. Такое различие обусловлено

климатическими и географическими особенностями: оливки не растут в России, а вот подсолнечник вызревает и традиционно перерабатывается. Редкое присутствие зеленого салата в русских блюдах также объяснимо. Это растение сезонное, в то время как свекла или капуста могут долго храниться и оставаться источником витаминов в течение года.

Таким образом, можно утверждать, что различия языкового сознания и коммуникативного поведения русскоязычных и испаноязычных коммуникантов действительно проявляются в межкультурной коммуникации, имеют системный характер, и это отражается на различных языковых уровнях и в различных системах невербального кодирования.

¹ Исследование поддержано РФФИ, грант № 04-06-96025.

² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. С. 26.

³ Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2002. С. 68

⁴ Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. С. 25.

⁵ Персикова Т.Н. С. 30–31.

⁶ Быстрова А.Н. Мир культуры (Основы культурологии). М., Новосибирск, 2000. С. 95. См. так же Харченко. С. 25–26.

⁷ Коршунов А.М., Мантанов В.В. Диалектика социального познания. М., 1988. С. 313.

⁸ Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М., 1984. С. 181.

⁹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб, 2004. С. 35.

¹⁰ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.

¹¹ Тарасов Е.Ф. к построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 30–34.

¹² Харченко Е.В. С. 27.

¹³ Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 38.

¹⁴ Карасик В.И. Ценностная картина мира: Межкультурный аспект // Языковое сознание: содержание и функционирование // Под ред. Е.Ф. Тарасова. М., 2000. С. 106–107.

¹⁵ Там же, С. 107.

¹⁶ Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. С. 14–17.

¹⁷ См. напр. Голубева С.С. Имена собственные плутовского романа в русских переводах // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт. Часть 3: Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. Нижний Тагил, 2003. С. 58–62; Голубева С.С. О некоторых вербальных и невербальных аспектах интеграции русских детей в испанскую культуру // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности. Екатеринбург, 2004. С. 110–118, и др.

¹⁸ См. напр. Cadifanos A., Riesco E. Comunicación y relaciones profesionales. Madrid, 2000.

¹⁹ См. напр. О.М.Калаустова. Бизнес-курс испанского языка. М., Киев, 2003. 448 с.

²⁰ Журавлев А.П. Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 103.

²¹ Харченко Е.В. С. 253.

²² Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 1., М., 2002. С. 177.

²³ Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000. <http://kachkine.narod.ru/CommTheory>.

АССОЦИАЦИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НЕКОДИФИЦИРОВАННОЙ ЛЕКСИКОЙ: ПОИСКИ АДЕКВАТНОЙ МЕТОДИКИ ОПИСАНИЯ

Е.Н. Гуц

Жаргонные и просторечные (некодифицированные, ненормированные) ассоциации – относительно новый для лингвистики объект исследования¹, поэтому еще остаются актуальными вопросы «что, как и зачем изучать», а применение уже известного метода к новому материалу неизбежно ставит перед исследователем новые задачи².

Цель данного исследования – разработать методику анализа ассоциаций, представленных некодифицированной лексикой.

Очевидно, что для достижения этой цели необходимо было решить практическую задачу – провести серию ассоциативных экспериментов, используя репрезентативную и достаточную выборку, обеспечив соответствие данного исследования принятым стандартам и возможность переноса и/или обобщения результатов на другие объекты и условия исследования.

Свободный ассоциативный эксперимент проводился в общеобразовательных заведениях г. Омска (школах, гимназиях, лицеях и колледжах) в 2002–2004 гг. Возраст испытуемых – 15–17 лет. В контрольных экспериментах участвовали дети 10–11 лет и взрослые 25–30 лет.

Для обеспечения экологической валидности, т.е. соответствия процедуры и условий лабораторного исследования «естественной» реальности³, необходимо было разработать правила проведения свободного ассоциативного эксперимента в подростковой и детской аудиториях, причем эксперимента, цель которого достаточно специфична: необходимо выявить стабильные связи между определенным ментальным содержанием и некодифицированными языковыми единицами. Мы полагаем, что если структуры образа сознания в ситуации речевого общения достаточно регулярно овнешняются некодифицированными языковыми единицами, то это должно происходить и в экспериментальной ситуации.

Таким образом, для нашего исследования инструкция «отвечать первым пришедшим в голову словом, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова-реакции» особенно важна и принципиальна. Необходимо было создать условия, отвечающие требованиям психологии и психолингвистики: «ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно – испытуемый не должен размышлять над тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. Само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле»⁴.

Пилотажный эксперимент. Цель эксперимента – уточнить экспериментальную гипотезу;

проверить качество разработанной методики, ее соответствие задачам и объекту исследования; выявить возможные побочные переменные. Именно на этом этапе исследования отрабатывались требования к условиям проведения эксперимента. Кроме общих требований, касающихся времени, места, мотивации деятельности испытуемых, были выработаны и частные рекомендации по проведению такого рода эксперимента в школьных аудиториях. Самым ответственным и сложным оказался этап предъявления испытуемым анкет и формулирование экспериментальной задачи. Необходимо было избежать двух крайностей: ситуации контрольного тестирования с требованием «не опозорить себя и школу» и, напротив, игровой ситуации, провоцирующей на отгадывание, соревнование в остроумии и находчивости.

Объем выборки – 105 испытуемых. Список стимулов формировался из слов – имен (названий) семантических полей некодифицированной лексики⁵: мужчина, женщина, сильный, слабый, толстый, худой, высокий, маленький, болеть, курить, пьяный, наркотики, есть, спать, секс, удовольствие, веселье, страх, любить, презирать, хитрый, жадный, ленивый, наглый, неряшливый, легкомысленный, понимать, глупый, сумасшедший, компания, семья, говорить, лгать, лстить, ссориться, дружба, драка, предавать, надоедать, учеба, бизнес, преступление. Указанный список соответствует синоптической схеме «Идеографического словаря ненормативной лексики»⁶, но в экспериментальных анкетах он варьировался. К этому списку были добавлены слова, которые, по нашему мнению, не могут (хотя бы теоретически) вызвать некодифицированные вербальные ассоциации: море, небо, надежда, цвет, лес, душа, бог, вода, огонь, земля.

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ-1) был проведен в 2002 г.

Для обеспечения репрезентативности выборки (500 анкет) учитывалось соотношение общеобразовательных школ, колледжей и учебных заведений инновационного типа (гимназий, лицеев, частных школ-лабораторий), которое можно представить в виде следующей пропорции – 4:1:1. При объеме выборки 500 число анкет для школ – 334, для учебных заведений инновационного типа – 83; для колледжей – 83. Кроме того, было обеспечено равномерное распределение участников эксперимента по всем районам города. Так как одной из частных задач исследования является определение (если, конечно, она имеется) зависимости использования в качестве реакции некодифицированного слова от такого фактора, как пол испытуемого, количество мальчиков и девочек было равным (250–250).

Для того чтобы повысить валидность исследования, мы максимально приблизили условия проведения ассоциативного эксперимента к тем условиям, которые были обеспечены при проведении массовых ассоциативных экспериментов с носителями четырех славянских языков (белорусского, болгарского, русского и украинского) и представлены в исследовании Н.В. Уфимцевой⁷. Был использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), количество испытуемых (500 человек), письменная форма выполнения (испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом); анкеты генерировались методом случайных чисел, чтобы не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов, а значит, и столь распространенного в школьной аудитории списывания. Кроме того, многовариантное предъявление стимульного списка почти исключает влияние предыдущего стимула (стимулов) на состав ассоциативного поля.

САЭ-2 был проведен в 2003 г. в четыре этапа с промежутками 1,5–2 месяца. В эксперименте участвовало 1045 учеников (возраст испытуемых 16–17 лет). При объеме выборки 1000 число анкет для школ – 668, для учебных заведений инновационного типа – 166, для колледжей – 166.

На каждом этапе реципиентам предлагался список слов, состоящий из 50 лексических единиц. В каждый список, наряду с общеупотребительными словами, были включены жаргонные метафоры (по 15 слов в каждой анкете). Списки стимулов формировались из наиболее частотных реакций, полученных в САЭ-1. К ним были добавлены имена семантических полей из «Идеографического словаря ненормативной лексики» (удовольствие, лгать, драка, неряшливый, понимать, дружба, предавать и др.) [6], а также некоторые слова из ядра языкового сознания русских (по данным «Словаря ассоциативных норм русского языка» и «Русского ассоциативного словаря»), которые не были включены в список стимулов для САЭ-1: урок, товарищ, тетрадь, кино, нет, девушка, парень.

Эксперимент проводился в устной форме, т.е. испытуемые воспринимали слова-стимулы на слух. Такая форма проведения САЭ выбрана не случайно. Нам было необходимо уменьшить латентный период (время, прошедшее между произнесением слова-стимула и ответом испытуемого) до 5–7 секунд [САНРЯ, с. 54], что позволило выполнить основное методическое правило: испытуемые должны отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом, не раздумывая и ни с кем не советуясь. Уменьшение латентного периода, обеспечение самостоятельности выполнения экспериментального задания, повышенный контроль за условиями проведения САЭ особенно необходимы для «скрытия» от испытуемых истинных целей эксперимента: установить,

как некодифицированная (жаргонная или просторечная) метафора идентифицируется при отсутствии внешнего вербального или ситуативного контекста, какое значение, прямое или переносное, актуализируется в САЭ и каков процент некодифицированных ассоциаций.

САЭ-3 был проведен в 2004 г. В список стимулов были включены только жаргонные и просторечные слова (25 лексических единиц).

Кроме того, для исследования некодифицированных вербальных ассоциаций в гендерной, возрастной и девиантной парадигмах⁹ была проведена серия контрольных ассоциативных экспериментов.

1. Свободный ассоциативный эксперимент в 5–6 классах общеобразовательных школ, гимназий, лицеев. Объем выборки – 250. Возраст испытуемых – 10–11 лет. Методика проведения эксперимента та же, что и в САЭ-1 (использовалась письменная форма выполнения, анкеты генерировались методом случайных чисел). Количество стимулов – 40 лексических единиц.

2. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ-1 и САЭ-2) в возрастной группе 25–30 лет. Объем выборки – 26 анкет. 16 человек участвовали в проведении анкетирования в 1993 году. Все испытуемые родились и выросли в г. Омске, получили высшее образование.

3. Свободный ассоциативный эксперимент в «малых группах» (по 5–7 человек). Количество участников эксперимента – 208 человек. Список слов-стимулов формировался методом случайных чисел из стимулов САЭ-1 и САЭ-2. При проведении исследования учитывалось время, место, условия организации эксперимента, психические и поведенческие особенности испытуемых, их пол и межличностные отношения. Основная цель данного этапа – изучение индивидуальных анкет испытуемых, установление зависимости использования некодифицированных ассоциаций от пола, уровня выраженности различных форм агрессии, в том числе – вербальной, самооценки и девиантного поведения испытуемых.

Второй этап исследования – разработка системы анализа некодифицированных вербальных ассоциаций. Мы не ставили цель создать новую, оригинальную классификацию, хотя и полностью согласны с утверждением, что «сколько существует исследований, столько – и классификаций реакций»¹⁰. Для решения конкретных практических задач нам было необходимо изучить и проанализировать все имеющиеся логические, психологические, лингвистические, культурологические классификации и на этой основе выработать приемлемую для исследования специфического объекта (некодифицированных вербальных ассоциаций) классификацию. При этом мы стремились учесть факторы, оказывающие принципиальное влияние как на построение классификации, так и

на интерпретацию данных, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента¹¹. Для нашего исследования значимыми являются следующие факторы: характеристика стимульного слова; частота реакции в ассоциативном поле; предмет классификации (стимул–реакция и/или связь между ними); данные информантов, принимающих участие в САО; направление анализа (вертикаль – горизонталь). Кроме того, исходя из задач данного исследования при анализе ассоциативного материала мы учитывали характеристику реакции по ее отношению к формам существования русского национального языка.

Рассмотрим каждый фактор в отдельности. Первое, что необходимо определить, приступая к исследованию реакций, – это способ проведения анализа данных: «если анализируются реакции, образующие ассоциативное поле и полученные от различных информантов, то мы формально можем определить его как горизонтальный. Если же речь идет об анализе отдельной ассоциативной анкеты или ассоциации отдельного испытуемого на список различных стимульных слов, то такой анализ и построенную на этом классификацию мы определяем как вертикальную»¹². Анализ большого количества анкет (наименьшее количество – 500) дает возможность сделать вывод об использовании некодифицированных реакций, о коммуникативных тактиках усредненной, совокупной языковой личности подростка, т.е. «обобщенной, в известном смысле сконструированной исследователем личности»¹³. Исследование всей совокупности реакций испытуемого на весь список стимулов (анализ по вертикали) позволяет, как нам кажется, верифицировать полученные данные.

Примером вертикального анализа экспериментальных данных может служить предпринятое Ю.Н. Карауловым исследование типов отношений, наблюдаемых между стимулом и реакцией в ассоциативно-вербальной сети, а также индивидуальных черт коммуникативного поведения испытуемых при проведении свободного ассоциативного эксперимента¹⁴. По результатам ассоциативных экспериментов с одним испытуемым были получены и исследованы ассоциативные словари личности¹⁵. Учет результатов серии пилотажных ассоциативных экспериментов, проведенных нами в 1999–2001 гг., и выводы, сделанные В.Е. Гольдиным и А.П. Сдобновой на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области», о влиянии стимула-жаргонизма на нейтральность / стилистическую маркированность или некодифицированность реакции: «в случае, если стимул сам является жаргонизмом, он задает сниженную неофициальную тональность общения и повышает вероятность появления ответов-жаргонизмов»¹⁶ – подтверждают необходимость учета при классификации реакций характера (а именно параметра кодифицированность / некодифицированность) стимула.

В нашей классификации выделены следующие типы стимульных слов: 1) кодифицированное, стилистически нейтральное слово; 2) некодифицированное (жаргонное, просторечное, диалектно-просторечное) слово; 3) жаргонная метафора. Выделение жаргонной метафоры в отдельную группу считали необходимым, так как априори полагали, что стратегии выбора испытуемым реакции при предъявлении ему некодифицированного слова (например, бухать, хавать, кайф, лох) и жаргонной метафоры (например, гнать, лечить, ботаник, слива), неодинаковы, а свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в несколько этапов, с использованием различных списков слов-стимулов, с репрезентативной выборкой, даст материал, который позволит изучить особенности

В классификации некодифицированных реакций учитывается и отношение самих реакций к формам существования (подсистемам) русского национального языка выделяются жаргонные, просторечные, грубо-просторечные, диалектно-просторечные реакции.

Следующий значимый для нашей классификации признак – частота реакций r в ассоциативном поле. Сам языковой материал (а точнее, его количество) «подсказал» типы реакций, которые можно выделить по данному основанию: 1) реакции с высокой частотой; самая частотная из них – кайф на стимул наслаждение (216 из 500 реакций, что составляет 43,2 %): $20 \leq r < 100$; 2) реакции со средней частотой: $10 \leq r < 20$; 3) реакции с низкой частотой: $0,4 < r < 10$; 4) единичные реакции $0 < r \leq 0,4$.

При анализе некодифицированных реакций принципиально важно, на наш взгляд, учитывать характер отношений, возникающих между стимулом и реакцией, т.е. пытаться восстановить ход ассоциативного процесса, установить тип связи между стимулом и реакцией и определить коммуникативные тактики, выбранные испытуемыми.

Ю.Н. Караулов выделяет пять коммуникативных тактик испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте: предикацию (в узком смысле – как приписывание признака предмету), номинацию (в том числе дефиницию), локацию, оценку и пропозицию¹⁷. Анализ результатов серии ассоциативных экспериментов, проведенных в подростковой аудитории, позволяет сделать вывод о наличии еще одной тактики у испытуемых – инвективной. Под инвективной мы понимаем «способ существования вербальной агрессии, воспринимаемой в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный»¹⁸.

Анализ реакций по «вертикали» позволяет определить не только коммуникативные тактики, но и стратегии, которые «легче всего обнаруживаются в повторяемости способов реагирования на различные стимулы в одной и той же анкете»¹⁹. На наш взгляд, большую теоретическую и практическую ценность имеет разграничение ассоциативных тактик и стратегий: «если под ассоциативны-

ми тактиками понимать выбор языковых моделей реагирования (синтагматическая, парадигматическая, словообразовательная, антонимия, синонимия и т.д.), то ассоциативная стратегия – это выбор коммуникативных моделей, и одна и та же коммуникативная стратегия может обслуживаться в ассоциациях, соответствующим различным тактикам»²⁰.

Изучение всего массива некодифицированных реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте²¹, исследование коммуникативных тактик испытуемых по индивидуальным анкетам позволяет разработать классификацию, в основе которой – «вся ассоциативная триада: стимул, реакция и связь, возникающая между ними»²².

Коммуникативные тактики испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте коррелируют со следующими типами реакций (таблица).

Таблица

Коммуникативная тактика испытуемого	Тип реакции
1. Предикация	Развертывание
2. Номинация	Развертывание
	Собственно семантический
	Пояснение
3. Оценка	Оценочный
4. Локация	Развертывание
5. Пропозиция	Собственно ассоциативный
6. Инвективная	Инвективный

1. Собственно семантические реакции.

К этой группе мы относим реакцию, если в семантике S и R имеется общий множитель. Под семантическим множителем в данной работе понимается «всякое слово на выходе (в дефиниции) толкового словаря» и признается априори, что «два слова считаются связанными друг с другом, если имеют хотя бы один общий множитель»²³.

Типы собственно семантических реакций:

1. S и R – синонимы: говорить – *базарить*, разговор – *базар*, веселый – *прикольный*, хорошо – *кайф*.

2. S и R – антонимы: думать – *тупить*; чистить – *марать*.

3. S – гипоним, R – гипероним: хлеб – *хавчик*.

4. S – действие, R – субъект действия: пить – *алкаш*, думать – *ботаник*.

5. S – действие (ситуация), R – объект действия (ситуации): есть – *хавчик*, пить – *бухло*.

6. S – действие, R – его результат: обманывать – *гон*, обещать – *лапша*.

7. S – результат действия, R – действие: обман – *знать*, обман – *отмазаться*.

8. S – опредмеченное действие (имя действия), R – действие: разговор – *базарить*, работа – *горбатиться*.

9. S – признак, R – лицо, характеризующее этим признаком: жадный – *жмот*, маленький – *децл*, веселый – *сливак*.

Для нашего исследования важно объединение в один тип реакций, казалось бы таких разных с точки зрения частеречной принадлежности и семантических связей (синонимы, антонимы, гипонимы и т.д.), однако принадлежащих одному семантическому полю. Поэтому мы не выделяем реакции-синонимы, хотя и самые частотные, безусловно занимающие особое место среди некодифицированных реакций, в отдельную группу, но и не рассматриваем их традиционно в разряде парадигматических (что для нашего исследования было бы слишком общо), не считаем их и собственно ассоциативными; реакциями по привычной связи²⁴ или реакциями-пояснениями²⁵ что, напротив, было бы неоправданно «узко» для нашего ассоциативного материала. Собственно семантические ассоциации, представленные некодифицированной лексикой, могут появиться в ассоциативном поле стимула, выраженного кодифицированной лексической единицей, только при условии знания испытуемыми семантического сходства / противопоставления S и R на уровне лексической системы русского национального языка во всем многообразии форм его существования.

2. Реакции развертывания.

Этот тип реакций включен в классификации Н.А. Гасицы²⁶ и Е.И. Горошко²⁷. Нам кажется удачным выделение в отдельную группу реакций, дополняющих слово до некоторой единой структуры. Такие реакции, объединенные в группу предикативных и имеющие несколько разновидностей определения, реакции-дополнения), представлены в классификации, разработанной А.Р. Лурия²⁸ для изучения детских вербальных ассоциаций и оказавшей большое влияние на многие психологические и лингвистические классификации (обзор этих классификаций дан в монографии Е.И. Горошко). Мы отказались от термина «предикативные реакции», безусловно точного и содержательного, так как в своем исследовании употребляем термин «предикация» для определения одной из коммуникативных тактик испытуемых в САЭ, а также в расширительном смысле: «как символ, отражающий содержание основного закона ассоциативно-вербальной сети»²⁹.

В исследуемом ассоциативном материале можно выделить следующие разновидности реакции развертывания: 1) собственно предикативные реакции (дядя – *алкаш*; брат – *друган*; мужчина – *качок*; старый – *сдохнет*); 2) атрибутивные (мальчик – *голубой*, машина – *крутая*, мужчина – *накаченный*, где S – имя существительное, R – имя прилагательное); 3) объектные (терять – *бабки*; ненавидеть – *отстойника*, *шпану*; много – *филок*, *лохов*); 4) локативные (голос – *из парашки*; успеть – *на стрелку*); 5) номинативные (глупый – *пацан*; богатый – *фрайер*; родной – *чел*; веселый – *чувак*; слабый – *перец*, где S – имя прилагательное; R – имя существительное).

3. Реакции пояснения.

Для некодифицированного лексического материала оказалось необходимым и выделение в отдельную группу реакций-пояснений. При таком типе ассоциирования испытуемый стремится объяснить значение стимула различными способами. В нашем эксперименте так же, как и в экспериментах, проведенных Е.И. Горошко, данный тип реакций встречается довольно часто, а пояснение происходит на разных уровнях абстракции: «это может быть либо стремление дать дефиницию, либо объяснить значение слова через конкретную ситуацию, близкую испытуемому»³⁰.

Примеры реакций пояснений: много – *до талого*; *до фига*; *до хрена*; богатый – *крутой чувак*; гость – *левое тело*; ребенок – *маленький поганец*; народ – *много чуваков*; говорить – *молоть язык*; вспоминать – *напрягать извилины*; думать – *напрягать мозги*; думать – *не тупить*; веселый – *под кайфом*; богатый – *полно филок*.

4. Собственно ассоциативные реакции.

К этой группе мы относим такие пары S – R, где четко прослеживается смысловая связь между стимулом и вызванным им представлением³¹: вечер – *стрелка*, зло – *менты*, дело – *мусор*, встреча – *базар*, гость – *бухня*, деревня – *бухаловка*, утро – *бодун*, вместе – *кореша*, радость – *торкнуло*, стыд – *косяк*.

В исследуемом ассоциативном материале представлены пары S – R, в которых устанавливается функциональная и причинно-следственная связь. Немногочисленные реакции (в терминологии А.Р. Лурии) абстрактного типа, выходящие за пределы конкретных отношений.

5. Оценочные реакции.

Выделение оценочных реакций хотя и необходимо в данной классификации, но требует определенных ограничений по следующим причинам. Во-первых, нельзя не согласиться с тем, что «выражение оценки может сопровождать любой тип связей в паре S – R» и оценочными можно считать только такие пары, «где оценочное отношение преобладает»³². Во-вторых, некодифицированные (жаргонные и просторечные) слова могут обладать экспрессивностью, которая порождается сочетанием таких их свойств, как интенсивность (отражение в семантике слов гиперболизированных признаков), ненормативность признака предмета, явления; эмотивность и оценочность³³. Однако некодифицированные, в частности жаргонные, слова могут употребляться и в нейтральных контекстах с «нулевой» оценочностью или выражать положительную оценку, «меняя минус на плюс»³⁴.

Таким образом, в группе оценочных реакций мы оставили только те реакции, которые допускают простейшую и очевидную (без экспертной оценки) замену на «хорошо» или «плохо»: работа – *беспонт*, любовь – *безнадега*, жизнь – *отстой*, пить – *стрем*, работа – *фуфло*, терять – *стрем*, работа – *отстой*, вместе – *зашибись*.

6. Инвективные реакции.

В функции инвективы слова теряют основное денотативное значение (например, *лох* – слабый, глупый, жертва; *урод* – человек с физическим недостатком, с некрасивой, безобразной внешностью) и приобретают способность служить комбинированным средством выражения эмоций, чаще – гнева, отвращения, презрения. Безусловно, любая реакция-инвектива имеет такой признак экспрессивности, как эмоциональная оценка. Однако в парах (стимул – реакция) актуализируется не только и не столько оценка стимула, сколько вербальная агрессия, которую можно рассматривать как интериоризацию поступка, то есть как преобразование внешних по форме процессов в процессы, происходящие в умственном плане сознания³⁵.

Примеры реакций-инвектив:

мальчик – *лох*; друг – *лохан*; муж – *урод*; ребенок – *чмо*; жадный – *чмарь*; богатый – *гад*; маленький – *гоблин*; враг – *козел*; народ – *козлы*; мужчина – *кобель*; девочка – *курва*; женщина – *лохушка*.

Учитывая все факторы, оказывающие влияние на построение классификации реакций и на интерпретацию экспериментальных данных, мы разработали схему анализа некодифицированных вербальных ассоциаций. Предлагаемая методика основана на использовании алгоритма, т.е. системы операций, применяемых по строго определенным правилам, которая после последовательного их выполнения приводит к решению поставленной задачи. Кроме того, последовательность операций предполагает ступенчатый «подъем» от низшего уровня анализа к высшему:

I. Выбрать способ (направление) анализа реакций:

1. «По горизонтали».
2. «По вертикали».

II. Установить вид стимула по параметру кодифицированность / некодифицированность:

1. Стимул = общеупотребительное, кодифицированное слово.
2. Стимул = жаргонная метафора (некодифицированный ЛСВ).
3. Стимул = некодифицированное слово.

III. Определить тип реакций по их отношению к формам существования русского национального языка:

1. Жаргонные реакции.
2. Просторечные реакции.
3. Грубо-просторечные реакции.

IV. Определить частоту встречаемости реакции в индивидуальной анкете (анализ по «вертикали») или тип реакций по частоте г встречаемости в ассоциативном поле (анализ по «горизонтали»):

1. Высокочастотные, с частотой $20 \leq r < 100$.
2. Со средней частотой $10 \leq r < 203$.
3. С низкой частотой $0,4 < r < 10$.
4. Единичные $0 \leq r \leq 0,4$.

V. Установить тип реакций по характеру связи (отношений) между S и R:

1. Собственно семантические реакции.
2. Реакции развертывания:
 - 2.1. собственно предикативные;
 - 2.2. номинативные;
 - 2.3. атрибутивные;
 - 2.4. объектные;
 - 2.5. локативные.
3. Реакции пояснения.
4. Оценочные реакции.
5. Инвективные реакции.

Алгоритмизированная схема анализа использовалась нами для решения различных исследовательских задач. Во-первых, при изучении реакций, представленных в ассоциативном поле как модели языкового сознания подростков. Данный подход к анализу объекта позволяет установить зависимость частоты реакции и типа связи между стимулом и реакцией от такого параметра стимула, как кодифицированность/некодифицированность; определить коммуникативные тактики испытуемых и их детерминированность семантикой стимула; выявить, какие полюсы структуры образов сознания становятся доминирующими у испытуемых при реагировании некодифицированной лексической единицей в свободном ассоциативном эксперименте. Во-вторых, при изучении ассоциативного материала от реакции к стимулу/стимулам.

Разработанная схема анализа ассоциаций, представленных некодифицированной лексикой, позволяет исследовать объект (жаргонные и просторечные слова-реакции) в его отношениях с другими объектами (словами-стимулами), т.е., используя модель $R \leftarrow S(1); S(2); S(3); S(N)$, получать знания о функционировании исследуемых единиц в речи усредненной, совокупной языковой личности подростка. Кроме того, предлагаемый подход к анализу ассоциативного материала позволяет учесть «все многообразие факторов и условий, связанных с психической жизнью активного субъекта речемыслительной деятельности»³⁶.

¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 133–141. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Стилистические коннотации в ассоциативном словаре // Вопросы стилистики. Саратов. 1999. Вып. 28. С. 282–290. Морозова О.Е. Жаргон как психолингвистический феномен // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной). Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2002. С. 133–134.

² Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 320.

³ Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003. С. 319.

⁴ Фрумкина Р.М. Цит. соч.

⁵ Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности). Дис. ... канд. Омск, 1995.

⁶ Там же.

⁷ Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М., 2000. С. 207–219.

⁸ Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука, 2002. С. 152–170.

⁹ Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.

¹⁰ Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков. М., 2001. С. 320.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 180.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. 1993, № 5. Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника. // Русский язык сегодня. Сб. статей. М., 2004. Вып. 3. С. 286–295.

¹⁶ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 133–141.

¹⁷ Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.

¹⁸ Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 1997. С. 330.

¹⁹ Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 215–226.

²⁰ Там же.

²¹ Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004. С. 153.

²² Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента.

²³ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

²⁴ Лурия А.Р. Речевые реакции ребенка // Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1928. С. 11–45.

²⁵ Гасица Н.А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

²⁶ Там же.

²⁷ Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Дис. ... докт. филол. наук.

²⁸ Лурия А.Р. Цит. соч.

²⁹ Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.

³⁰ Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Дис. ... докт. филол. наук.

³¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации.

³² Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.

³³ Лукьянова Н.А. Материалы к «Словарю синонимов

говоров Новосибирской области». Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 261–309.

³⁴ Гуц Е.Н. Цит. соч.

³⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 304.

³⁶ Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. М., 2000. С. 382.

ПАТРИОТИЗМ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ, АНГЛИИ И США

Н.А. Красильникова

Образ родной страны – центральная составляющая концепта СВОИ. Сопоставительное когнитивно-дискурсивное исследование метафор в политическом дискурсе Зеленых России, США и Англии показало, что экологи этих стран по-разному концептуализируют родную страну, что является важным показателем для изучения национальных менталитетов¹.

Русскому менталитету всегда были свойственны общинность, открытость, широта («Широк человек, я бы сузил», — Ф.М. Достоевский), Широта русской натуры заключает в себе возможность непоследовательности, сочетания полярностей и экстремизм, при этом антиномизм, непоследовательность, нерасчетливость становятся нормой жизни. Н. Лосский констатировал, что воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека обыкновенно не имеет строго выработанного содержания и формы². Культурологи отмечают, что русская культура словно двойится, являя одновременно два отличных друг от друга лица³. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол – это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий.

Другим примером противоречивости русского национального характера является особое свободолобие русских, которое не исключает смирения и подчинения воле других. Способность ВЫСТОЯТЬ при любых обстоятельствах, не склонить голову ни перед чем считается проявлением внутренней свободы и гордости русских. Следствием такой антиномичности национального характера является правовой нигилизм, низкая политическая культура и психологическая установка на то, что за состояние страны и благосостояние народа ответственны ОНИ, но никак не МЫ.

Для Зеленых России характерно представление родной страны как всемирной свалки. Подобная метафорическая экспансия отражает представления о катастрофическом состоянии страны и призвана пробудить гражданскую активность. Ср.:

Скоро начнется новая история страны – история России как мировой ядерной помойки [Иванов].

При сохранении этой ориентации мы останемся страной скважин и катастроф [Данилов-Данильян].

Яркие детериоративные метафорические образы, иллюстрирующие категорию ОНИ, доминируют при описании современного состояния общества, где *бурлит-чадит «большая» политика, отчаянно крутится между бандитами, губернаторами и налоговиками российский бизнес, интеллигенция либо готовится к отъезду, либо ищет, к*

кому прислониться, прочие заняты добыванием хлеба насущного... Эпидемия идиотизма охватила все общество, ... деградация общества и его верхов почти «закритична» [Борозин].

Морбиальная, криминальная метафоры и метафора свалки широко распространены в политическом дискурсе Зеленых России и позволяют им максимально «сгустить краски» при создании образа родной страны. Сильная негативная коннотация метафор направлена на формирование в национальном сознании убеждения, что хуже быть не может и пора задуматься о путях развития страны и преодоления равнодушия к ее судьбе.

Русскому народу приписывают укрепившееся державное сознание, которое можно назвать «условным патриотизмом» – персональной гордостью за успехи страны на мировой арене и резкое осуждение ее за любой шаг в неверном направлении. Поэтому существует опасность, что мощный эмоциональный заряд приведенных выше метафор пробуждает знакомые национальному сознанию чувства обреченности и безысходности, что приводит к отчуждению и противостоянию «зеленой» политике. Более эффективными для склада национального характера русских представляются способы латентного воздействия на национальное сознание, предоставляющие возможную альтернативу.

С этой точки зрения показательны метафоры, в основе которых лежит образ дороги, пути, по которому следует двигаться: Страна стоит перед выбором – *идти прямой дорогой в будущее или оставаться в радиоактивном тупике, в который мы постоянно превращаем нашу страну* [Иванов]. *Если не забывать, что комбинация разных источников энергии (волны, ветер, Солнце) может дать желаемый эффект, и что – дорогу осилит идущий* [Аккумулятор Новостей, 14.10.04].

Как манипулятивный прием, нацеленный на сплочение СВОИХ и побуждение к совместным успехам, в дискурсе отечественных Зеленых используются метафоры спорта и здоровья. Ср.: *...предложено создать всемирный фонд питьевой воды – здесь Россия уже является лидером, а не сырьевым придатком. В этом наше глобальное донорство. Россия может сделать рывок, расставить баланс экономических сил... Но для этого надо работать* [Панфилов]. *Россия ратифицировала Киотский протокол, тем самым, вдохнув в него жизнь* [Ситнина].

Подобные метафоры позволяют подчеркнуть хорошие шансы России на светлое будущее, которое реально достижимо, но на определенных условиях. Ограничение выбора и свободы русского

человека, имеет за собой многовековую историю торжества идеологии над здравым смыслом. Данный манипулятивный прием сохраняет свою актуальность и в наши дни, что укрепляет позиции политической метафоры как средства мобилизации воли русского человека и побуждения его к деятельности, направленной на защиту экологии и благополучие страны.

В дискурсе Зеленых США широко распространено отождествление МЫ – АМЕРИКА. Патриотичные американцы часто представляют свою страну в виде *homo sapiens*. Представление США с помощью метафорической модели АМЕРИКА – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ является эффективным манипулятивным приемом интеграции партии со своими избирателями. Персонификация служит идеальным средством выражения глубокой привязанности американцев к своей земле и гордости за свою страну. Напр.:

She unites all tendencies and interests in the Green Party and among all citizens whose love of life, of our land, and our planet is still burning strong in the face of intolerable stress, intimidation, impoverishment, and calculated lies of the Bush administration [Rensenbrink]. (Она интегрирует все тенденции и интересы Партии Зеленых и всех граждан, чья любовь к жизни, к нашей стране, и нашей планете еще кипит в ответ на невыносимый гнет, устрашение, обеднение людей и преднамеренную ложь администрации Буша.)

As the campaign went on America slowly began rediscovering itself, feeling better about itself and being less angry with others. It was no longer obsessed with hidden dangers but began thinking about long concealed possibilities. It could even think of the future and smile [Smith]. (По мере продолжения кампании Америка медленно начала открывать себя заново, лучше ощущать себя и меньше злиться на других. Она более не была одержима скрытыми опасностями, а стала думать о возможностях, долгое время хранившихся в тайне. Она даже смогла думать о будущем и улыбаться.)

Однако для реалистичного изображения действительности, позитивно окрашенные концептуальные метафоры необходимо чередовать с негативными образами, которые мобилизуют общество, вызывают волнение и беспокойство за свою страну, общий порыв исправить ситуацию, оказать помощь и выйти на верный путь. Напр.:

The sophisticated corruption of one candidate and the frat boy corruption of the other were deeply eroding voter interest... it felt like those moments when you turn the car around in a driveway, finally admitting you have taken the wrong road. More and more Americans had that feeling [Smith]. (Изоцренная коррупция со стороны одного кандидата и дилетантская [студенческая] коррупция со стороны другого глубоко развелили интерес избирателя... ощущение было подобно тому, когда разворачиваешь машину на дороге, соглашаясь нако-

неч, что неправильно выбрал путь. Все больше и больше американцев чувствуют это.)

Пять лет спустя после публикации статьи «Мечта пленительного счастья» слова В. Новодворской не потеряли своей актуальности: «Америка видит себя настырным прогрессором. Такая она и есть... Свободная. Полная гражданского достоинства. Несущая свободу всем в мире, даже вопреки их воле»⁴. Существует мнение, что поскольку США создавались и развивались на протяжении двухсотлетней истории, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром, сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью – уверенность в своем особом предназначении в мире⁵.

В контексте бескомпромиссной борьбы с терроризмом США действительно часто упоминается в СМИ всего мира как агрессор. В связи с этим можно сделать предположение, что метафора *to hijack* (*захватывать*), часто встречающаяся в американском политическом дискурсе в форме страдательного залога, указывает на определенную дистанцию, отделяющую мнение простых людей от кардинальных решений представителей бизнеса и власти, и на то, насколько обеспокоены могут быть первые складывающейся ситуацией. Ср.:

...our country has been hijacked by radical neo-conservatives and war-profiteering corporations [Fletcher]. (...на нашу страну напали и ограбили радикальные нео-консерваторы и корпорации, обогащающиеся за счет войны).

When campaign finance reform is hijacked by the big money interests, I know democracy is in danger [Gerritt]. (Когда денежный интерес захватывает финансовую реформу кампании, я знаю, что демократия в опасности.)

Метафора нападения/ограбления, истоки которой видятся в военной и криминальной метафорах, выбрана как средство формирования в сознании избирателя ощущения несправедливости и агрессии, от которых страдает население США. Такой прагматический смысл американские экологи вкладывают в свои слова с целью делигитимации политических противников в глазах электората и привлечения его в группу СВОИХ или объединения СВОИХ на почве несогласия с определенными аспектами государственной политики.

Актуализация метафорических моделей СТРАНА – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, НАСЕЛЕНИЕ США – это ЖЕРТВЫ позволяет рассмотреть за обилием информации СМИ различных стран образ современных американцев как глубоко патриотичных людей, которые не поддерживают насилие и хотели бы оградить свою страну от любых его проявлений.

Высокий уровень владения PR-технологиями приводит к повышенной метафоричности политического дискурса Зеленых Англии. Интересно отметить, что из трех рассматриваемых стран

именно в английском политическом дискурсе экологического движения актуализирована лексическая единица *spin doctor*, отмеченная в словарях ярлыком «американизм, полит.» ("стин – доктор", политтехнолог, эксперт по связям с общественностью (специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном предоставляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средствах массовой информации под нужным углом зрения). Показательно и то, как подробно объясняется данная реальность западного политического дискурса русскому читателю.

Географическая обособленность Великобритании способствовала формированию таких черт национального менталитета англичан как изоляционизм, щепетильность, неприкосновенность личного пространства, самодостаточность, чувство национального превосходства.

Еще в 1497 году венецианский посол писал из Лондона: «Англичане большие почитатели самих себя и своих обычаев. Они убеждены, что в мире нет страны, подобной Англии. Их высшая похвала для иностранца – сказать, что он похож на англичанина, и посетовать, что он не англичанин» [цит. по: Овчинников 1979]. Создается впечатление, что эти слова в полной мере можно отнести и к современным английским экологистам. Рассмотрим несколько типичных для экологического дискурса метафорических образов:

The deputy Prime Minister has claimed that Britain has "shrugged off the title of the dirty man of Europe" and been in the forefront of promoting environmental issues around the world [Prescott defends green credentials]. (Заместитель премьер-министра заявил, что Великобритания «стряхнула с плеч титул грязного человека Европы» и находится на передовой линии, повышая значение вопросов экологии во всем мире.)

Britain can play the key role in leading renewable energy technology [GP policy]. (Великобритания может играть ключевую роль в продвижении технологии использования возобновляемых источников энергии.)

Britain has been at the forefront of climate change negotiations held under the auspices of the US... [Open politics]. (Великобритания находится на передовой линии переговоров об изменении климата, которые проводятся под покровительством США...)

Героификация, легитимация и другие приемы позитивной саморепрезентации широко распространены в дискурсе экологического движения Англии. В политическом дискурсе английских Зеленых, обращенном к позиции Великобритании на мировой политической арене, создается образ сильной, прогрессивной страны, которой под силу играть главные роли и находиться в авангарде решения глобальных проблем современности.

В то же время английские Зеленые пытаются

закрепить в общественном сознании основные принципы чести и морали, для чего обращаются к метафоре природы: *холодному камню*, в который может превратиться сердце нации, или *бурному водовороту*, символизирующему масштаб разногласий внутри правительства страны в отношении ключевых проблем мирового сообщества. Например:

The British maelstrom of controversy over GM foods has not been mirrored here [Ghazi]. (Водоворот британской полемики вокруг генетически модифицированных продуктов не отразился здесь зеркально.)

Infidelity may rock your world and leave you stone cold, but not in the same way as NATO bomber does when it bombs the heating plant on your council estate and kills your child in the process. The latter is precisely what NATO under Clinton and Blair did in Yugoslavia. But apparently it wasn't the sort of sin that needs to be brought to our attention on the front pages of the newspapers. Sometimes it seems an inverse morality is at work in our society [Fitz-Gibbon]. (Супружеская неверность может потрясти ваш мир и оставить опустошенными [холодными, как камень], но это несравнимо с тем, когда бомбардировщик НАТО взрывает отопительную установку в вашем микрорайоне и при взрыве убивает вашего ребенка. Таковы были действия НАТО в Югославии во время правления Клинтона и Блэра. Но, очевидно, это не тот грех, на который следует обращать внимание на первых полосах газет. Иногда, кажется, перевернутая мораль работает в нашем обществе.)

Следует заметить, что экологистам Англии и США свойственно обращение к метафорам субсферы «природа» для концептуализации политических реалий в глобальном масштабе. Метафора стихии близка и понятна всем, а поэтому обладает сильным прагматическим потенциалом, который может быть использован как в контексте амальгамирования группы СВОИХ, так и с целью реификации оппонента.

Не менее востребованы в английском экологическом дискурсе и метафоры субсферы «человек». Например:

If only the British public would exercise its moral muscles as much over death and destruction as it does over extramarital liaisons, the world would be a much safer place [Fitz-Gibbon]. (Если бы только британская общественность напрягала свои моральные мускулы в отношении смерти и разрушения также сильно, как в отношении внебрачных любовных связей, мир был бы гораздо безопаснее.)

Медицинская метафора также актуальна для экологистов Англии, в дискурсе которых часто обнаруживаются признаки нарушения душевного равновесия нации, что требует соответствующего лечения. Ср.:

A second Chartist movement is needed to remedy the democratic deficit at the heart of the British par-

liamentary system [Second Chartist movement]. (Чтобы излечить сердце системы британского парламента от недостатка демократии требуется второе движение чартистов.)

Под ударом политической метафоры Зеленых оказывается не только мораль нации, но и внешняя политика страны: *...and not the least of the recent crimes of the US is that it has gone too far to destroy the UN's power to perform this function [of preserving the world peace].... We have been accomplices in this latter crime [Beaumont].* (.то, что США слишком далеко зашли, чтобы разрушить способность ООН выполнять эту функцию (сохранения мира на земле), является не последним по значимости из их недавних преступлений... Мы выступили их сообщниками в этом последнем преступлении (отремонтировать) нанесенный нами ущерб.)

Криминальная метафора в отношении участия Великобритании в военных конфликтах США широко распространена в политическом дискурсе страны. Обладая сильным прагматическим потенциалом, она является эффективным средством воспитания внутренних убеждений человека, позволяет обратиться к совести нации и вызвать сострадание.

Таким образом, для интеграции избирателей в круг СВОИХ по национальному признаку Зеленые России, США и Англии часто прибегают к использованию концептуальных метафор, в которых отражаются патриотические настроения нации. Зеленые России представляют свою страну как свалку, а общество как деградировавшее, больное и опутанное криминальными связями. Зато будущее страны предстает в более радужных цветах, нужно только приложить общие усилия. Для оптимистичных и патриотичных американцев не характерна метафора болезни. Они изображают свою страну в виде отдельно взятой личности с ее чувствами, интересами и настроениями. Развитие страны – это всегда движение вперед, по дороге, на которой, однако, не исключается встреча с криминальными элементами. Английским Зеленым

при метафорическом описании родной страны свойственны метафоры главных ролей на сцене и лидерства в спорте, концептуальный вектор которых генерирует дух патриотизма в обществе. Однако с присущей англичанам ретроспективностью и ироничностью они часто характеризуют британское общество с помощью отрицательно коннотированных метафор болезни и криминала, что рассеивает ореол славы вокруг Британской империи в глазах соотечественников.

От того, какой образ родной страны создается в масс-медиальном и политическом дискурсе, напрямую зависит отношение общества к родине. Поэтому очень важно, чтобы политическая метафора была не спичкой в руках неразумных детей, а своеобразным камертоном, виртуозно владея которым, мы можем привести голоса патриотического сознания общества к гармонии.

¹ Красильникова Н.А. Метафорическое моделирование действительности в дискурсе экологического движений России и Англии // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I международной научной конференции. Ин-т языкознания РАН; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; INST. Москва; Тамбов, 2004. Т. 1.

Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 208

² Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1999.

³ Культурология: теория и история культуры. М.: Знание, 1998.

⁴ Новодворская В. Мечта пленительного счастья // Новое время. 2000. № 50.

⁵ Веселова В.В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Педагогика. 1999. № 8.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ)

Г.Ш. Хакимова

90-е годы XX века ознаменовались формированием междисциплинарного направления российской гуманитарной науки – гендерными исследованиями. Главным объектом данных исследований стал гендер, понимание которого претерпело многочисленные трансформации в ходе их развития. В последнее время наметилась тенденция, подчёркивающая системный характер гендера и объединяющая различные подходы. В связи с этим стало чаще использоваться понятие гендерной системы, означающее комплексное переплетение процессов и отношений, фундаментальную составляющую социальных связей, стратификации общества по признаку пола¹. Многоаспектность гендерного конструкта, его встроенность в общественное сознание позволяет рассматривать его как концепт, манифестируемый в языке. Это обусловило необходимость привлечения к его исследованию лингвистической науки и, как следствие, возникновение нового направления в отечественном языкознании – лингвистической гендерологии (или гендерной лингвистики).

Одним из факторов сложности рассматриваемой общенаучной категории является инкорпорированность властных отношений, производной которых становится асимметрия мужского и женского. С этим связан тот факт, что при описании гендера далеко не всем исследователям удаётся дать беспристрастный, идеологически неангажированный анализ. Между тем гендерный подход предполагает многовариативное влияние фактора пола в силу его социального и психологического характера на основе биологических различий. В связи с этим в работах по методологии гендерных исследований в лингвистике указывается на необходимость учитывать принципы двух уровней: общенаучные и лингвистические принципы анализа гендера². Один из главных принципов, относящихся к первому уровню, заключается в том, что гендер, представляя собой устойчивую и в то же время изменчивую систему взаимодействий в обществе на основе половых различий, укоренён в культуре, т.е. имеет относительный характер. Являясь продуктом развития общества и культуры, гендер неизбежно находит отражение в языке и для исследования его рефлексии применимы собственно лингвистические методы в рамках направлений, существующих в современном языкознании.

Одним из перспективных подходов, способных вскрыть специфику отражения гендера в языке и культуре, несомненно, является лингвокультурологический. Но необходимо учитывать осо-

бенности современного состояния лингвистических изысканий, характеризуемого нарастающим развитием интеграционных процессов, предполагающих применение методов и методик, призванных добыть новые знания об изучаемых явлениях. Исследование культурных концептов, означенных в языке и выражающих национально-культурную специфику языкового сознания той или иной лингвокультурной общности, представляет собой сложнейшую проблему, охватывающую такой широкий круг вопросов, решение которых не может замыкаться рамками частнонаучных подходов. Одним из таких подходов интегративного характера является «этнокультурологический» подход, предложенный З.З. Чанышевой для исследования этнокультурных оснований лексической семантики³. Он опирается на теоретико-методологические принципы различных отраслей языкознания, обязательную верификацию теоретических постулатов в языковой практике и, наконец, реализацию этнокультурного варианта лингвокультурологии, предполагающую соотнесение этнокультурной модели мира и языковой картины мира⁴. Мы полагаем, что такой комплексный подход является весьма плодотворным и при изучении языковых явлений, отражающих такой многогранный феномен, как гендерный концепт, так как способствует, с одной стороны, более глубокому их изучению, а с другой, помогает избежать необоснованных, идеологически обусловленных выводов при описании социокультурного пола.

Кроме того, поскольку гендерные отношения пронизывают все области человеческой деятельности, гендерные исследования в целом отличает междисциплинарный характер, при котором «достигается высокая степень интеграции взаимодействующих наук, создаётся (выявляется или конструируется) специальный аппарат исследования общих свойств этих наук»⁵. Это обуславливает пограничную специфику исследований в рамках лингвистической гендерологии, заключающейся в необходимости привлечения данных многих гуманитарных наук: антропологии, этнографии, истории, литературоведения, психологии, социологии и др. Анализ знания, полученного в рамках этих областей, позволяет декодировать информацию, скрытую в языковых значениях, проникнуть в глубины речемыслительной деятельности и, в конечном счёте, способствует пониманию исследуемой этнокультурной модели мира.

Собственно гендерный уровень в языке состоит из уровней маскулинности/мужественности и фемининности/женственности, тесно перепле-

тённых между собой. Последние выступают как культурные конструируемые, обуславливающие гендерную стереотипизацию, присущую той или иной культуре и языку. Они имеют метафорический характер и сводятся к существованию в природе двух противоположных полов. Эта очевидная связь даёт возможность описывать признаки мужественности и женственности на основании их прототипов – характеристик реальных мужчин и женщин. Механизм возникновения «гендерной метафоры» впервые был раскрыт А.В. Кирилиной⁶. Исчисление гендерных стереотипов может быть осуществлено на основании языковых данных, т.е. единиц, объединённых общим гендерным признаком, прежде всего женской тематикой в силу их маркированности, и составляющих единый идейно-смысловой концепт «женщина».

В результате проведённого нами исследования, в ходе которого нами была предпринята попытка реализации интегративного подхода с учётом обоих уровней методологических принципов анализа гендера, нами составлен концептуальный портрет женщины в сопоставительном аспекте на материале одного из фрагментов языковой системы – паремических единиц английского и русского языков из словарей В. Даля⁷ и Б. Стивенсона⁸. При изучении лингвистического аспекта гендера все уровни языка как системы и языка в его функционировании могут подвергаться анализу. Но мы выделили паремиологический фонд в качестве поля нашего исследования в силу следующих причин. Во-первых, паремия рассматривается как материал, особенно информативный для интерпретации того или иного концепта, так как в ней содержатся его застывшие осмысления, сложившиеся на протяжении длительного времени на уровне архетипов. Во-вторых, она даёт «усреднённую», стереотипную картину мира и выражает оценку в эксплицитной форме. На наш взгляд, этот языковой пласт является особо ценным при рассмотрении гендерной проблематики, поскольку он позволяет выявить гендерные стереотипы, за которыми стоят логика практических рассуждений и представления аксиологического характера в отношении социального пола.

На основании концептуально идеографической параметризации исследуемый концепт «женщина» предстал как многоуровневое образование, состоящее из 3-х уровней: природно-физического, психологического, социо-этнического, распадающихся на интерпретативные блоки знаний – фреймы. Анализ языкового материала показал, что каждый фрейм индивидуален. Уникальность композиции фреймов создаётся степенью разработанности тех или иных параметров, базовой метафорой или существованием в рамках одного фрейма противоположных оценок, что обуславливает наличие внутрифреймовых модусов (термин Е.О. Опариной⁹). Внутрифреймовые модусы манифестируют особый взгляд носителей английского и русского

языков на концепт «женщина» в частности и гендерные стереотипы в целом. Контрастивный анализ способствует установлению их общих черт и культурно значимых отличий.

Остановимся на социо-этническом уровне, занимающем ведущее положение среди других концептосоставляющих уровней. Соотношение формирующих его единиц в русском и английском языках оказывается примерно равным (58,9%:60,5%) и составляет в целом почти две трети от общего числа гендерно релевантных паремий в каждом из рассматриваемых языков. Лидирующее положение этого уровня в составе рассматриваемого концепта подтверждает социокультурный характер гендерного конструкта и обусловлено тем, что женщина является прежде всего членом социума, взаимодействующим с другими его представителями, и выполняет отведённые ей гендерные роли с учётом её биологических особенностей. Таким образом, указанный уровень охватывает социально-статусные и ролевые характеристики, включающие семейное положение, родственные отношения, социальный статус, сферы социальной значимой деятельности. Он формируется в ходе долгой истории развития народа и напрямую детерминруется этническим, историческим, экономическим, политическим и религиозным факторами. Отражая культурно обусловленное распределение социальных функций между полами, он представляет собой наиболее сложную классификацию. В качестве главных ролей языковое сознание закрепляет за женщиной роли жены и матери, которые занимают ядерное положение в рамках концептуального поля «женщина». На его периферии оказывается параметрический признак, характеризующий социально значимую деятельность женщины, но образующий отдельный фрейм, обозначенный нами как «Женская деятельность». На наш взгляд, последний заслуживает особого внимания, поскольку, несмотря на немногочисленность формирующих его единиц, углубляет наше понимание национально-культурной специфики гендерных стереотипов рассматриваемых этносов. В русской и английской языковых картинах мира, отражающих указанный фрагмент действительности, просматриваются как черты сходства, так и существенные расхождения.

Отличия обнаруживаются уже в количественном плане: величина доли единиц русского языка (8 %) существенно превалирует над величиной доли паремий, объективирующий аналогичный английский фрейм (2,7 %). Учитывая общий объём русских гендерно релевантных паремий, по нашим данным, почти в четыре раза превышающий английский, можно констатировать большую степень андроцентричности последнего. Под понятием андроцентричности, предложенным А.В. Кирилиной понимается картина мира, основанная на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта и с точки зрения мужской перспективы¹⁰. Это сви-

детельствует о том, что деятельность женщины получила более богатое языковое выражение в отличие от английских паремий, что подтверждает тезис феминистской лингвистики о «замалчивании» (Unsichtbarmachung)¹¹ жизни и деятельности женщин и в целом их «невидимости» (women invisible)¹².

Что касается плана содержания рассматриваемого фрейма, в нём чётко прослеживаются сходные черты, касающиеся общих оценок: в обеих картинах мира деятельность женщины ограничивается исключительно «приватной» сферой. Домохозяйство, семья, материнство, имплицитно связываемые с биологической заданностью женщины, предстают как прототипические сферы женского труда, соответственно, «публичная» сфера закрепляется за мужчиной: *A house and a woman suit excellently. A woman is to be from her House three times: when she is Christened, Married and Buried. Муж дому строитель, а жена дому хранитель. Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе. Бабе дорога – от печи до порога.* Таким образом, в обеих языковых картинах мира женская социальная активность направляется в область семейной жизни. Наряду с общими прескрипциями, постулирующими отнесённость женской деятельности к домашней сфере, русские единицы конкретизируют обязанности женщины по дому: *Муж молоти пшеницу, а жена пеки палыницы (т.е. хлеб). Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж. Мой (мужнин) верх, а её (жены) макушка (от обычая, что посконь, которая стоит выше конопля, жёнино хозяйство). Девка платье моет, так вальком колотит.*

Необходимо заметить, что период возникновения исследуемых языковых единиц приходится на условия цивилизации, прежде всего ориентированной на потребительское хозяйство, вследствие этого домохозяйственная сфера являлась важнейшей, а роль женщины в этом смысле значительней, чем мужская, поскольку действовали другие ценности, чуждые современному сознанию. На первом плане находились повседневная жизнь, производство и распределение предметов первой необходимости, приготовление пищи, коллективная психология, воспитание детей, эмоциональные отношения. Как утверждает историк-медиевист А.Л. Ястребицкая: «Именно дом, домохозяйство являлись её (цивилизации – Г.Х.) подлинным ядром, формировавшим самую существенную ячейку жизни, и именно здесь проходила преимущественно жизнь средневекового человека. И женщина правила там. Господствующий вне сферы дома мужчина оказывался как бы зависимым в этой жизненно важной, необходимой сфере»¹³. Эта важная сфера женской деятельности, касающаяся ежедневных забот по дому и определяющая чёткое функционирование семейного механизма, получила значительно более широкое отражение в русских паремиях в отличие от английского материала.

Отличительной чертой русских единиц является тот факт, что в них объективируется представительница низших сословий, т.е. хозяйка дома, сама выполняющая хозяйственные работы в поле и дома. Этот блок паремий образует подробно разработанный модус, в котором декларируются «идеальные» качества хозяйки, такие как трудолюбие, бережливость, мастерство, чистоплотность, в целом – хозяйственность: *Не та хозяйка, которая говорит, а которая щи варит. В поле Маланья не ради гулянья, а стинушку гнёт для запаса вперёд. У Маланьи с маслом и оладьи.* Концептуализация этих черт чаще реализуется посредством экспликации противоположных, социально неодобряемых характеристик: *Хозяйка из села Помелова, из деревни Вениковой, пирожок испечёт, и корова не ест; да поставит три в печь, а вынет один. У ленивой пряхи и про себя нет рубахи. Стряпает день до вечера, а поест нечего. Смолоду прорешка, под старость дыра. Порог поскребла да пирог испекла. Посудник под лавкой, клеть на полатах, а курятник в красном углу. Вымыла ложки да вылила во щи. У неё и муж-то под лавкой валяется.*

В английской же паремиологии имеет место объективация быта представительницы зажиточных сословий, т.е. женщина предстаёт здесь как хозяйка дома, в функции которой входит чёткое распределение обязанностей между слугами и координация их действий. Ей вменяется в обязанность быть образцом добродетели и трудолюбия для прислуги: *Like mistress, like maid. All is well when mistress smiles.*

Таким образом, при реализации домохозяйственной деятельности в обоих языках женщина обладает известной долей самостоятельности. Однако при сходстве относительно субъектности женщины, выполняющей роль хозяйки, в английском модусе имеет место и объектность этого образа, иплицитно выраженная в единицах, представляющих собой рекомендации для мужчин: *If you can kiss the mistress, never kiss the maid.*

Наконец, главным отличием русского фрейма является подробная тематизация внедомашних видов женской деятельности – ролей свахи и бабки, выполняющих важные функции в русском социуме, образующих отдельные модусы в рамках рассматриваемого фрейма, но получивших противоположные оценки. Сваха, в функции которой входило устройство браков и выполнение некоторых предсвадебных и свадебных обрядов, являющихся отголосками языческих традиций, получает в русском языковом сознании исключительно негативную оценку в силу атрибутирования ей лживости, воспринимаемой в обществе как одна из неприемлемых черт личности: *Сваха лукавая, змея семиглавая. Хлопай ушами: сваха всё скажет. Бесстыжие глаза – ровно у свахи. Сваха видела, как батрак телёнка родил. На свашенькиных речах хоть садись да катись. Никто против свахи*

не соврёт. Супротив свахи не схвастань; а и схвастань, так не схрястань. Образование негативного стереотипного образа связано с функциями свахи, основной задачей которой являлось устройство брачного договора любыми способами, для чего требовалось склонить к согласию сторону невесты, поскольку в период возникновения паремий брак традиционно был формой сделки между родителями, а невеста – товаром: *Хвалит сваха чужую сторону, а сама в ней ни по ногу. Было бы хожено да лажено, а там хоть чёрт родись. Сватовство – душегубство.* В связи с этим мужчинам рекомендуется: *Не давай коня в соху, не пускаяй жену в свахи.*

Модус «Бабка» концептуализирует особую сторону мира русской женщины. Несмотря на слабую разработанность (около 10 % от числа единиц, объективирующих исследуемый фрейм), он охватывает широкий спектр социальных функций русской женщины – знахарство, акушерство, ворожбу, гадание, отражая их в эксплицитной и имплицитной форме: *Вольно бабе ворожить. Не ворожит, а шепчет. Бабушка ворожит. Это верно, как сто баб нашптали. Баба ворожила – головой наложила (т.е. дело головы стоит, по заклатью).* Помимо значения «бабушка», номинация *бабка* имеет ещё два значения: «повивальная бабка» и «знахарка»¹⁴. Мы объединили в один модус эти сферы деятельности женщины, поскольку исторические и этнографические источники указывают на то, что в деревнях именно знахарки выполняли роль повивальных бабок (акушеров), занимающихся родовспоможением¹⁵. Архаические обряды, связанные с деторождением, смысл которых переплетался с вечными человеческими чувствами, несмотря на вытравливание их церковью, оказались живучими и нашли отражение в паремиологии: *Взяли бабку ходины, не будут ли родины. Погоди родить, дай по бабушке сходить. У всякой бабки свои хватки.* Оценка указанных сфер характеризуется амбивалентным характером. С одной стороны, деятельность женщины, связанная с сохранением человеческой жизни, коннотируется исключительно положительно в русской языковой картине мира в силу социальной важности народного врачевания, сохранения и передачи опыта народной медицины, вызывавшей большое доверие практически среди всех сословий: *Бабка походит – всему делу пособит. Бог с милостью, а бабка с руками.* Но имеет место и отрицательная оценка в ряде паремий, отразивших борьбу средневековых церковников с пережитками языческих культов: *Не ходи ворожиться, ходи богу молиться. Ворожба не молотба: не красна ей изба.*

Суммируя, можно отметить, что анализ фрейма «Женская деятельность» социо-этнического уровня «женщина», объективированного паремиологическим фондом английского и русского языков, выявляет доминирование андроцентричного взгляда на женщин и отношения полов. Результатом по-

следнего является ярко выраженная гендерная асимметрия в языковых картинах мира исследуемых лингвокультурных сообществ, что подкрепляет идею социальной сконструированности отношений между полами. Однако сопоставительный анализ гендерно маркированных паремических единиц английского и русского языков указывает на различную интенсивность андроцентричности языков. Учитывая степень разработанности языковых средств, позицию и перспективы, отраженные в языковых единицах, а также характер коннотаций в их содержании, фрейм «Женская деятельность» социо-этнического уровня русского концепта «женщина» способствует некоторой нейтрализации андроцентричности русского языка. Кроме того, анализ указанного уровня вскрывает этнокультурную специфику гендерной стереотипизации, сложившейся в рамках сравниваемых этносов.

¹ Гендерные исследования, № 5, 2/2000. Харьков: ХЦГИ. С. 15.

² Кирилина А.В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы: Материалы конференции. Иваново: ИвГУ, 2003. С. 132–136.

³ Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики. Уфа: БашГУ, 2004.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Каменская О.А. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: Сборник статей. М.: Рудомино, 2000. С. 62.

⁶ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 90–96.

⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

⁸ Stevenson B. The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases. N.Y.: The MacMillan Company. 1956.

⁹ Опарина Е.О. Лексические коллокации и их внутрифреймовые модусы // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 139–144.

¹⁰ Кирилина А.В. Цит. соч.

¹¹ Pusch L. Das Deutsche als Mannersprache // Linguistische Berichte. 1981. № 69. P. 59–74.

¹² King R. Talking gender (a guide to nonsexist communication). Toronto: A Longman Company. 1991.

¹³ Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношений полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. Вып. 57. М.: Наука, 1994. С. 128–129.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. С. 31.

¹⁵ Забылин М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М.: Русская книга, 1996 (репринт. изд. 1880 г.). С. 206.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.Н. Хомутова

Изучение языковой вариативности на материале различных языков, и в первую очередь английского, в последнее время становится все более актуальным. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, сам язык как объект исследования находится в процессе постоянного изменения и развития, сопровождающегося появлением вариантов. Так, всего несколько веков тому назад английский язык представлял собой несколько диалектов, на которых говорило население одного острова. В настоящее время в понятие «английский язык» включаются и такие разновидности, как пиджин инглиши, креольские английские, новые английские и различные кодифицированные и некодифицированные разновидности, на которых говорят более чем в 60 странах мира. Английский язык превратился в глобальный язык, язык межкультурной коммуникации. Использование английского языка в различных культурных и социальных контекстах дает лингвистам уникальную возможность проанализировать и зафиксировать языковую вариативность и изменения, происходящие в одном языке в таких масштабах, которые не известны мировой истории развития языков.

Во-вторых, очевидно, что изменения в языке вызваны и во многом определяются не только внутрilingвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Необходимость выявления экстралингвистических факторов и механизма их влияния на языковые изменения, в том числе и на языковую вариативность, способствовала появлению новых наук, таких как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и других, возникших на стыке лингвистики и других, возникших на стыке лингвистики, с одной стороны, и социологии, психологии, культурологии, этнографии, когнитологии и т.д., с другой стороны. Для новых наук были характерны и свои современные методы исследования.

Цель настоящей статьи – показать формирование, становление и развитие теории языковой вариативности с позиций социолингвистического подхода.

В современной лингвистике вариативность определяется как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка. Вариативность характеризует общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Вариант определяется как конкретная реализация языковой единицы. Под варьированием понимается процесс использования вариантов. Вариативность рассматривается как один из факторов развития языка и проявляется на всех его уровнях¹.

Понятие вариативности применяется и к язы-

ку в целом, и к различным формам его существования: устной и письменной, кодифицированной и диалектной, территориальным и социальным разновидностям языка. Все это позволяет говорить об универсальном характере вариативности и варьирования.

Варьирование как процесс использования вариантов включает три основных типа: формальное, семантическое и функциональное. Это обусловлено знаковой природой языковых единиц, их формой, значением и функцией.

Формальное варьирование – это варьирование плана выражения при неизменности плана содержания. Например, глагольное выражение идеи будущего времени возможно с помощью ряда вариантов: *shall/will+inf*, *present indefinite*, *present continuous*, *to be going/to be about to+inf*, *to be on the verge of+ing*, etc.

Под семантическим варьированием понимают варьирование в плане содержания при неизменности плана выражения. Например, форма Present Indefinite имеет, по меньшей мере, четыре морфосемантических варианта, которые обозначают реальные действия в настоящем, прошедшем, будущем и разом данным времени (вне времени): *I understand what you mean* (настоящее); *She arrives full of life and later sits down and dies* (прошедшее); *The ship sails tomorrow* (будущее); *He works at the university* (разом данное). Примером семантического варьирования является также варьирование смысловой структуры многозначного слова.

Функциональное варьирование определено нами как варьирование функции при неизменности плана содержания и плана выражения. Например, варьирование коммуникативной функции предложения: *It's chilly in here* (при закрытом окне – констатив, при открытом – побуждение к действию, директив); *I'll come tomorrow* (констатив в ответ на *When will you come?*; промисив-обещание в ответ на *I beg you to come*; менасив-угроза – *and I'll show you a thing or two*). Еще одним примером функционального варьирования может служить изменение синтаксической функции слова в предложении.

Существуют различные модели языковой вариативности. Широкое распространение получила так называемая инвариантно-вариантная теория, согласно которой понятие варианта как конкретной реализации языковой единицы противопоставляется понятию инварианта как абстрактной единицы, обладающей совокупностью черт и основных признаков всех ее вариантов. Инвариант в таком понимании представляет собой некий «идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд»².

Именно в таком толковании понятие варианта (от лат. *varians – variantis* – изменяющийся) и было применено впервые в лингвистике по отношению к единицам фонетико-фонологического уровня после работ Пражского лингвистического кружка. Под вариантами стали понимать разные звуковые реализации одной и той же единицы (фонемы), а под инвариантом – саму фонему.

На основании изучения множества конкретных реализаций языковых единиц в процессе коммуникации, то есть вариантов, лингвисты получают обобщенное представление об этих языковых единицах, которое и получило название инварианта.

Таким образом, понятие инварианта используется в качестве средства классификации языкового материала. В таком понимании инварианта отражены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами³. Сам инвариант не является представителем класса вариантов, не является «образцовым вариантом». Инвариант является сокращенным названием соответствующего класса вариантных единиц: фонема – абстрактное наименование класса функционально-тождественных звуков, морфема – условное название класса функционально-тождественных морфов и т.д.⁴.

Из фонологии инвариантно-вариантная модель была перенесена и на другие уровни языка. Такую модель языковой вариативности мы называем парадигматической, радиальной.

Ряд лингвистов при рассмотрении языковой вариативности пришли к выводу о необходимости отказаться от представления об «инвариантно-варианте», поскольку оно, по их мнению, не обладает достаточной объяснительной силой и не может с достаточной гибкостью включить в себя все множество эмпирических возможностей⁵. Предлагается при описании вариативности языковых единиц исходить из выделения двух зон: зоны константных признаков единицы и зоны ее вариативных признаков. Константная зона при этом понимается как конкретный набор характеристик языковой единицы, остающийся неизменным при всех ее модификациях в реальных условиях употребления. В варианте как в конкретной реализации языковой единицы проявляются все константные и часть вариантных признаков.

В отличие от инвариантно-вариантной модели, в которой инвариант есть единица языка, а вариант – ее конкретная реализация, константно-вариантная модель рассматривает константные и вариантные признаки конкретных реализаций языковой единицы в речи, то есть самих вариантов. Мы называем такую модель синтагматической или горизонтальной. Представляется, что константно-вариантная модель не противоречит инвариантно-вариантной, а является ее развитием вширь при рассмотрении вариантов в горизонтальной плоскости, при этом речь идет о вариативности второго порядка, вариативности внутри самих вариантов.

Теория константности-вариативности связа-

на, прежде всего, с русской лингвистической традицией, с именами таких выдающихся ученых как В.В. Виноградов (учение о смысловой структуре слова)⁶ и А.И. Смирницкий (учение о лексико-семантическом варианте как двусторонней сущности)⁷. Поскольку эта теория разрабатывалась применительно к значению слова, очевидно, что она более уместна при анализе семантического варьирования, в то время как теория инвариантно-варианта является общепризнанной для рассмотрения формального варьирования.

Таким образом, указанные основные модели языковой вариативности не исключают, а дополняют друг друга и могут быть использованы в различных целях и для различных объектов исследования.

Особый интерес для социолингвистических исследований языковой вариативности представляет модель «лингвистической переменной» (*linguistic variable*) известного американского лингвиста У. Лабова⁸. Под «переменной» У. Лабов по существу имеет в виду набор или парадигму вариантов, которые под влиянием лингвистического и социального контекста могут получать реализацию в речи. Переменная не тождественна инварианту. В отличие от инварианта как однородной с вариантом сущности, переведенной из актуального в виртуальный план, переменная представляет собой родовое название совокупности вариантов, объединенных по принципу «фамильного сходства». Тем общим, что стоит за набором вариантов, «является оценка говорящим набора вариантов как своего рода парадигмы, в которой одной реализации принадлежит роль главной, основной, более правильной, а другим – роль подчиненных, не основных и менее правильных реализаций»⁹.

При таком понимании теорию лингвистической переменной можно рассматривать и с точки зрения теории прототипа¹⁰. Понятие прототипа по отношению к лингвистической переменной, как и по отношению к любым другим понятиям и категориям, их структурным характеристикам и конкретным проявлениям этих категорий, предполагает функцию эталона, воздействующего на другие – непрототипические варианты. Так, понятие «птица» определяется не по таким характеристикам, как крылья, способность откладывать яйца, две ноги, теплокровность, способность летать, а по типичным представителям. «Птица» у Э. Рош – это скорее воробей, ласточка или ворона, чем пингвин или страус¹¹. Нетипичные варианты оказываются в том или ином отношении производными от эталона. Таким образом, наиболее типичные варианты могут рассматриваться как прототипы тех или иных категорий. Типичность вариантов лингвистической переменной определяется с помощью неперемного учета количественных параметров в распределении вариантов.

Модель «лингвистической переменной» мы называем парадигматической, вертикальной. Она

получила широкое распространение в современных социолингвистических исследованиях.

Как известно, до середины 20 века все факты языковой вариативности относились либо к диалектному смещению, либо к свободному варьированию.

Понятие диалектного смещения подразумевает сосуществование в одной местности нескольких диалектов, что позволяет говорящему выбирать то один из них, то другой в зависимости от ситуации.

Понятие свободного варьирования предполагает случайное употребление варьирующихся форм внутри одного диалекта, при этом вероятность встречи каждого из конкурирующих вариантов равна. Однако реально такая картина статистического распространения форм, находящихся в отношениях варьирования, не встречается. Говорящие из разных социальных групп и в разных ситуациях общения употребляют эти формы с разной частотностью. Оказалось, что выбор говорящим того или иного варианта подчиняется определенным закономерностям, а такое варьирование не свободно, а детерминировано.

Какие же факторы детерминируют выбор вариантов в речи индивида? По мнению У. Лабова и его последователей лингвистическое поведение обусловлено социальными условиями, в частности социально-экономическим статусом говорящего, его возрастом, половой и этнической принадлежностью. Эти четыре демографических переменных получили название «большой четверки современной социолингвистики»¹². Ряд лингвистов кроме указанных четырех вводят в качестве социолингвистических параметров такие, как образование, географическое расположение (город – сельская местность), принадлежность к малым группам (молодежные организации) и другие.

В становлении социолингвистики как науки определенную роль сыграла Лондонская школа. Под влиянием доктрины известного антрополога и этнографа Б. Малиновского об общности языка и культуры и ведущей роли культурного контекста в интерпретации значения, его последователь Дж.Р. Ферс развивает идеи о важности и необходимости глубокого изучения ситуативного контекста, включающего участников коммуникативных событий, происходящие действия, другие важные характеристики ситуации и результаты вербального действия. Дж.Р. Ферс считает, что любое высказывание получает смысл не в рамках своей структуры, а лишь в отношении этой структуры к сумме ситуаций¹³. Признавая важную роль культурного и социального контекста, следует отметить, однако, что «язык остается во всех этих случаях внутренне организованной структурой, смысл которой не формируется вне ее, но одновременно, и только одновременно с экстралингвистическим контекстом»¹⁴.

Дальнейшее развитие социолингвистические

идеи Лондонской школы получили в трудах М.А.К. Халлидея, основоположника системно-функциональной грамматики, который вместе с А. МакИнтошем и П. Стрвенсом выделяет два типа языковой вариативности¹⁵.

Вариативность первого типа получила название «user-related», или вариативность по участникам коммуникации. К таким вариантам относятся территориальные, исторические, социальные диалекты, нормированные и ненормированные разновидности языка, идиолекты, которые, имея различия на всех языковых уровнях, все же, главным образом, отличаются своей фонетикой. Указанные варианты находятся в постоянном взаимодействии и могут рассматриваться как континуум¹⁶.

Вариативность второго типа получила название «use-related», или вариативность по функции/сфере употребления. К таким вариантам относятся регистры. М.А.К. Халлидей определяет регистры как языковые варианты соответствующие определенным типам ситуаций¹⁷. Другими словами, регистры отличаются друг от друга языковой формой (грамматикой, лексикой и т.д.), выбор которой зависит от сферы употребления, или функционального стиля. Например, высказывания (1) *I hereby declare the meeting open* и (2) *Shall we make a start now?* могут быть классифицированы как варианты по функции/сфере употребления, в то время как эти же высказывания при произнесении их австралийцем, американцем и британцем будут иметь фонетические различия и, следовательно, будут классифицироваться как варианты по участникам коммуникации, или территориальные варианты¹⁸.

Вариативность регистров по М.А.К. Халлидею подразделяется на три подтипа: (1) вариативность коммуникативного поля (политическое, религиозное, деловое и т.д.); (2) вариативность коммуникативного режима/канала (устная речь-письмо, диалог-монолог, риторические фигуры: введение, убеждение, описание и т.д.); (3) вариативность коммуникативной тональности (официальная-неофициальная, вежливая-грубая, литературная-просторечная и т.д.)¹⁹. Перечисленные подтипы взаимозависимы и могут быть представлены в виде континуума, а их комбинации, по мнению авторов, позволяют определить регистр. Следует отметить, тем не менее, что формальных критериев для разграничения регистров до сих пор не выработано. Эта задача ждет своих исследователей.

При внимательном рассмотрении два типа вариативности, описанные М.А.К. Халлидеем, есть не что иное, как формальное и формально-функциональное варьирование в современной терминологии, изложенной выше, при этом варианты как первого, так и второго типа в той или иной мере социально обусловлены.

Изучение влияния социальных факторов на выбор языковых вариантов проводится в рамках

двух подходов: количественного/квантитативного и качественного/квалитативного.

Родоначальником количественного подхода является У. Лабов, пионерская работа которого, посвященная социальной стратификации английского языка в Нью-Йорке, дала мощный толчок огромному количеству квантитативных исследований лингвистической вариативности не только английского, но и других языков²⁰.

Исследуя произнесение [r] после гласных в словах типа *park* различными группами жителей Нью-Йорка, У. Лабов пришел к выводу, что в повседневной жизни произнесение [r] после гласных является признаком более высокого социального статуса²¹. Исследование Лабова показало, что при изучении языка нельзя игнорировать социальную и экономическую дифференциацию общества, и заложило фундамент американской школы социолингвистики.

В исследованиях, выполненных в рамках квантитативного подхода, использовались методы произвольной выборки говорящих из иерархии социально-экономических классов на основании таких показателей как доход, образование и жилищные условия. Интервью проводились таким образом, чтобы говорящий использовал различные стили речи, от подготовленной до неподготовленной. Затем анализировалась частотность определенных лингвистических вариантов отдельно для каждой группы испытуемых в каждом отдельном стилистическом контексте и делались выводы о зависимости употребления вариантов от социального и стилистического контекста.

Типичным образцом социолингвистической вариативности являются и результаты проведенного У. Лабовым исследования вариативности произнесения английского (th) в словах типа *three* и *thing* в Нью-Йорке²². Как показало проведенное им исследование, представители низших слоев общества в неофициальной речи использовали вариант [t] в более чем 90 % случаев, в то время как представители среднего класса менее чем в 30 % случаев, а представители высшего класса – менее чем в 15 % случаев. Таким образом, частотность употребления варианта [t] отражала социальный рейтинг классов в социоэкономической иерархии. Однако по мере того, как стиль становился более официальным, а речь более подготовленной, % употребления варианта [t] снижался и при чтении практически нивелировался. Вывод о том, что языковая вариативность не является свободной, а обусловлена социальным и стилистическим контекстом, имел первостепенную важность.

Еще одним примером изучения социолингвистической вариативности на фонологическом уровне является исследование социальной дифференциации в английском языке Оттавы (Канада), проведенное Г. Вудзом²³.

Оттава – столица Канады, город с населением около 1 миллиона человек, из которых 71 % гово-

рит на английском, а 29 % – на французском языке. Несмотря на то, что федеральное правительство Канады уделяет огромное внимание билингвизму (изучение французского языка в начальной школе является обязательным), это не оказывает заметного влияния на английский язык в Оттаве, как и во всей Канаде. Канадский английский испытывает все большее влияние американского английского во всех сферах коммуникации, а также британского английского в правительственной, административной, образовательной, религиозной и культурной сферах. Канадский английский, таким образом, является уникальным с точки зрения влияния, оказываемого на него двумя основными вариантами английского языка. Целью исследования Г. Вудза было определить зависимость использования вариантов в речи от стилистических и социальных параметров.

Исследовались несколько фонологических переменных: (1) (t) с вариантными реализациями [t]–[d] между гласными звуками в словах типа *city*, *shelter*, *after*, *sister*; (2) переменная (nt) перед гласной с вариантными реализациями [nt], [n], [nd] в словах типа *plenty*, *center*, *twenty*, *winter*; (3) переменная (ing) (морфологический суффикс) с вариантными реализациями [ɪŋ], [ɪn], [n] в словах типа *playing*, *being*, *seeing*.

(1) Переменная (t). Как показал анализ материала, % варианта [d] у всех классов в официальной речи ниже (от 55 у рабочих до 35 у высшего класса), чем в спонтанной (90–63 соответственно). Анализ по половому признаку показал, что женщины старше 40 лет крайне редко озвончают (t) во всех стилях, в то время как молодые мужчины делают это регулярно. В данном случае представляется возможным говорить об американском влиянии, в подобных случаях нельзя исключить и внутренние процессы ассимиляции и аккомодации.

(2) В случае с переменной (nt) вариант [n] был самым частотным в спонтанной речи; в то время как [nd] встретился в редких случаях. Женщины использовали в своей речи [nt] гораздо чаще мужчин.

(3) В случае с переменной (ing) исследование показало, что самым частотным вариантом в Оттаве является [ɪn] (более 60 % в основных стилях). Испытуемые часто произносили пары типа *being-bean*, *playing-plain* как омофоны.

Исследования вариативности фонологического уровня языка в рамках квантитативного подхода являются самыми распространенными, что объясняется дискретностью единиц анализа, разработанной методологией, относительной простотой и непродолжительностью самого исследования. Вместе с тем нельзя не отметить попытки исследовать вариативность и на других уровнях языковой системы.

Интересным представляется исследование морфосинтаксической вариативности глагольных форм третьего лица единственного числа Present

Simple в австралийском английском, выполненное Е. Эйзиковиц²⁴. Как свидетельствуют результаты, форма *don't*, хотя и реже чем в американском английском Алабамы (91,8 %), встречается вполне регулярно и в речи городского населения Сиднея (19,1 %). Например, *Miss Sams don't even give me any marks; It don't make no difference*.

Исследование Е. Эйзиковиц показало регулярную зависимость между употреблением формы *don't* и такими демографическими параметрами как возраст и пол. Так, если в речи взрослых мужчин частотность употребления *don't* составляет 51,7 %, молодых мужчин – 16,7 %, то в речи женщин эта форма практически не встречается (6,5 %), причем с возрастом увеличения частотности не наблюдается. Рост употребительности *don't* с возрастом у мужчин говорит о том, что эта форма является носителем таких ценностей, как принадлежность к группе, мужское начало и рабочий класс. У женщин эта форма не несет такой нагрузки. С возрастом женщины все больше осознают внешние нормы «правильной речи» и стараются им соответствовать. В частности, считается, что женщины, не имея такого свободного доступа к власти и влиянию, как мужчины, стремятся добиться высокого социального положения, власти посредством языка, используя престижные нормы более высокого социального класса.

На уровне дискурса исследования вариативности практически не проводились. Это объясняется сложностью единицы анализа. Тем больший интерес представляют исследования Б. Бернстайна²⁵ и Г. Вудза²⁶, посвященные дискурсивным маркерам.

Результаты этих исследований показывают, что чем выше социальный статус говорящего, тем чаще он употребляет в своей речи начальные фразы типа *I think, in my opinion, I believe, I have no idea, but* и т.д. Таким образом говорящий выражает свою точку зрения, с которой адресат может быть и не согласен. Фразы подобного типа являются своеобразным приглашением к дискуссии и свидетельствуют об уверенности говорящего в своей правоте.

Напротив, чем ниже социальный статус говорящего, тем чаще он употребляет в своей речи конечные фразы типа *you know, isn't that right, don't you think, etc.* Используя такие фразы, говорящий, по мнению авторов, ищет подтверждения своей правоты и согласия с ним адресата, выражая таким образом определенную неуверенность. Чтобы возразить, адресату нужно будет перебить говорящего.

Несмотря на различия, оба типа фраз несут одну функцию, а именно установление и поддержание беседы и свидетельствуют о социолингвистической стратификации говорящих: чем выше социальный статус, тем уверенней говорящий выражает свои мысли.

Приведенные выше результаты количественных социолингвистических исследований языко-

вой вариативности показывают, что влияние социальных факторов нельзя переоценить. Социальный статус, включая такой показатель как образование, а также такие факторы, как половая и этническая принадлежность (влияние других языков), возраст и ряд других играют решающую роль в выборе того или иного варианта.

В последние годы исследования вариативности помимо количественного подхода осуществляются и в рамках нового качественного подхода, в котором выделяются, по меньшей мере, две разновидности: интерпретативная/интерактивная социолингвистика и так-называемая модель вежливости.

Материалом для интерпретативной социолингвистики является естественная коммуникация и ее интерпретация говорящими и «судьями» с целью выявить подтекст высказывания. Отличительной чертой современного городского сообщества является его разнородность, вследствие чего представители различных культур и различного уровня знания языка вынуждены вступать в контакт. Такие контакты могут привести к коммуникативным трудностям, причиной которых является разница в культурно-обусловленном восприятии мира²⁷. По мнению Д. Гумперца, внесшего существенный вклад в разработку идей интерпретативной социолингвистики, люди могут знать грамматику языка, но по-разному понимать одно и то же высказывание. В качестве иллюстрации Д. Гумперц приводит следующий пример²⁸

TEACHER: James? What does this word say?

JAMES: I don't know.

TEACHER: Well, if you don't want to try someone else will. Freddy?

FREDDY: Is that a «p» or a «b»?

TEACHER: (encouragingly) It's a «p».

FREDDY: Pen.

Ответ учителя *Well, if you don't want to try someone else will* на слова Джеймса *I don't know* указывает на то, что она интерпретировала его слова не просто буквально, но и как нежелание Джеймса попытаться ответить на ее вопрос. Д. Гумперц, однако, отмечает, что *I don't know* было произнесено с финальным восходящим тоном, который в афро-американском сообществе, членом которого является Джеймс, свидетельствует о необходимости услышать ободрение, поддержку. Учителю не удалось выявить контекстуальные пресуппозиции на основе использованного восходящего тона, необходимые для точной интерпретации ответа Джеймса. В результате смысл высказывания был понят неверно.

Целью модели вежливости П. Брауна и С. Левинсона²⁹ является объяснение лингвистического поведения с помощью процессов, управляющих коммуникацией. Так, «говорить за другого» в полилоге может интерпретироваться тем, за кого говорят, по-разному: либо положительно как вежливое участие, поддержка («ты так хорошо

меня знаешь, что просто читаешь мои мысли»), либо отрицательно как вмешательство («вечно ты говоришь за меня, не даешь мне и слова вставить»)³⁰. Д. Шифрин приводит следующий пример:

HENRY: Y'want a piece of candy?

IRENE: No.

ZELDA: ^z She's on a diet.

DEBBY: ^z Who's not on a diet.

IRENE: I'm on a diet³¹.

Слова Зелды *She's on a diet*, которые она говорит за Ирен, интерпретируются как позитивная вежливость, своеобразная поддержка Ирен. Об этом свидетельствуют данные интервью: Зелда и Ирен близкие подруги, Зелда на двадцать лет старше Ирен, она помогает Ирен с детьми, у них много общего³².

Квалитативный подход к изучению языковой вариативности является весьма перспективным, хотя и трудоемким направлением исследований, так как предполагает объемный материал и его интерпретацию всеми участниками коммуникации.

Таким образом, как квантитативные, так и квалитативные социолингвистические исследования языковой вариативности вносят важный вклад в понимание сущности этого явления, позволяют представить процесс развития языка в тесной связи с развитием культуры, общества и личности, выявить внешние факторы, влияющие на выбор вариантов. Вместе с тем, социолингвистическая вариативность изучена недостаточно, особенно это касается исследований вариативности таких языковых единиц как текст и дискурс, а также исследований в рамках квалитативного подхода. Вариативность ждет своих исследователей.

¹ Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М.: Наука, 1982. Ч.2. С. 71–73.

Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 145–175.

Ярцева В.Н. Проблемы вариативности на морфологическом уровне языка // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 7–26.

Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М.: Наука, 1982. Ч.1. 146 с., Ч.2. 154 с.

² Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. С. 214–215

³ Там же.

Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистическая семантика. М.: Наука, 1981.

⁴ Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. С. 160.

⁵ Беляевская Е.Г. Семантика слова. М.: Высшая школа, 1987. С. 87.

⁶ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.Л., 1947.

⁷ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.

⁸ Labov W. Introduction // Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. xiii – xviii.

⁹ Бродович О.И. Английская диалектная вариативность: типологический и общетеоретический аспекты: Автореф. дис. ... д.филол.наук. СПб., 1991.

¹⁰ Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Laurence Earlbaum, 1978. P. 27–48.

Geeraerts C. Prospects and problems of prototype theory // Linguistics 27, 1989. P. 587–612.

Taylor J.R. Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford University Press, 1989.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб: Изд-во СПбУ, 1999. 258 с.

¹¹ Rosch E. Цит.соч. С. 27–48.

¹² Preston D. Fifty-some odd categories of language variation // International Journal of the Sociology of Language 57, 1986. P. 15.

¹³ Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: Oxford University Press, 1951.

¹⁴ Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. С. 32.

¹⁵ Halliday M.A.K., McIntosh A. and Strevens P. The linguistic sciences and language teaching. London: Edward Arnold, 1964.

¹⁶ Hatim B. and Mason I. Discourse and the translator. London: Longman, 1990. P. 44.

¹⁷ Halliday M.A.K., McIntosh A. and Strevens P. Цит. соч. P. 87.

¹⁸ Hatim B. and Mason I. Цит.соч. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Romaine S. On the problem of syntactic variation: a reply to B.Lavandera and W.Labov // Working papers in sociolinguistics, 82. Austin, Tx, 1981.

Sankoff D. Sociolinguistics and syntactic variation // Linguistics: The Cambridge Survey. Cambridge University Press, 1988. P. 140–161.

Fasold R. Sociolinguistics of Language. Oxford: Blackwell, 1990.

Schiffirin D. Approaches to Discourse. Cambridge: Blackwell, 1994. 470 p.

²¹ Labov W. The social stratification of @ in New York City department stores // Sociolinguistic patterns.

University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972. P. 43–69.

²² Labov W. The study of language in its social context// Sociolinguistic patterns. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972. P. 183–259.

²³ Woods H. Social Differentiation in Ottawa English// English around the world. Ed. by J. Cheshire. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 134–149.

²⁴ Eisikovits E. Variation in subject-verb agreement in Inner Sydney English// English around the world. Ed. by J. Cheshire. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 235–255.

²⁵ Bernstein B. Class, Codes and Control, Volume 1// Theoretical Studies towards a Sociology of Language. St Albans, Herts: Paladin, 1973.

²⁶ Woods H. Social Differentiation in Ottawa English. P. 134–149.

²⁷ Schiffrin D. Цит.соч. С. 99.

²⁸ Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 147.

²⁹ Brown P. and Levinson S. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

³⁰ Schiffrin D. Цит. соч. С. 109.

³¹ Там же. С. 62.

³² Там же. С. 111.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ФРАЗЕОДИДАКТИКА

Т.Н. Федуленкова

Фразеология как независимая лингвистическая дисциплина возникла благодаря творческим усилиям советских и позднее российских лингвистов и, в особенности, специалистов, работающих в области германской филологии. Двадцать лет спустя, к началу 80-х гг., созданная на отечественной почве молодая лингвистическая наука смело шагнула в Европу и только к концу XX века успехи нашей фразеологической школы во главе с проф. А.В. Куниным были отмечены на Западе как «непревзойденные, не имеющие себе равных», как в научном, так и в прикладном плане¹.

Как последовательное учение об устойчивых сочетаниях слов с полностью или частично пересмысленным значением фразеология оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину сравнительно недавно, около четырех десятилетий назад. Исходные позиции этой дисциплины были намечены, в первую очередь, русским ученым Е.Д. Поливановым (1929–1931) и затем развиты такими выдающимися отечественными лингвистами середины двадцатого века, как В.В. Виноградов (1947), Б.А. Ларин (1954), А.И. Смирницкий (1956). В последующем десятилетии, благодаря плодотворным творческим усилиям германистов и русистов – Н.Н. Амосовой (1961), С.Г. Гаврина (1962), А.В. Кунина (1964), В.Л. Архангельского (1964), И.И. Чернышевой (1964) и некоторых других исследователей – фразеология преодолела стадию ювенального развития, и к середине 60-х годов XX века оформился новый раздел науки о языке со своим объектом изучения, со своими методами исследования, со своими проблемами в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Более полутора десятков лет потребовалось созданной на отечественной почве новой отрасли лингвистики для выхода на международную арену и признания за рубежом. К концу 70-х и началу 80-х гг. о русской фразеологии заговорили на Западе как о лингвистической реальности. Отмечая неоспоримые успехи российской школы фразеологического анализа и ее влияние на мировое языкознание, один из виднейших британских лексикографов современности и один из авторов известного *Оксфордского словаря современных английских идиом*² Энтони П. Кауи подчеркивает: «Recognition of phraseology as an academic discipline within linguistics – the term itself, like the adjective 'phraseological', reflects Eastern European usage – is evident not only from vigorous and widespread research activity, but also from the publication of several specialized dictionaries reflecting one theoretical perspective or another...

'Classical' Russian theory, with its later extensions and modifications, is probably the most pervasive influence at work in current phraseological studies and is unrivalled in its application to the design and compilation of dictionaries»³. – «Признание фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины – сама терминология, как, например, прилагательное 'фразеологический', свидетельствует о восточно-европейской школе – есть очевидный факт, обусловленный широтой и активностью научно-исследовательской деятельности, а также опубликованием ряда специальных словарей, отражающих ту или иную научную перспективу... Классическая русская теория с ее последующим развитием и модификациями является, по всей видимости, самой влиятельной работающей в современных фразеологических штудиях теорией, равных которой в применении к планированию и составлению словарей нет». (Пер. мой – Т.Ф.).

Несмотря на свою молодость, фразеология как лингвистическая дисциплина привлекает внимание все более широкого круга исследователей. Если в двадцатые годы впервые ставится вопрос о выделении фразеологии в особую область лингвистики⁴, то сейчас, благодаря заслугам отечественной лингвистики, признанной и за рубежом⁵, фразеология является вполне сформировавшейся отраслью лингвистической науки, переживающей третий период своего развития, располагающей сложившейся теорией и собственной методологией.

Особый вклад в развитие теории фразеологии внес А.В. Кунин. Именно А.В. Кунин инициировал и разработал наиболее продуктивную фразеологическую концепцию и оригинальный метод фразеологической идентификации, который был впервые разработан в его докторской диссертации⁶ в начале 60-х гг. и развит и модифицирован ученым в его последующих работах. А.В. Кунин внес большой вклад не только в теорию английской фразеологии, но и в общую теорию фразеологии. Именно он сформулировал дефиниции заявленных В.В. Виноградовым основных понятий фразеологии как лингвистической дисциплины. Именно он впервые в лингвистике предложил определение фразеологической единицы. Именно он выдвинул теорию соотносительности фразеологической единицы со словом⁷ и противопоставил ее теории эквивалентности ФЕ слову как несостоятельной. Именно он разработал эффективные методы исследования фразеологического фонда английского языка⁸, которые успешно применяются и к другим языкам, как германским, так и романским, славянским, тюркским и пр. А.В. Кунин разработал также тео-

рию устойчивости фразеологических единиц, сформулировал понятие "фразеологическое значение", впервые описал различные типы зависимости компонентов в фразеологической единице, аргументировал определение объема фразеологического фонда и демаркацию его границ между фразеологией и фразеоматикой, предложил и научно обосновал развернутую многоступенчатую структурно-семантическую классификацию фразеологических единиц современного английского языка. В современной лингвистике ни одна более или менее значимая работа по фразеологии не обходится без ссылок на труды А.В. Кунина, причем не только в области английского языка, но и в других языках: немецком, русском, французском, испанском и пр.

Мощный импульс сопоставительным исследованиям, посвященным фразеологии, был задан работами в области лингвистической типологии, принадлежащими перу выдающегося лингвиста XX в. профессора В.Д. Аракина, ученика и последователя Л.В. Щербы, который, в свою очередь, был родоначальником сознательно-сопоставительного метода в обучении иностранному языку и составил лингвистическую основу данного направления, так как в отличие от многих языковедов, по замечанию А.А. Миролубова⁹, постоянно искал пути *практического применения* (курсив мой – Т.Ф.) своим лингвистическим исследованиям.

Современное развитие фразеологии позволяет выделить и некоторые не только наметившиеся¹⁰, но и отчетливо сформировавшиеся направления исследований по данной лингвистической дисциплине, а именно:

1) морфолого-грамматические особенности фразеологических единиц (Ковалева 1993; Микита 1993; Лебединская 1996; Габрик 1998)¹¹;

2) структурные типы фразеологических единиц (Джаши 1990; Арсентьева 1989; Иванова 1991; Ляхова 1992; Ерохина 1999);

3) семантика фразеологических единиц (Гамали 1990; Козлова 1991; Арсентьева 1993; Кунин 1996: 134-211; Вернер 1998; Бабушкин 1998; Иванцова 1998; Машина 1998; Наумова 1999; Федуленикова 2000; Хостай 2004);

4) специфика отношений фразеологических единиц с их компонентами (Филиппаки 1988; Соколов 2002; Фомина 2000; Фирсова 2002; Федуленикова 2004);

5) когнитивный подход к изучению фразеологического значения (Dobrovolskij 1995; Баранов, Добровольский 1996; Ковшова 1996; Дубровская 2000; Исина 2000; Fedulenkova 2001; Захарова 2002; Dobrovolskij 2002; Юсупова 2003; Naciscione 2004);

6) стилистическое функционирование фразеологических единиц (Начисчионе 1976; 1982; Луганская 1980; Колесникова 1987; Изотова 1992; Бондарева 1994; Орлецкая 1994; Башиева 1995; Кунин 1996: 184; Naciscione 2001–2003);

7) пути и способы фразеологизации (Кунин 1979: 146–149; Соколова 1987; Козырев 1991; Fedulenkova 2000; Краморенко 2004);

8) фразеология различных территориальных вариантов языка (Ивченко 1987; Богдановская 1988; Артемьева 1989; Лавер 1991; Никитина 1995; Копчук 1997; Кривоногова 1997; Сметанина 1997; Гагарина 1999);

9) фразеография (Кунин 1984; Киктева 1986; Бушуй 1989; Джапарбекова 1990; Ермолаева 1990; Нелобина 1991; Арсентьева 1993; Костева 1996);

10) фразеологическая деривация (Кунин 1980: 155–162; Денисенко 1990; Пугач 1997; Федуленикова 2001; Fedulenkova 2003);

11) фразеологический идиостиль автора (Стоян 1988; Соколова 1989; Алексеенко 1990; Алещенко 1998; Лаврушина 1999; Фомина 2000);

12) функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц (Вернер 1998; Захарова 1999; Мокрецов 2000);

13) лингвокультурологический аспект фразеологии и национально-культурная специфика ФЕ (Амбарцумова 1986; Жантикина 1989; Мальцева 1990; Буробин 1995; Ковшова 1996; Fedulenkova 1997; Ахмади 1999; Коробка 1999; Сумин 1999; Teliya 1998; Телия 1999; Дубровская 2000; Чикина 2001; Фирсова 2002);

14) фразеологическая терминология (Ермакова 1988; Банкова 1989; Федуленикова 1997; Никулина 2004; Fedulenkova 2002; Гаврилина 2002; Ширяева 2004);

15) социолингвистический аспект прагматических функций фразеологических единиц (Кашина 1996; Старикова 1996; Коробка 1999; Тер-Минасова 2000; Краморенко 2004);

16) сопоставительное изучение фразеологических единиц разных языков (Dobrovolskij 1988; Добровольский 1990; Ибрагимова 1993; Филипенко 2002; Арсентьева, Шигабутдинова 2004; Мифтахутдинова 2004; Федуленикова 2005);

17) жанровые, стилистические, художественные и др. проблемы перевода фразеологии (Лебедь 1989; Федуленикова, Рыжова 2002; Naciscione 2003; Баранова 2003);

18) лингводидактический аспект фразеологии (Баранникова 2004).

Очевидно, что в этом списке наиболее слабым звеном является последний пункт – лингводидактический аспект фразеологии. Фразеология – наука молодая, и все внимание ученых сконцентрировалось поначалу на общетеоретических проблемах оформления лингвистической дисциплины, таких как определение фразеологической единицы, установление границ объекта исследования в фразеологии и методологии фразеологических штудий и др.

Тот факт, что фразеологической лингводидактике, точнее было бы сказать *фразеодидактике*, не уделяется должного внимания, подтверждается отсутствием в учебных планах фразеологии

как лингвистической дисциплины. В средних и высших учебных заведениях фразеология если и преподносится, то в рамках либо лексикологии¹², либо проблемной группы¹³, либо факультативно¹⁴. Лишь в немногих вузах России преподаются спецкурсы по тем или иным проблемам фразеологической науки, а именно: в Московском государственном лингвистическом университете¹⁵, в Самарском государственном педагогическом университете¹⁶, в Тюменском государственном университете¹⁷, в Поморском государственном университете¹⁸. Полный курс фразеологии преподавался, как известно, в единственном вузе страны – в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), в основу которого был положен «Курс фразеологии современного английского языка» А.В. Кунина, выдержавший два издания¹⁹, и третье издание которого готовится в издательстве «Феникс» в настоящее время.

Необходимость детального изучения фразеологии, акцентирующая актуальность развития фразеодидактики, обусловлена следующими причинами:

1) фразеология языка – это его культурологический код, хранитель исторического и культурного наследия его носителя²⁰, играющий «основную роль в реализации функции языка как орудия культуры и средства формирования личности»²¹, выразителя «этических императивов» языка²²,

2) многие фразеологизмы стилистически нейтральны и коммуникативно валидны в различных видах дискурса²³,

3) в качестве ведущих компонентов фразеологических единиц часто выступает наиболее употребительная в речи лексика изучаемого языка: глаголы движения, обладания и др.²⁴, имена собственные²⁵, соматизмы²⁶ и библеизмы²⁷, анималистические компоненты²⁸ и др.

Благодаря творческому энтузиазму последователей А.В. Кунина, успешно пропагандирующих его фразеологическое учение как в России, так и за ее пределами, выступая на международных конференциях в городах Ханчжоу, Лулео, Дебрецене, Абердине, Бристоле, Будапеште, Хельсинки²⁹, осуществляя руководство семинарами по фразеологии на международных лингвистических конференциях в Страсбурге, Сарагосе³⁰ и др., удалось ввести в учебный план английского отделения вуза фразеологию как самостоятельную лингвистическую дисциплину. В результате, полный курс фразеологии английского языка, наряду с серией спецкурсов и специальных семинаров по наиболее важным проблемам общей и частной фразеологии, преподается в Северодвинском филиале Поморского государственного университета уже в течение двух лет, с сентября 2003 г., и с нового учебного года планируется внедрение еще одного курса по фразеологии современного немецкого языка (отв. – Щеголева Т.Л.).

Программа полного академического курса

«Фразеология современного английского языка»³¹ составлена нами с учетом новейших требований к документам такого рода и включает достижения отечественных и зарубежных ученых в области исследования английской фразеологии. Названный курс имеет целью: а) ознакомить студентов с основными положениями науки о фразеологической единице, о фразеологическом фонде изучаемого языка и о методах его исследования т.е. сформировать концептуальную составляющую фразеологической компетенции, и б) на основе усвоенного теоретического материала выработать у студентов базовые умения практического характера, а именно: распознавание фразеологизмов, их адекватное толкование и уместное употребление в речи, а также умение проводить структурный и семантический анализ английской фразеологии, т.е. сформировать технологическую составляющую фразеологической компетенции.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач:

1) передать совокупность знаний и представлений о фразеологической единице, ее специфике в системе языковых знаков и месте фразеологии в системе лингвистических дисциплин;

2) ознакомить студентов с вопросами истории фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания, обратить внимание на приоритет отечественной науки в этой области лингвистики;

3) сообщить сведения о происхождении фразеологических единиц современного английского языка;

4) ознакомить с методами изучения фразеологических единиц;

5) обсудить вопросы устойчивости, отдельно-оформленности и системности фразеологических единиц;

6) рассмотреть структурно-семантические и грамматические характеристики фразеологических единиц современного английского языка и принципы их классификации;

7) раскрыть закономерности функционирования фразеологических единиц различных классов и типов;

8) определить ведущие тенденции их развития, обусловленные комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов;

9) научить студентов определять коммуникативную ценность фразеологической единицы, ее стилистическую и эмоциональную окраску, видеть прагматическую роль ФЕ в контексте.

Выполнение данной программы предполагает целенаправленное привитие студентам навыков самостоятельной работы, в связи с чем целесообразно предлагать студентам заранее составленные тематические тесты с сериями вопросов для самоконтроля по изучаемым разделам фразеологии³², а также поощрять инициативу студентов в составлении таких серий по каждой изучаемой теме.

Наши предложения в области фразеологиче-

ской лингводидактики, или фразеодидактики, сводятся, в основном, к следующему:

1) разработать унифицированную программу по фразеологии современного английского языка для внедрения в школьные факультативы,

2) включать фразеологические единицы не только для пассивного, но и преимущественно для активного усвоения в школьные курсы английского языка,

3) поручать студентам во время педагогической практики проводить обучающие элементы урока и, по возможности, полные уроки по работе с наиболее употребительными фразеологическими единицами английского языка,

4) планировать ежегодное проведение конкурсов и олимпиад для школьников и студентов по фразеологии современного английского языка,

5) вводить в программу обучения студентов-филологов не только факультативы, спецкурсы и спецсеминары, но и полные курсы фразеологии современного английского языка,

6) способствовать созданию проблемных групп по фразеологии английского языка для продвинутых студентов,

7) включать в списки курсовых и дипломных работ темы по фразеологии современного английского языка³³,

8) оказывать помощь студентам не только в ведении научного исследования в области фразеологии английского языка, но и в оформлении результатов этого исследования в виде научного сообщения, доклада, статьи и др.,

9) предусмотреть организацию работы секций по английской фразеологии в рамках внутривузовских и межвузовских студенческих научных конференций,

10) организовать регулярную подготовку студентов к выступлениям с научными докладами на международных лингвистических конференциях (ESSE, EUROPHRAS, PALA, LAGB, etc.).

Результаты последовательной организации работы не замедлят сказаться на знаниях и эрудиции студентов, на конкурентоспособности их научных сочинений не только на Всероссийских конкурсах научных студенческих работ, но и на международной арене³⁴. О результативности научно-исследовательской работы в обозначенном русле свидетельствует опыт кафедры английского языка и кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова: по десять научных студенческих работ представляемых участниками проблемной группы по общей и германской фразеологии СФ ПГУ, ежегодно публикуются в сборнике материалов международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых³⁵, которая проводится в МГУ в середине апреля.

¹ Cowie A.P. *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998. P. 2.

² Cowie A.P., Mackin R. & McCaig I.R. *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: In 2 Vol.* Oxford, 1984; Cowie A.P., Mackin R. & McCaig I.R. *Oxford Dictionary of English Idioms: In 2 Vol.* Oxford, 2000.

³ Cowie A.P. *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998. P. 2.

⁴ Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А., Хаютин А.Д. *Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины*. Самарканд, 1975, С. 12.

⁵ Häusermann J. *Phraseologie: Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse*. Tübingen, 1977, S. VII; Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, 1982 S. 10; Kotin M. *Zum Problem der Idiomatizität // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Univ. Leipzig*, 1982, H. 5, S. 589–592.

⁶ Кунин А.В. *Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук*. М., 1964.

⁷ Кунин А.В. *Английская фразеология: Теоретический курс*. Москва, 1970, С. 11.

⁸ Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* М., Дубна, 1996. С. 29–45.

⁹ Миролюбов А.А. *Сознательно-сопоставительный метод // ИЯШ*, 2003. № 6. С. 39.

¹⁰ Беляевская Е.Г. *Английская фразеология: основные направления исследования // Вопросы фразеологии: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горького*, 1980. Вып. 168. С. 41.

¹¹ Здесь и далее см. также картотеку диссертационных исследований перечисляемых авторов.

¹² Arnold I.V. *The English Word*. М., 1986. P. 165–181; Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. *Лексикология английского языка*. М., 2000. С. 225–258.

¹³ Федуленикова Т.Н. *Проблемная группа по фразеологии современного английского языка // Результативность научно-исследовательской работы студентов как показатель качества образовательного процесса в вузе: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф.* Сыктывкар, 2002. С. 112–115.

¹⁴ Введенская Л.А., Баранова М.Т., Гвоздарев Ю.А. *Методические указания к факультативному курсу "Лексика и фразеология русского языка": Пособие для учителя*. М., 1991, С. 93–138.

¹⁵ Кунин А.В. *Семантика фразеологических единиц: Учебно-методическое задание по английской фразеологии*. Сборник № 2. М., 1971.

¹⁶ Савицкий В.М. *Аспекты теории фразообразовательных моделей: Учеб. пособие к спецкурсу*. Самара, 1993.

¹⁷ Федуленкова Т.Н. Проблемы фразеологии современного английского языка: Программа спецкурса. Тюмень, 1996.

¹⁸ Федуленкова Т.Н. Альтернативный спецкурс по английской фразеологии: проблемы и перспективы // Теория и история романских и германских языков в современной высшей школе России: Материалы третьей науч.-практ. конф. Ин-та языкознания, РАН. Калуга, 2000. С. 104–109.

¹⁹ Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1985; Он же. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М., 1996.

²⁰ Кунин А.В. Там же, с. 212–216; Fedulenkova T.N. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach // Approaches to Teaching English in an Intercultural Context / Meta Grosman (ed.). Ljubljana, 1997. P. 67–74.

²¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 150.

²² Коробка П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. – С. 8.

²³ Федуленкова Т.Н., Ширяева Ю.Я. Коммуникативная валидность терминологической фразеологии // Прикладная лингвистика без границ: Материалы международной конф. СПб., 2004. С. 127–135; Исина Г.И. Фразеологические сравнения современного английского языка (комплексный подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000.

²⁴ Shir'aeva J., Popova S., Glazacheva A. Phrasal Verbs Again: The Problem of Variability // English Phraseological Units in New Socio-Cultural Context: Traditions and Innovations: Proceedings of Seminar 52 at ESSE6-2002. Strasbourg, 2002, P. 11–12. (http://www.essenglish.org/Seminar_52).

²⁵ Сосой О.А. Типология имен собственных в составе фразеологических единиц современного немецкого языка (на материале газетно публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002; Филиппаки Н.Р. Функционально-семантические характеристики фразеологических единиц с компонентом «имя собственное лица»: (На материале франц. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1988; Иванцова Е.В. Семантическая трансформация имени собственного в лексике и фразеологии современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 1998.

²⁶ Ибрагимова И.И. Сравнительно-сопоставительное исследование соматических фразеологизмов: (На материале англ. и татар. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1993.

²⁷ Федуленкова Т.Н. Фразеологические универсалии

(на материале глагольной, соматической и библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков) // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы международной конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.Д. Аракина. М., 2004. С. 172–177; Хостай И.С. Номинативные особенности фразеологических единиц библейского происхождения // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы международной конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.Д. Аракина. М., 2004. С. 177–179.

²⁸ Буробин А.В. Национально-культурная специфика анималистической фразеологии русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов. 1995; Баранова Л.М. Фразеологизмы-анимализмы как «ложные друзья переводчика» // Перевод как когнитивная деятельность: Вестник МГЛУ, М., 2003 вып. 480, С. 118–128.

²⁹ См. веб-сайты международных лингвистических конференций CUA, ESSE, PALA, 1997–2004.

³⁰ См. веб-сайты международных конференций англистов ESSE в г. Страсбурге (Франция) – 2002, в г. Сарагосе (Испания) – 2004.

³¹ Данная программа принята к печати в Вестник Московского университета: Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3, 2005; см. также: Приложение 1 в: Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: лингводидактический аспект / Московский пед. гос. ун-т. М., 2004. С. 82 Библиогр. 150 назв. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 58972 от 25.11.2004.

³² Там же. Приложение 2.

³³ Там же. Приложение 3.

³⁴ Постнова Е.В., Садардымова П.В., Федуленкова Т.Н. Формы организации научно-исследовательской работы студентов по фразеологии английского языка // Результативность научно-исследовательской работы студентов как показатель качества образовательного процесса в вузе: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2002, С. 85–87.

³⁵ См. Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», т. 2: Иностранные языки. Искусствоведение. Филология. Философия. М., 2004, С. 33–107; Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», т. 4: Иностранные языки. Филология. М., 2005. С. 29–61. См. также 12 публикаций студентов СФ ПГУ в: Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Иностранные языки: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2004. С. 12–94.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ С СУБКТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМОЙ «УКАЗАНИЕ НА ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVIII ВЕКА

М.В. Биньковская

Материал нашего исследования – тексты скорописных деловых документов второй половины XVIII века, хранящиеся в Государственном архиве Челябинской области (скорописные тексты местных канцелярий в сопоставлении с хронологически параллельными текстами центральных канцелярий, изданных в «Полном собрании законов Российской империи»).

Они представлены обширными малоизученными фондами разноструктурных деловых бумаг, которые касались глобальных и частных вопросов политической, хозяйственной жизни, административного устройства, церковного строения, юридических, государственных и межличностных отношений.

Фразеологические предлоги с субкатегориальной семой «указание на объектные отношения», употребляющиеся в деловом языке второй половины XVIII века, составляют одну из характерных особенностей делового стиля указанного периода.

«Объектные синтаксические отношения указывают на предмет (в широком смысле этого слова), на который направлено какое-либо действие, или к которому относится вся ситуация в целом и выражается какое-либо определенное отношение»¹.

На наш взгляд, наиболее продуктивна при подходе к описанию истории предлогов модель, предлагаемая Г.А. Золотовой для описания их современного состояния. Наш материал позволяет более пристально рассмотреть функционирование предлогов во второй половине XVIII века в рамках современной теории коммуникативного синтаксиса с учетом употребления языковых единиц в составе синтаксем.

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги с делиберативным значением

В исследуемом материале фразеологические предлоги с делиберативным значением насчитывают 4 единицы:

касательно до (кого, чего); *относительно до* (чего); *на счет* (кого, чего); *на имя* (кого, чего).

Широко представлены как в документах местных канцелярий (указы, протоколы, сообщения), так и в указах Сената и Синода центральных канцелярий *делиберативные* синтаксемы *касательно до* + *Р.п.* Предлог *касательно* отмечается в рассматриваемых документах второй половины XVIII века, как правило, в построениях, равнозначных глагольному обороту, превратившемся ко второй половине XVIII века в устойчивую фразеологическую единицу *что касается до ... то*:

...что ж *касательно до Крадуновъ* то хотя бляновъ по нынешним узаконениямъ соображаясь рабамъ вашимъ и упѣстил... (И-174-1-84-19); ...*касательно жь до отчетов* то оной же городской магистратъ сообщениемъ своимъ уведомляеть... (И-1-1-33-24); ...что *касательно до въдомости* то оную благоволил бы требовать... (И-1-1-79-18).

Отадъективный предлог *касательно до* (кого, чего) возник в последние десятилетия XVIII века. В качестве предлога *касательно до* в составе *делиберативной* синтаксемы *касательно до* + *Р.п.* выступает в сочетании с глаголами владения (передачи объекта), речи, мысли, а также с именами существительными, соотносительными с этими глаголами (*постановление, мнение, позволение, распоряжение*). Управляемые слова при предлоге – отвлеченные имена существительные:

...сие данное ему *позволение касательно до заведенія*... (ПСЗ, т. XX, с. 231); ...послать указъ, приложя съ учиненнаго въ Сенатѣ *постановления касательно до предостереженія* Российскихъ литеръ копию (ПСЗ, т. XX, с. 873);

Делиберативная синтаксема *относительно до* + *Р.п.* в нашем материале встречается значительно реже. Сочетается она с глаголами речи, мысли. Управляемые слова при предлоге – отглагольные имена существительные:

...сообщала такъ равно *относительно до требованія* горнаго начальства (ПСЗ, т. XX, с. 573).

Употребление фразеологического предлога *на счет* (кого, чего) отмечается с первой половины XVIII века. Судя по нашему материалу, являясь малопродуктивным в деловом языке второй половины XVIII века, предлог *на счет* (кого, чего) широко представлен в языке художественной литературы. *Делиберативная* синтаксема *на счет* + *Р.п.* также сочетается с глаголами речи, мысли:

...говорить *на счетъ тѣхъ заводовъ*, откуда такое вино окажется (ПСЗ, т. XIX, с. 278); ...сообщать *на счетъ* генеральной на войско определенной суммы... (ПСЗ, т. XX, с. 463).

Фразеологический предлог *на имя* (кого, чего) употребляется в нашем материале в составе *делиберативной* синтаксемы *на имя* + *Р.п.* при указании лица, учреждения, которым предназначается корреспонденция. Представлена данная синтаксема в указах, репортах и доношениях южноуральских деловых документов, а также в указах Сената и Синода центральных канцелярий. Сочетается синтаксема *на имя* + *Р.п.* с именами существительными – названиями документов; управляемые слова при

предлоге, как правило, одушевленные имена существительные со значением лица:

...указами Ея императорскаго величества из Челябинскаго городского магистрата "1" от 23 декабря прошлаго 1787 на имя бывшего старосты Хитрова (И-6-1-18-49); ...прошение на имя его преосвященства... (И-33-1-481-1об); ...на имя его челябинскаго городского магистрата отъ бургомистра ивана ахматова прошение о избавлении его отъ возможной сверхъ настоящей должности... (И-1-1-79-14); ...въ подпискѣ какъ подъ оными, такъ и подъ сочиненными имъ Татищевымъ двумя письмами на имя сына того Володимірова... (ПСЗ, т. XVII, с. 551).

В этих предлогах существительное *имя* имеет самое общее значение и не всегда соотносится со значением *имя*, а также не соотносится со значением *наименование, название, слава, известность*. В древности было много фразеологических единиц со словом *имя*.

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги со значением совместности

В исследуемом материале представлено два фразеологических предлога со значением совместности

вместе съ (кем, чем); на ряду с (кем, чем).

В деловых документах центральных канцелярий отмечаем довольно редко встречающуюся комитативную синтаксему *вместе съ + Т.п.* употребляющуюся при указании на лицо, предмет, совместно с которым производится действие. Сочетается эта синтаксема с глаголами и причастиями бытия, долженствования:

...и быть вмѣстѣ съ живущими... (ПСЗ, т. XVII, с. 1051); ...должны быть запечатываны вмѣстѣ съ тѣми дѣлами (ПСЗ, т. XX, с. 743).

Омоним-наречие *вмѣстѣ* в своем лексическом значении содержит сему релятивности, указывая на взаимодействие двух объектов, которые вместе совершают что-либо. Становясь компонентом фразеологического предлога, это наречие реализует элемент своего лексического значения «вместе, совместно», которое представлено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»².

В единичных случаях отмечаем употребление комитативной синтаксемы *на ряду с + Т.п.*, указывающей на кого-либо, кто на равных условиях с кем-либо действует. Сочетается синтаксема с глаголами владения (передачи объекта), управляемые слова при предлоге – одушевленные имена существительные, обозначающие лицо:

...всѣхъ тѣхъ, кои на ряду съ Государственными крестьянами подати платят... (ПСЗ, т. XXI, с. 363).

В наших текстах фразеологический предлог *на ряду съ (кем, чем)* является трехкомпонентным. Данный графический облик является свидетельством того, что многие предлоги в XVIII веке еще находились на стадии формирования.

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги со значением исключения, включения

В деловом языке второй половины XVIII века отмечаем два фразеологических предлога со значением исключения:

за исключением (кого, чего); из числа (кого, чего) в 1-м значении

и три предлога со значением включения:

из числа (кого, чего) во 2-м значении; *в число (кого, чего); в числе (кого, чего); в ряде (чего)*.

Малочастотный, по нашему материалу, фразеологический предлог *за исключением (кого, чего)* употребляется в составе синтаксемы при указании на кого-, что-либо, составляющее исключение в ряду других. Данный предлог отмечен нами в столичных деловых документах. Употребляется синтаксема *за исключением + Р.п.* при глаголах поступка и поведения, а также при местоимениях:

Учинить распоряжение о принятии от повеловых форштмейстеров *всех* лесов, *за исключением* на кораблестроение *годных* (ПСЗ, т. XXVI, с. 357); ...леса, кои в надел поселянам достались, *за исключением* *корабельных* *отдать* в распоряжение волостных правлений (ПСЗ, т. XXVI, с. 708).

Фразеологический предлог *из числа (кого, чего)* в составе синтаксемы *из числа + Р.п.* одним из своих значений имеет значение «указание на совокупность лиц, предметов, понятий, из состава которых кто, что-либо исключается»:

...по неимению тогда в них надобности *ис числа* таможенных *служителей* *выключены* *были* (И-28-1-4-88).

Чаще фразеологический предлог *из числа (кого, чего)* употребляется при указании на совокупность лиц или предметов, в число которых кто, что-либо включается, входит. В этом значении предлог *из числа (кого, чего)* в составе синтаксемы *из числа + Р.п.* отмечаем в указах и приказах местных и центральных канцелярий. Сочетается данная синтаксема с глаголами и причастиями поступка и поведения, созидательной деятельности, графической передачи информации; управляемые слова – неодушевленные и одушевленные имена существительные, а также количественно-именные сочетания:

...кои и подписать *выбранным из числа* *компанийщиковъ* *трехъ* *человекамъ* (ПСЗ, т. XVIII, с. 134); ...еще оная дума *имеетъ причислить ис числа* *взысканных* в прошлом 1798 году *денегъ* (И-1-1-78-4); ...что *изъ числа* *назначеннаго* тогда въ ее диспозицію *питейнаго дохода*, не только *тѣ* *расходы* *безостановочно исполнить*... (ПСЗ т. XX, с. 282); ...*ис числа* *вырученныхъ* за дворъ *распаханную* *землю* и за имущество *619 46 ко* на основании *городоваго* *положения* *96* и статьи *отдать* в *мещанское общество* (И-1-1-33-23).

В единичном случае отмечаем в южноуральских деловых документах синтаксему *с числа + Р.п.*:

...надворной советникъ и директоръ тоузаков определил оному досмотрщику лабутину *с числа сего определения* жалованье по тридцати рублевъ в годъ (И-28-1-4-97).

Особую группу составляют синтаксемы *в число + Р.п.*, в составе которых фразеологический предлог *в число (кого, чего)* употребляется при указании на совокупность лиц или предметов, в число которых кто, что-либо включается. Сочетается данная синтаксема с глаголами и причастиями включения объекта в состав чего-либо. Управляемые слова при предлоге – неодушевленные имена существительные, количественно-именные сочетания:

...что она *входит в число* прежнихъ *лѣтъ* (ПСЗ, т. XIX, с. 282); ...не включены *въ число* принадлежащихъ казначействамъ *денегъ*... (ПСЗ, т. XXI, с. 688); ...*входит в число* восьми *рублей*... (И-231-113-405об).

В ряде случаев фразеологический предлог *в число (кого, чего)* в составе синтаксемы *в число + Р.п.* имеет значение указания на совокупность лиц, предметов, среди которых кто, что-либо находится:

...то *въ число оныхъ требовать* отъ командъ знающаго грамотѣ на 4... (ПСЗ, т. XVII, с. 698); ...*в число* следующей ко взысканию с разночинцов на доплату и мещанамъ *денегъ* 1631 ко взыскано 8 *рублей*... (И-1-1-78-4).

В этом же значении выступает фразеологический предлог *в числе (кого, чего)*. Сочетается синтаксема *в числе + Р.п.* с глаголами и причастиями движения, перемещения объекта, графической передачи информации, бытия.

В состав синтаксемы входят субстантивированные прилагательные и причастия, обозначающие лиц, а также неодушевленные имена существительные:

...*поступила мнѣ* отъ него *въ числе* оныхъ *суммъ*... (И-1-1-79-31);

...*собрать* за небытие их штрафные денги *в числе* *коихъ написаны* записные расколники (И-6-1-18-49); ...*посылаются* особливо *в числе* *денегъ*... (И-1-1-23-18); ...*назначень был ли* *в числе* *протчихъ* (И-231-1-13-79); Какъ *въ числѣ* *крестьянъ состоятъ*... (ПСЗ, т. XXI, с. 346); ...*в числѣ* *скитающихся* по міру въ здѣшнемъ *городѣ* *есть* престарѣлые... (ПСЗ, т. XX, с. 198).

В текстах местных деловых документов в единичных случаях представлена синтаксема *за числом + Р.п.*:

...брать из оставшихся при заводахъ *за числом* *оныхъ мастеровыхъ* в другихъ простыхъ работахъ находящихся... (И-172-1-54-2об).

Полагаем, что во фразеологических предлогах со знаменательным компонентом *число* актуализировалась сема лексического значения «число, количество чего-либо», которое зафиксировано в

«Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского» как первое³.

В единичных случаях при указании на совокупность лиц, предметов, среди которых кто, что-либо находится, в нашем материале отмечена синтаксема *в ряде + Р.п.*:

...*в ряде* *таки писаннаго* *находится*... (И-74-1-1-83); ...*в ряде* *прочаго* какъ одежды такъ и книги и другія церковные вещи *оставлены*... (33-1-218-3).

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги со значением замещения, подражания

В нашем материале мы отмечаем один фразеологический предлог со значением замещения: *в зачет (кого, чего)*.

А также один фразеологический предлог со значением подражания:

по примеру (кого, чего)

В деловых документах второй половины XVIII века отмечаем синтаксему со значением замещения с фразеологическим предлогом *в зачет (кого, чего)*. Сочетается синтаксема *в зачет + Р.п.* с глаголами и причастиями со значением принуждения, использования, передачи объекта. В роли управляемых слов – одушевленные и неодушевленные имена существительные:

...*посланного в зачет* *рекрутъ* на поселения ивана Берестова (И-6-1-10); ...*отданнаго въ зачетъ* *рекрута* крестьянина Алексѣя Ивошина (ПСЗ, т. XVIII, с. 172); ...*изъ которой нынѣ* на первый случай *въ зачетъ* *тѣхъ* собираемыхъ *денегъ* и *употребить* на покупку пергамента... (ПСЗ, т. XVII, с. 107).

Фразеологический предлог *в зачет (кого, чего)*, содержащий в качестве компонента существительное *зачет*, обнаруживает в своем значении элементы лексического значения этого слова. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» дает такое значение – «зачеть – действие по значению глагола *зачести*». Глагол *зачести* имеет следующее значение – «зачесть, принять в расчет»⁴. Релятивной семой, реализовавшейся в предлоге, является сема «зачесть, принять в расчет что-либо».

В современном русском языке, по наблюдениям Г.А. Шигановой, фразеологический предлог *в зачет (кого, чего)* не отмечен.

При указании на подражание кого, чего-либо кому, чему-либо, следование примеру, образцу кого, чего-либо в нашем материале представлен фразеологический предлог *по примеру (кого, чего)*. Синтаксема *по примеру + Р.п.*, отмеченная нами в столичных деловых документах, сочетается, как правило, с глаголами поступка и поведения. В роли управляемых слов выступают одушевленные имена существительные, обозначающие лицо, а также отвлеченные имена с временным значением:

...*по примѣру* *Министровъ* *здѣшнихъ* при чужихъ *Дворахъ* *доносить* (ПСЗ, т. XVI, с. 815); ...*по примѣру* *прежнихъ лѣтъ*, въ каж-

дую губернію съ городами на годовой же расходъ оклеймить... (ПСЗ, т. XIX, с. 534); Не могутъ кадеты по примѣру Римлянъ быть при должностяхъ... (ПСЗ, т. XVII, с. 986).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечено 4 значения у слова *примѣръ*. Среди них: 1) измерение, прикидка; 2) излишек, получившийся при измерении; 3) примеривание, определение; 4) пример, образец⁵.

Полагаем, что во фразеологическом значении имя существительное *примѣръ* реализовало элементы своего четвертого значения – «пример, образец».

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги, выражающие отношение общего и частного

В исследуемом материале представлено два фразеологических предлога с данным групповым значением:

от имени (кого, чего); от лица (кого, чего).

В деловых документах центральных канцелярий и в доношениях южноуральских деловых документов представлены фразеологические предлоги *от имени (кого, чего), от лица (кого, чего)*, имеющие значение «указание на кого, что-либо, по поручению кого, представляя кого, что-либо, ссылаясь на кого, высказывается что-либо». Сочетаются синтаксемы *от имени + Р.п., от лица + Р.п.* с глаголами и причастиями, как правило, со значением графической передачи информации, а также с неодушевленными существительными. В состав этих синтаксем входят местоимения и имена существительные, обозначающие лицо:

...о написанныхъ отъ имени Переславы Рязанского купцу Калачникову вексельяхъ (ПСЗ, т. XVII, с. 613); ...а сочинена отъ имени его подложно... (ПСЗ, т. XVII, с. 207); ...кто отъ имени его Карпова челобитную тисать (ПСЗ, т. XVII, с. 207); ...сочиненные подложно отъ имени купца Ивана Гроздова вексели... (ПСЗ, т. XVII, с. 551); ...списки отъ имени Ея Императорскаго Величества и отъ Сената указовъ (ПСЗ, т. XVI, с. 645).

Синтаксема *от лица + Р.п.* в анализируемом материале имеет редкие случаи употребления по сравнению с синтаксемой *от имени + Р.п.*:

...подано было отъ лица заводчика (И-33-1-970-3); ...о состоявшихся указахъ отъ лица Ея Императорскаго Величества (ПСЗ, т. XX, с. 12).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечено употребление слова *лицо* в составе сложного предлога:

Отъ чьего-либо лица, отъ лица кого-, чего-либо.

а) От кого, чего-либо.

б) От имени кого, чего-либо⁶.

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги со значением уподобления

В исследуемом материале при указании на

«ложное» уподобление кого-, чего-либо кому-, чему-либо представлен фразеологический предлог *подъ видомъ (кого, чего)*:

...производятся подъ видомъ яко бы престарелыхъ и больныхъ (ПСЗ, т. XX, с. 752).

В нашем материале отмечены случаи употребления фразеологического предлога *подъ именем (кого, чего)* в значении уподобления кому-, чему-либо. Сочетается синтаксема *подъ именем + Р.п.* с глаголами соизидательной деятельности, а также с именами существительными со значением юридического документа. В состав синтаксемы входят имена существительные со значением лица и юридического документа:

...подъ именем Генераль-Адмирала Павла выписаль изъ разныхъ мѣсть лѣсъ... (ПСЗ, т. XVIII, с. 29); ...одинъ пасквильъ подъ именемъ именнаго Ея Императорскаго Величества указа (ПСЗ, т. XVI, с. 644).

Отдельную группу составляет фразеологический предлог *со стороны (кого, чего)*, употребляющийся при указании на объект как источник действия, какого-либо отношения в сообщениях и деловой переписке местных документов, а также в документах центральных канцелярий представлен фразеологический предлог *со стороны (кого, чего)* в составе синтаксемы *со стороны + Р.п.* Употребляется эта синтаксема при глаголах и причастиях со значением выбора, речевого сообщения, использования, перемещения объекта. В роли управляемых слов выступают местоимения и имена существительные, обозначающие лицо:

...по таковому ж оной шестигласной думы присланному сообщению избранной здешнего города со стороны разночинцов... (И-1-1-79-28); ...ибо тогда ж со стороны нашего поверенного ему ѿб ономъ объявлено... (И-172-1-54-13); ...для чего и потребен со стороны ее от воинскихъ казачьихъ дѣлъ депутатъ... (И-33-1-511-1-3); ...со стороны ли частныхъ людей оныя приноситься будутъ (ПСЗ, т. XXI, с. 669); ...ѿ примиретелномъ разводе со стороны масалова... (И-172-1-54-12об).

В анализируемом материале в единичных случаях нами отмечен трехкомпонентный фразеологический предлог *начиная от (кого, чего) ... до (кого, чего)* для обозначения начального и конечного объектов:

...начиная отъ пятаго и шестаго до 18 и 20 лѣтъ въ училищахъ пребывание... (ПСЗ, т. XVI, с. 670).

Итак, XVIII век характеризуется ростом аналитических конструкций. Этот период активного формирования фразеологических предлогов субкатегории «указание на объектные отношения» Большинство из рассмотренных нами предлогов употребляется и в современном русском языке. В XVIII веке расширяется круг глаголов, управляющих предложно-падежными формами.

Синтаксемы, включающие фразеологические предлоги с субкатегориальной семой «указание на

Фразеология

объектные отношения», делятся на 6 разрядов со следующими групповыми значениями:

с делиберативным значением: *касательно до (кого, чего), относительно до (чего)* и др.;

со значением совместности: *вместе с (кем, чем), на ряду с (кем, чем)*;

со значением исключения, включения: *за исключением (кого, чего), в числе (кого, чего)* и др.;

со значением замещения, подражания: *в зачет (кого, чего), по примеру (кого, чего)*;

со значением общего и частного: *от имени (кого, чего), от лица (кого, чего)* и др.;

со значением уподобления: *под видом (кого, чего), под именем (кого, чего)*.

¹ Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. С. 75.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 3. С. 231.

³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М.: ГИС, 1958. Т. 3. С. 1522.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 5. С. 338.

⁵ Там же. Вып. 19. С. 214.

⁶ Там же. Вып. 8. С. 255.

ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАРЕЧИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬНОГО КЛАССА

Ю.В. Казакова

В образовании качественно-обстоятельственных фразеологизмов принимают участие различные части речи: имена существительные (без дураков – «по-настоящему, добросовестно», по уму – «хорошо, разумно»), имена прилагательные (живой рукой – «хорошо, энергично», русским языком – «ясно, понятно»), числительные (за семью замками – «тайно, скрытно», одним ухом – «невнимательно»), местоимения (своими словами – «по-своему», на «ты» – «дружески, панибратски»), наречия (вкось и вкривь – «неумело, небрежно», денно и ночью – «беспрерывно», с грехом пополам – «кое-как»). Качественно-обстоятельственные фразеологизмы исследовали в своих трудах Алефиренко Н.Ф., Беляева Е.В., Бурмако В.М., Гашева Л.П., Голощапова Т.Г., Помыкалова Т.Е., Соловьева А.Д., Хмелева В.Н., Чепасова А.М., Юздова Л.П.

В данной статье анализируются возможности наречий в формировании качественно-обстоятельственных фразеологических единиц. Материалом для исследования послужила картотека, собранная методом сплошной выборки из произведений художественной, научной литературы русских и советских авторов, периодической печати и литературной разговорной речи, состоящая из 105 фразеологических единиц с компонентом наречием качественно-обстоятельного класса в 840 употреблений.

Наиболее продуктивны, по данным нашей картотеки, наречия при фразеобразовании субкатегории модального качества действия, таких фразеологических единиц с компонентом наречием 73, например: вверх (кверху) дном – «плохо, неладно, кувырком», вкось и вкривь – «неумело, небрежно, неряшливо», вольно или невольно – «обязательно, несмотря на какие-либо обстоятельства», дешево и сердито – «вполне доступно по цене и удовлетворительно по качеству», (как) дважды два четыре – «совершенно очевидно, бесспорно», как дома – «свободно, без стеснения», как нельзя лучше – «очень хорошо, прекрасно, отлично», наобум лазаря – «наугад, наудачу», не мудрствуя лукаво – «просто, без затей», несолоно хлебавши – «ничего не добившись, обманувшись в своих ожиданиях», с горем пополам – «насилу, с трудом», так себе – «плохо, неудачно», проще пареной репы – «легко, очень просто», днем с огнем – «с большим трудом, с большими усилиями», паче чаяния – «вопреки или сверх ожидания, неожиданно», пуше (паче) глаза (глазу, ока) – «очень, сильно, предельно».

В голове начинающей хористки переверну-

лись *вверх дном* все понятия о жизни, добре и зле (Мамин Сибиряк. Не мама).

Я спросил себе обед, очень порядочный и стоящий всего 35 копеек, – *дешево и сердито* (Бородин А. Письмо А.К. Клейнеке. 5 ноября 1859 г.).

Улыбки, веселого, бодрого лица в массе мужского турецкого населения – ищите *днем с огнем* – не найдете (Успенский Г. В Царьграде).

На все убеждения Денисова не ездить Петя отвечал, что он тоже привык все делать аккуратно, а не *наобум лазаря* (Толстой Л. Война и мир).

Если же, *паче чаяния*, чиновник не понимает в чем дело, то уж зато отнюдь не противоречит (Успенский Г. Нравы Растряевой улицы).

Субкатегория модального качества действия представлена на материале фразеологизмов с компонентом наречием в обеих, выделяемых исследователями¹, группах с семантикой образа действия и степени действия, признака. Наиболее продуктивны фразеологические единицы с компонентом наречием семантической группы образа действия, таких фразеологизмов 50, например: вверх (кверху) дном – «плохо, неладно, кувырком», вверх тормашками – в 1 значении «низом вверх», во 2 значении «головой вниз, кувырком», в 3 значении «совсем иначе», вдоль и поперек – во 2 значении «до мельчайших подробностей, очень хорошо», вкуже и влюбе – «сообща, по-дружески», всюду и везде – «повсеместно», (как) дважды два четыре – «совершенно очевидно, бесспорно», (за) здорово живешь – в 1 значении «бесплатно, безвозмездно», во 2 значении «без всякой причины», в 3 значении «совершенно напрасно, бесцельно», как дома – «свободно, без стеснения», кто куда – в 1 значении «недружно, неслаженно», направо и налево – в 1 значении «всем, без разбору», во 2 значении «нерасчетливо, безрассудно, не мудрствуя лукаво – «просто, без затей», ни ходко ни валко – «средне», с грехом пополам – «кое-как», так себе – «ни хорошо, ни плохо, неважно, посредственно», (и) так и эдак – в 1 значении «на разный манер, всячески», во 2 значении «по-разному, то хорошо, то плохо», шиворот навыворот – в 1 значении «в обратном порядке», во 2 значении «не так, как следует».

Какой же нам в Усладе пример взять? В артель сойдемся дружно, а на работе – *кто куда* (в 1 значении «недружно, неслаженно») (Горбунов К. Ледолом).

Оба живут *не мудрствуя лукаво* («просто, без затей»), умея находить и смысл и наслаждение в самом процессе жизни (Горький М. Письмо К.С. Станиславскому. Начало января 1902 года).

Как бы то ни было, но выборы в Красноярске

так или иначе («как-либо») скажутся на всех последующих (Вечерний Челябинск. 01.10.2002).

Мне живется *так себе* («ни хорошо, ни плохо»). Было бы скучно, если бы все окружающее не было так смешно (Чехов. Письмо Чеховой. 11 апреля 1887 года).

Стоит ему только уйти с приисков, как все там пойдет *шиворот-навыворот* (во 2 значении «не так, как следует») (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Фразеологизмы с компонентом наречием с групповым значением степени действия, признака, качества составляют 23 единицы нашей картотеки, например: более или менее – «в какой-то степени», днем с огнем – «с большим трудом», иголке негде упасть – «очень тесно, многолюдно», иголку негде воткнуть – во 2 значении «очень тесно», из рук вон (плохо) – «очень, совсем плохо», (и) шатко и валко и на сторону – «очень плохо, хуже не бывает», как нельзя лучше – «очень хорошо, отлично, прекрасно», как нельзя хуже – «очень плохо», невесть как – в 1 значении «не очень, не особенно хорошо», во 2 значении «не очень, не особенно», в 3 значении «очень сильно», одна нога здесь – другая там – «очень быстро, молниеносно», паче чаяния – «сверх или против ожидания», пуще (паче) глаза (глазу, ока) – «очень сильно, предельно, бдительно, тщательно», проще пареной репы «легко, очень просто», дешевле грибов – «совсем недорого, по низкой цене», шагу негде ступить – во 2 значении «очень тесно», яблоку негде упасть – во 2 значении «очень тесно».

Соображение о неравном браке тут быть не могло – в деревне все *более или менее* («в какой-то степени») равны (Юность. IX. 1988).

– А сам-то князь какой был барин! Такой, сударь, важности, что теперь, весь свет исходи, *днем с огнем* («с большим трудом») не сыщешь (Мельников-Печерский. Старые годы).

В темноте ночи невозможно было определить, насколько успешна была стрельба русских комендоров, но турецкие стреляли *из рук вон плохо* («очень, совсем плохо») (Сергеев-Ценский. Синопский бой).

[Хвилькин] *как нельзя лучше* («очень хорошо, отлично, прекрасно») понимал роль свою и, нисколько не потерял своего достоинства, старался ее поддерживать (Полонский Я.).

Придвинь товарищу капитану скамеечку к печке, – сказал Конюков. – Быстрее. *Одна нога здесь, другая там* («очень быстро, молниеносно») (Симонов К. Дни и ночи).

Он собирал сходы, говорил горячо и просто о великом значении в сельском хозяйстве больших лесных площадей и заклинал крестьян беречь лес *пуще глаза* («очень сильно, предельно, бдительно, тщательно») (Куприн А. Черная молния).

Фразеологизмы с компонентом наречием субкатегории обстоятельства действия представлены, по данным нашей картотеки, 28 фразеологи-

ческими единицами. Фразеологизмы с компонентом наречием данной субкатегории представляют всего 30 % от числа качественно-обстоятельственных фразеологических единиц с компонентом наречием.

Фразеологизмы с компонентом наречием входят во все семантические группы субкатегории обстоятельства действия. Самой продуктивной является семантическая группа фразеологизмов с компонентом наречием места действия, таких единиц 17: вдоль и поперек – в 1 значении «в разных направлениях», взад и вперед – «из одной стороны в другую», кто куда – во 2 значении «в разные стороны», куда глаза глядят – «в неопределенном направлении, неизвестно куда, куда захочется», куда Макар телят не гонял – «очень далеко, в самые отдаленные места, куда не отправишься по своей воле», куда ни глянь – «повсюду», куда ни кинь (глазом) – «повсюду», ни взад ни вперед – «ни в одном из возможных направлений», ни далеко ни близко – «в неопределенном месте», ни там ни здесь – «нигде», ни туда ни сюда – «ни в ту ни в другую сторону», там и здесь – «всюду, везде», там и сям – «в разных местах, во многих местах, всюду», то там то сям – «то в одном, то в другом месте», то там то тут – «то в одном, то в другом месте», то туда то сюда – «то в одну, то в другую сторону», туда и сюда – в 1 значении «в ту и другую сторону».

Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава богу, исхожена и изъезжена *вдоль и поперек* (в 1 значении «в разных направлениях») (Пушкин А.С. Капитанская дочка).

Солдаты тобольской роты со страху разбежались *кто куда* (во 2 значении «в разные стороны») (Федоров Е. Каменный пояс).

Потемкин перестал смеяться, строго глядя на Середовича, сказал: «Если наврешь – попадешь *куда Макар телят не гонял* («очень далеко, куда не отправишься по своей воле»), расскажешь всю правду – домой отпущу (Форш О. Радищев).

Слепой Осел в лесу с дороги сбился (Он в дальний путь было пустился); Но к ночи в чащу так забрел мой сумасброд, Что двинуться не мог *ни взад он ни вперед* («и в одном из возможных направлений») (Крылов. Филин и Осел).

Видели вы большой сельский праздник на ровном лугу? *Там и сям* («в разных местах, всюду») группы с гармошкой (Песков В.М. Шаги по росе).

Только носился *туда и сюда* (в 1 значении «в ту и другую сторону»), рыская по всем углам (Гайдар А. Военная тайна).

На втором месте по продуктивности семантическая группа фразеологизмов с компонентом наречием, обозначающая время действия, таких единиц 9: денно и ночью – «все время, постоянно», днем и ночью – «все время, постоянно», дни напролет – «всегда, постоянно», испокон веку – «издавна, с незапамятных времен», на потом – «на

более позднее, будущее время», не сегодня-завтра – «очень скоро», рано или поздно – «когда-нибудь», раньше срока (времени) – «раньше, чем следовало, раньше, чем нужно».

Папа *денно и ночью* («все время, постоянно») мечтал о займе денег для свадьбы (Чехов А.П. Скверная история).

Башкиры навечно лишились не только земля, но и права лесовать в родных борах, щипать хмель и опускать невод в озера, по берегам которых *испокон веков* («издавна, с незапамятных времен») кочевали их отцы (Федоров Е. Каменный пояс).

Но нельзя забывать и о том, что главная задача нашего времени в России – объединение всех патриотических сил, готовых отложить *на потом* («на более позднее, будущее время») имеющиеся разногласия в борьбе за спасение страны (Советская Россия. 28.11.2002).

Старый генерал призадумался; знал он: порубаны части, но спаслась пугачевская голова, *не сегодня-завтра* («очень скоро») как из-под земли вырастут новые пугачевские сотни (Федоров Е. Каменный пояс).

Если французы предпочитают прожить недолгую, но полную удовольствий жизнь, то британцы и американцы до глубочайшей старости готовы страдать от болезней и беспомощности, только бы не умереть *раньше срока* («раньше, чем следовало, раньше, чем нужно») (Советская Россия. 17.10.2002).

Наименее представлены семантические группы причины действия и условия действия. В эти группы входит по одной фразеологической единице с компонентом наречием: просто так – «без ка-

ких-либо особых причин, без намерений», как (куда) ни поверни – «при всех условиях, в любом случае».

Стреляли *просто так* («без каких-либо особых причин, целей, намерений»), лишь бы стрелять (Песков В.М. Шаги по росе).

– А лешие попадают тут у вас, в лесу-то? – произнес писарь, лежа на спине. Произнес вяло и, по-видимому, *просто так* («без каких-либо особых причин, целей, намерений»), неизвестно зачем и почему (Успенский Г. Из деревенского дневника).

– Но теперь ведь я видел [закон], стало быть, знаю; стало быть, даже неведением отговариваться не могу. *Как ни поверни* («при всех условиях, в любом случае»), а соблюдать должен. (Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши.)

Выводы:

1. Наречия-компоненты наиболее активны в образовании качественно-обстоятельных фразеологизмов субкатегории модального качества действия.

2. Наречия-компоненты наименее продуктивны при образовании качественно-обстоятельных фразеологических единиц, обозначающих обстоятельства действия.

3. Качественно-обстоятельные фразеологизмы с компонентом наречием разнообразны по семантике и представлены во всех семантических группах.

¹ Соловьева А.Д. Качественно-обстоятельные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. 2005. С. 459.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА И СПЕЦИФИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПАРЕМИЯХ

Л.Б. Кацюба

В настоящей статье рассматривается специфика, разнообразие и роль субъекта в паремиях с глаголами в форме 3 лица, поскольку именно эти формы дают полное представление о деятеле в пословицах.

Понятие лица глагола самое широкое. Любой предмет изображается как личный деятель, носитель признака, свойства, источник действия, процесса. Понятие **лицо** соотносится с понятием **субъект**.

Необходимо учитывать также, что с формами 3 лица могут соотноситься понятия «лица в собственном смысле» и «нелица». Вслед за авторами русского семантического словаря мы конкретизируем «абстрактный семантический компонент» 'лицо, лица' «как: 1) 'человек, люди'; 2) 'мифическое существо, уподобляемое человеку', например: ангел, бес, бог..; 3) 'целенаправленно действующий субъект, приравниваемый к человеку – тот, кто'... Все слова, содержащие в своем значении данные семантические компоненты, принадлежат к классу имен лиц»¹. Конкретизация «абстрактного семантического компонента» 'нелицо, нелица' подразумевает включение в это широкое понятие названий предметов, вещей, явлений, каких-либо отвлеченных понятий, которые могут выступать в роли субъекта действия.

Разграничение понятий лица и нелица является существенным по отношению к характеру действия, которое производится субъектом-лицом и субъектом-нелицом. В первом случае глагол будет обозначать процессы, действия, состояния, свойственные названному лицу, живому существу (*жена поет, бог видит, один горюет, богатый тужат*), во втором случае – свойственные названному предмету, вещи, явлению, понятию, которые будут изображены как личный деятель (*булат не сечется, рубль стережет, болезнь входит, бедность плачет*). В этом контексте принципиальные различия между именами лиц и нелиц усматриваются многими учеными, например, А. Вежицкой, В.Г. Гаком, Г.А. Золотовой и другими. Между тем, как отмечает Ю.Д. Апресян, «синтаксически соответствующие» животным, насекомым и т.п. «названия ведут себя в точности так же, как существительные со значением 'человек'»². Более того, иногда такое же «поведение» свойственно и для существительных, обозначающих неодушевленные предметы, то есть нелицо. В своем материале мы усматриваем различие понятий *лицо* и *нелицо*, наряду с семантической конкретизацией, также и по наличию или отсутствию у субъекта «жизненной активности», под которой понимаются целенаправленные, интенсивные действия, требующие определенных усилий, проявления волевых ка-

честв, даже сознательности. Активность субъекта-лица, субъекта-живого существа, которые «обладают собственным поведением и могут быть источником самостоятельного активного действия, не нуждаясь в постороннем движущем факторе»³, передается активными, часто каузативными (здесь каузативный – обозначающий «воздействие на какой-либо объект-субстанцию, которая создается, изменяется или уничтожается в процессе действия») глаголами: *жалить, лезть, драться, взойти, грызть, проглотить, рожать, тонуть, хватать, варить, высушить, крушить, копать, сажать, ударить, шинковать, щипать* и другими.

Исследование 1828 пословиц с глагольным компонентом в форме 3 лица показало, что в 59 % субъект выражен именем существительным в форме единственного и множественного числа; в 26 % субъект выражен местоимением в форме единственного и множественного числа; в 12 % субъектом действия выступает имя прилагательное в форме единственного и множественного числа; именем числительным, причастием и другими формами и сочетаниями субъект выражен в 3 %.

Независимо от формы выражения субъекта способность форм 3 лица соотноситься с понятиями «лица» и «нелица» сохраняется. Так, субъект-лицо может выражаться существительным (*мать, хозяин, царь, рыбак, люди*), местоимением (*он, тот, кто, всяк*), прилагательным (*богатый, добрый, пьян*) и т.д. Аналогично проявляют себя различные части речи по отношению к субъекту-нелицу, свободно выражая его: *волк, конь, собака* – субъект-животное и *рубаха, стина, дерево, дом* – субъект-предмет, которые относятся к субъекту-нелицу, выраженному именем существительным; *хорошее, сырое, худое* – прилагательным; *что, то, всё* – местоимением и т.д.

В большинстве паремий субъект выражен именем существительным. Существительные как формы выражения субъекта распределились на группы: **одушевленные нарицательные, одушевленные собственные, неодушевленные нарицательные, неодушевленные собственные**. Категория одушевленности, одна из важнейших, связанных с категорией лица, выступила как структурообразующая, позволяющая противопоставить «социально активного человека, подлинного субъекта действия, всему остальному» (Л.Г. Якубинский).

В количественном отношении отличаются большей представленностью существительные **одушевленные нарицательные**, которые составляют 49 % и сочетаются с 60 % глагольных единиц в форме 3 лица единственного и множественного числа. В 69 % пословиц этой группы

существительные выражают субъект-лицо и называют людей:

по профессии и роду деятельности: охотник, поп, дьякон, рыбак, свинопас, швец (швея), кузнец, портной, мастеровой, пахарь, монах, жнец, вор, солдат: *Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит; Рыбак рыбака видит издалека; Охотник ведра в тороках не возит;*

по отношениям родства, породнения (в том числе по отношениям между участниками свадебного обряда): мать, отец, сын, дочь, бабушка, дедушка, свекровь, дядя, мачеха, крестник, тесть, зять, шурин, внучек, муж, жена; сваха, сват (свадьба), жених, невеста: *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку; И отец не поможет, когда сын занеможет; Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет; Свааты опоздали, сани поломали; Дети родились, да никуда не годились;*

по половой принадлежности и по полу и возрасту: девка, девушка, девица, молодец, баба, мужик, дед, старец, дитя: *От избытка и старец келью строит; Доброе дитя скорее пролжнется; Девушка не травка, не вырастет без славки; Не все то правда, что бабы врут;*

по национальности (сословию): калмык, цыган, казак, мордвин, грек, немец: *Калмык татарина маханиной корит; Казак сам не ест, а лошадь кормит; Добрый мордвин живет и один; Немец хитер: обезьяну выдумал;*

по взаимоотношениям (дружба, вражда, совпадение взглядов и т.п.): недруг, сосед, гость, земляк: *Сосед не захочет, так и миру не будет; Земляк, избил всех в один синяк; Гость гостит – не житья смотрит;*

по общественному положению, социальному статусу: царь, батрак, барин, работник, боярин, хозяин (работодатель), смерд, мужик, холоп: *Воды и царь не уймет; Черен мак, да бояре едят; Осенью работник краснеет, а хозяин бледнеет; Временем и смерд барыню берет;*

по интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству или его отсутствию (в том числе по внешнему виду, по состоянию здоровья, по отношению к жизни и смерти): урод, дурак, умница, знайка, незнайка, мертвец, плут: *Живет урод и от красавца; Дурак дом построил, а умница купил; Незнайка лежит, а знайка далеко бежит;*

по принадлежности к коллективу, объединению (либо как общность) (субъект часто выражен существительным с собирательным значением): род, семья, родня, миряне, люди: *Род в род идет; Без правды не живут люди, а только маются; Народ недаром говорит; Семья воюет, а одинокий горюет;* и другие группы или

высшее существо – бог, господь, ангел, чудотворец и его антипод – черт, бес, дьявол, сатана, либо мифологическое существо – русалка, леший: *Бог виноватого найдет; Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернеца; Во что черт ни*

нарядится, да бесом глядит; Ангел помогает, а бес подстрекает. (Эта группа пословиц весьма обширна с наиболее регулярными субъектами *бог, черт*).

Т.В. Бахвалова замечает: «Наименование лица – обширнейшая тематическая группа лексической системы русского языка. Это один из самых многочисленных лексико-грамматических разрядов имен существительных»⁵. Как видно из приведенных фактов, это замечание справедливо и для лексической системы русских пословиц.

В 31 % паремий существительные одушевленные нарицательные выражают субъект-животное (в том числе млекопитающие, птицы, рыбы, насекомые и т.п.). Пословицы этого ряда выделяются из общей массы, поскольку обнаруживают некоторую особенность: субъект в них относится к разряду «живое существо», напрямую связан с категорией одушевленности – выражен одушевленным существительным. Как отмечает И.В. Холманских в своем исследовании истоков анималистической фразеологии, «все многообразие животного мира отразилось в первую очередь в образах фольклора – пословицах, поговорках, потешках, сказках»⁶.

В исследованных нами паремиях называются домашние животные, издревле содержащиеся на русских подворьях. Среди названий частотно употребляются *собака, лошадь (конь), кошка (кот), корова, овца, свинья, курица, петух, бык (вол), гусь, коза (козел): Свинья найдет грязь; Вол растет до обуха; Не выем корова молоко дает, а рылом; Не тряхнув ушами, кот куска не съест; У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют; Сытая лошадь меньше съест; Курица гогочет, а петух молчит.*

Среди диких животных, названных в роли субъекта, отмечены *волк, лиса, заяц, медведь, сова, кукушка, журавль, ласточка, соловей, ворона, ворон, червь, карась, режее – соболь, куница, ястреб* и другие: *Волк каждый год линяет, а обычая не меняет; Долго журавль летает, а мозолей не натирает; Змея умирает, а зелье хватает; Спит лиса, а во сне кур считает; Кукушка кукует, по бездолью горюет.* В единичных примерах встретился зооним *слон: Не гоняется слон за мышью.*

Как показало исследование, активно употребляемы в пословицах названия диких животных, распространенных на всей территории России, от западноевропейской ее части, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Сахалина до южных широт. Факт упоминания в пословицах национальных видов домашних животных, которые трудятся на благо человека и помогают ему жить (а иногда и выживать) не одно столетие, а также – тех диких животных, с которыми человек веками жил на одной территории, – примечателен и может расцениваться как верность русского народа своим традициям, обычаям и проявление гуманизма, чуткости к братьям своим меньшим. Функциональные качества этих пословиц подчеркивают их

антропоморфичность. «Через использование лексикона из области животного мира передаются самые различные представления, свойственные миру людей. Оценочный момент (положительный, отрицательный, нейтральный) связан с ассоциациями, которые вызывают те или иные животные»⁷. Олицетворение животных обусловлено использованием глаголов мысли, чувства, речи, отношения: *думать, хвалить, горевать, любить, считать, знать, тосковать, дружить* и других. Кроме того, высокий процент употребления зоонимов в качестве субъекта подтверждает мысль об одном из основных признаков пословицы – концентрации человеческого опыта, результатов наблюдения человека за человеком, природой, объектами действительности: «Стремление к осознанию единства человека и природы, взаимосвязей всего сущего лежит в самых истоках человеческого опыта и его осмысления» (В.М. Богуславский).

На втором месте по употреблению в качестве субъекта стоят существительные неодушевленные нарицательные. Они составляют 43 % и выстраивают:

1) субъект-предмет с конкретным (реже собирательным, вещественным, отвлеченным) значением, как-то:

предметы крестьянского (либо другого сословия – единичные факты) хозяйства и быта (в том числе орудия труда, одежда, утварь, мебель и т.п.): игла, прялка, гребень, горшок, топор, печь, телега, лопата, сани, мыло, кровать, подушка, рубаха (рубашка), шапка, одежда, заплата: *Девку веретено одевает; Красненька дожечка охлебается и под лавкой навальется; Новая заплата ветошь вытеревит; Налетает и топор на сук;*

продукты крестьянского стола (в том числе сырье для подготовки этих продуктов): яблочко, мед, лук, гриб, кашка, хлеб, вода, квас, пиво, калач, мука, кушанье, кисель, еда: *И сладок мед, да в жары киснет; Хороший кусок найдет себе усок; Лук семь недугов лечит; И хлеб по своей стороне скупают; Ленивому и гриб не стоит поклона;*

части человеческого тела, организма: голова, рука (руки), язык (трепало), борода, волос, горло, лицо (рожа), тело, спина, брюхо, сердце, желудок, око, глаза, кость: *Не отвалится голова, вырастет и борода; Куда сердце летит, туда око бежит; Спина болит, погоду сулит; Старые кости перележиваются; И ленивому свое брюхо не докучает;*

место проживания и деятельности человека: дом (домок), изба, деревня (деревенька), город, земля, поле, нивка, кряж: *На пойме изба не ставится; Порядком стоит дом, непорядком – содом; Не поле кормит, нива; Добрая земля больше подымет;*

растения (их части, плоды, семена) дикие и культивируемые человеком: сосна, дерево, трава, польнь, рожь, овес, лен, ягода, лебеда, хмелинушка, зерно, пшено: *Овес и сквозь лапоть прорастает; Всякое семя знает свое время; Далеко сосна*

стоит, а своему лесу шумит; На прохожей дороге трава не растет; Без корня и польнь не растет;

времена года, календарь; стороны света; природные явления и образования и т.п.: осень, зима, весна, лето; день, ночь, вечер, неделя, месяц, год; юг; заря, солнце, роса, месяц; холод, мороз, ветер, дождь, гром, пар, дым, искра, огонь, гора, камень: *День хвалится вечером; Не по образцам зима и лето бывает, по воле божьей; Заря денежку берет; Холод не терпит голоду; Пар костей не ломит; Вода и мельницу ломает;*

2) субъект – нравственная категория (существительные с отвлеченным значением здесь образуют пары контрастных понятий): добро – зло, лихо; честь, долг – бесчестье; совесть, стыд – бессовестность; правда – кривда, ложь, неправда; святость – грех, искушение: *Ныне уж и правда изверилась; Правда сама себя хвалит и величает; Долг не ревет, а спать не дает; Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает;*

3) субъект – отвлеченное понятие с различным значением: нужда, голод, богатство, золото, деньги, бремя, конец, счастье, любовь, отвага, счет, жребий, промах, венец, начало, судьба, рок и т.д.: *Золото не говорит, да много творит; Как деньги при бедре, так помогут при беде; Придет счастье, и с печи сгонит; Старая любовь долго помнится.* Нужно отметить, что существительные с конкретным и отвлеченным значением проявили себя активными выразителями субъекта-предмета.

Собственные имена, или антропониимы, выступающие в роли субъекта, в нашей картотеке составляют около 7 %. Это такие имена, как *Иван, Егор, Марья, Мирошка, Маланья, Софья, Настя, Емеля, Гагула, Фома, Лукерья, Флориха, Антон, Касьян, Татьяна, Авдей, Адам, Ева, Мамай* и др.

Внимание лингвистов к имени собственному в свете изучения одного из разделов ономастики и в художественной речи (в том числе и в речи пословиц и поговорок) представляет собой процесс постоянный и неугасаемый. В отличие от имени нарицательного, собственные имена обладают «назывными» качествами, способностью «различать предметы в ряду однотипных предметов, не указывая прямо на их свойства и признаки» (В.М. Мокиенко). Опираясь на положения, изложенные в научной литературе, и наблюдения за фактическим материалом, отметим, что функциональное назначение имени собственного в пословицах широко. Оно (имя) не только является «различающим знаком» (Е.М. Галкина-Федорук), но и знаком обобщающим. Имя собственное в паремиях уже неприложимо к собственному имени как таковому, оно перестает конкретизировать личность, косвенно переходя в разряд нарицательных, оно типизирует человека. *Наш Демид прямо глядит; Что Машка напряла, то мышка скрала; Наш Касьян на что ни взглянет, все вянет; Швей Софья – на печи засохла; Пропал Авдей от злых людей; И Мамай правды не съел.*

Наконец, собственные неодушевленные существительные, так называемые топонимы, выражают субъект-предмет, обозначают названия географических пунктов, наименования рек, озер и т.п. Такие факты малоупотребительны в нашем материале и составили менее 1 %: *Хорош Париж, а живет и Курмыш; Русь навалила, нас совсем задавила; Москва бьет с носка, а Питер бока по-вытер; Москва по нашим бедам не плачет.*

Кроме того субъект-лицо может выражаться: субстантивированными прилагательными (полными и краткими), которые называют людей по их умственным способностям, физическим данным, нравственным качествам, состоянию здоровья, национальности и т.д.: русский, резвый, горбатый, богатый, здоровый, стыдливый, добрый, умный, милый, одинокий, вдовый, бездетный, злой; наг, пьян, косолап, прям, тощ, скор, зелен, кривоног, стар, молод: *Холостой охает, женатый ахает; Старый стареется, а молодой растет; Русский что увидит, то и сделает; Богатый и не тужит, да скучает; Наг золота не копит; Пьян проспится, а дурак никогда.* (Такая форма выражения субъекта высоко продуктивна в нашем материале);

числительными: *Один скачет, один и плачет, а все один; Двое в поле воют, а один и дома горюет; Семеро одного не ждуют;*

субстантивированными причастиями (в единичных фактах): *Болящий ожидает здравия даже до смерти;*

сочетаниями слов: *Терпенье и труд все перетрут; Ум да разум надоумят сразу; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка; в том числе с компонентом числительным: Семь топоров вместе лежат, две прялки врозь; От одного тухлого яйца семеро мужиков бежало;*

синтаксически цельными словосочетаниями: *Добрый человек в добре проживет век; Злой человек не проживет в добре век;*

фразеологическими единицами: *Божья тварь богу работает; Правдивая рука правдой живет; Белые ручки чужие труды любят; Всякое дыхание хвалит господу.* (Данные единицы не отражены в существующих словарях, но имеют признаки предметных фразеологизмов).

Субстантивированными прилагательными, причастиями может выражаться и субъект-предмет. Такие факты малоупотребительны и низкочастотны в нашем материале: *При сухом и сыром горит; Пролитое полно не живет; Поганое к чистому не пристанет; Живет и меньшое лучше большого.*

Менее чем в 30 % пословиц с глаголами в форме 3 лица единственного и множественного числа субъект выражен местоимениями всех разрядов (кроме возвратного местоимения себя) в форме именительного падежа. В большинстве примеров местоимением выражен субъект-лицо

(*тот, кто* (самые частотные), *сам, всяк, никто, он, такой, иной, другой, который* и т.д.): *Всяк храмлет на свою ногу; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Иной стреляет редко, да попадает метко; Никто про себя худа не скажет; Наши пряли, а ваши спали.*

Примеры с субъектом-предметом, выраженным местоимениями *что, все, то* и другими, представлены ограниченно: *Что в людях живет, то и нас не минет; Что мучит, то и учит; Кому что доведется.*

Необходимо при этом подчеркнуть, что роли субъектов-существительных и субъектов-местоимений различны, как различна природа частей речи, их выражающих: имя существительное имеет предметно-смысловую основу; местоимению как древнему классу субъективно-указательных слов свойственна «смысловая всеобщность» (В.В. Виноградов). Каждое понятие, выраженное именем существительным, становится центром формирования «мыслей и чувств, воплощенных и живущих в пословицах. Широта и обобщенность мысли достигается широким, свободным использованием местоимений всех разрядов...»⁸. Субъект-местоимение указывает на большую степень обобщенности в пословицах, нежели субъект-существительное.

Роль субъекта в поговорках велика – названный субъект зачастую «озвучивает» тему всей поговорки. Наблюдение за субъектами и действиями, ими производимыми, дает основание утверждать, что и субъекты, выраженные разными частями речи, и их действия, выраженные исследованными формами, обращаются в поговорке в сущностно-содержащие понятия, «базовые понятия, не ограниченные узким временным отрезком, вневременные понятия»⁹ (6, с. 231), аккумулирующие в себе глубинный смысл. Любопытен момент сопоставления данных настоящего исследования со списком так называемых «стабильных лексических элементов» М. Сводеша, который «представляет собой сферу опыта, присущего всему человечеству», как назвал его, несмотря на полемику с автором, Г. Хойер. Все элементы этого списка отражены и в нашей картотеке. Вот некоторые из них: существительные – *день, земля, мать, отец, рыба, огонь, муж, голова*; прилагательные – *грязный, мокрый, гладкий*; местоимения – *он, другой, этот, тот*; числительные – *два, три*; глаголы – *приходить, считать, умирать, пить, пить, давать, лежать, сидеть, стоять* и другие. Очевидно, исходя из времени возникновения поговорок (это далекое прошлое), устная речь народа оперировала именно такими древними «элементами» – постоянными величинами любого языка, что еще раз подкрепляет мысль о концептуальной сущности поговорок.

Таким образом, субъект в исследованных поговорках выражен именем существительным (собственным или нарицательным, одушевленным или

неодушевленным) – это самая продуктивная форма выражения, местоимением, субстантивированным прилагательным и другими формами и называет лицо, предмет или отвлеченное понятие, которые изображаются как личный активный деятель, носитель признака, источник действия, процесса. Все паремии с субъектом-лицом антропоцентричны, утверждают активного производителя действия со своим поведением, мышлением и способностью действовать. Паремии с субъектом-лицом, с субъектом-предметом или отвлеченным понятием антропоморфичны по своей природе, выражают опыт, наблюдения человека, закон, правило и т.п., выработанные человеком.

¹ Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т.1. С. 59.

² Апресян Ю.Д. Избранные труды. 2-е изд. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. Т.1. С. 34–35.

³ Кильдибекова Т.А. Функциональный и семантический аспекты категории залога // Исследования по семантике: Межвуз. сб. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1983. С. 49.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров): Учеб. пос. Орел, 1993. С. 7.

⁶ Холманских И.В. Истоки анималистической фразеологии // Актуальные вопросы лингвистики: Сб. ст. Тюмень, 2003. С. 159.

⁷ Созинова Э.М. Пословицы с названиями животных в башкирском, русском и английском языках // Вторые Лазаревские чтения: Мат-лы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Голованов. Челябинск, 2003. С. 228.

⁸ Чепасова А.М. Пословицы – заветная лира русского человека // Вторые Лазаревские чтения: Мат-лы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Голованов. Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2003. С. 231.

⁹ Там же. С. 231.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Е.В. Радченко

Одной из актуальных задач современного языкознания остается выявление глубинных законов развития языка. По мнению абсолютного большинства современных лингвистов, универсальным свойством языка, отражающим взаимосвязь и взаимодействие между языковыми единицами на разных уровнях, является динамика, развитие. Под динамичностью в лингвистике понимаются количественные изменения языковой единицы.

Процессуальные фразеологизмы, как и глаголы, обладают очень сложным, емким и динамичным значением. Как справедливо отмечал В.В. Виноградов, семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Однако любое изменение языковой единицы происходит на фоне ее устойчивости. Устойчивость значения, тождественность семантики языковой единицы при определенных ее внешних изменениях является основой, базой, на которой происходит функционирование этой единицы в речи. Именно благодаря устойчивости язык не перестает выполнять свою функцию общения, несмотря на то, что какие-то формы изменяются. Все изменения языковой единицы обращены как к своему источнику к устойчивости.

В настоящей статье мы рассмотрим проблему динамичности процессуальных фразеологизмов с двух сторон – со стороны содержания и формы. Как показал наш материал, семантический динамизм языковой единицы более продуктивен, чем динамизм формы. В нашем материале встретилось множество фактов, подтверждающих динамичность значения процессуальных фразеологизмов и лишь единичные случаи подвижности формы названных единиц.

П.1. Семантический динамизм процессуальных фразеологизмов проявляется прежде всего в деактуализации или утрате ядерной семы основного значения и актуализации периферийных сем, что постепенно приводит к возникновению нового значения.

Этот процесс можно проследить на примере процессуального фразеологизма *брать/взять (хватать/схватить) за горло (кого)* «принуждать, притеснять кого-либо, заставлять кого-либо поступать определенным образом». Приведенное значение является ядерным и отмечается во всех фразеологических словарях. Названный фразеологизм входит в субкатегорию «социальных отношений», семантическую группу «принуждения». Анализируемое значение проявляется в следующей синтаксической и лексико-семантической сочетаемости: употребляется с субъектом-именем существительным, обозначающим лицо или сово-

купность лиц, подчиняет себе имя существительное, тоже обозначающее лицо:

Кремневые глаза Досекина вспыхивают, он сурово отвечает:

– Когда нас будут тысячи и миллионы, мы без злобы возьмем за горло кого надо (М. Горький. Т.8, с. 439); Помню, говорит он, а я гляжу в наглые глазницы его и на все слова дакаю, со всем соглашаюсь, словно он меня за горло взял (М. Горький. Дело Артамоновых).

Анализируемый фразеологизм активный в современном русском языке, что выражается в наличии у него полной парадигмы грамматических признаков и грамматических форм: присутствуют все формы лица, времени, вида, наклонения; названная единица может иметь все формы – личную, инфинитивную, причастную и деепричастную.

В нашем материале встретилось несколько употреблений единицы *брать/взять (хватать/схватить) за горло (кого)* в ином значении: «тревожить, волновать, кого-либо». Ядерная сема основного значения «принуждать, притеснять, заставлять кого-либо» деактуализируется. Актуализируется периферийная сема «тревожить, волновать кого-либо». Производное значение связано с основным общей семой «воздействовать на кого-либо». Вследствие названных семантических изменений изменяется субкатегориальное и групповое значения. Анализируемый процессуальный фразеологизм обозначает «эмоциональное состояние», «приведение лица в психическое состояние». Это значение мы квалифицируем как потенциальное, так как оно встречается только в единичных употреблениях и пока еще не стало фактом языка. Новая семантика требует новой сочетаемости фразеологической единицы:

По плечи голая, точно высунулась навстречу ему из пышного, как роза платья. Опять дикое смущение схватило его за горло (А. Толстой. Петр Первый); И всю жизнь не хватало мне доброй сеньи. Боль сиротства за горло хватала... (М. Львов, Объяснение в любви).

В новом значении фразеологизм употребляется при подлежащем, выраженном именем существительным с отвлеченным значением – *смущение, боль сиротства*. Семантический динамизм ФЕ приводит грамматическому динамизму, а именно к сокращению парадигмы форм лица. В отличие от единицы, имеющей основное значение, фразеологизм *брать/взять за горло (кого)* «волновать, тревожить кого-либо» употребляется только в форме третьего лица, так как обозначает действие, не относимое к человеку. В качестве субъекта действия при этом фразеологизме выступает имя существительное, называющее отвлеченное понятие.

Семантический динамизм проявляется в развитии нового, пока еще потенциального значения у фразеологизма *брать/взять на заметку (кого, что)*. В значении «стараться запомнить кого или что-либо как нечто значительное, важное, исключительное» он входит в семантическую группу «интеллектуальная деятельность», подгруппу «познание». Названное значение является ядерным и отмечается во всех словарях. Оно реализуется в типичной для фразеологизма сочетаемости. Приведенная единица употребляется при подлежащем, обозначающем лицо, в качестве объекта имеет при себе имя существительное в форме винительного падежа без предлога, называющее лицо или конкретный предмет:

Ванька каким-то образом выслеживал, где находится та или иная гороховая полянка, брал ее на заметку и, подмигивая мне, объявлял: «Завтра пойдем» (М. Алексеев, Драчуны); Бесконечно занятый и скромный человек, никогда не позвонит сам: у меня, мол, есть о чем рассказать. Таких людей надо брать на заметку, добиваться встречи с ними (В. Деревницкий, Время для размышлений).

Помимо ядерного у анализируемого фразеологизма отмечается производное значение «принимать к сведению что-либо, учитывать что-либо». Оно связано с основным значением семой «сосредоточенно изучать что-либо». Ядерная сема первого значения («запомнить кого, что-либо») деактуализируется, уступает место семе «учитывать что-либо». Изменяется и семантическая подгруппа фразеологизма. Он обозначает «интеллектуальную деятельность», «понимание». Семантический сдвиг в значении фразеологизма приводит и к новой сочетаемости: употребляясь во втором значении, фразеологизм имеет при себе объект, выраженный именем существительным в форме винительного падежа без предлога, обозначающим не лицо, как в первом значении, а отвлеченное понятие:

Штаб фронта брал эти сведения на заметку, как показательное явление, доказывающее лишний раз интерес немцев к Ковельскому узлу (Э. Казакевич, Звезда).

Названные семантические изменения приводят к грамматическому динамизму ФЕ. Он тоже выражается в сокращении парадигмы грамматических форм. Отличительной чертой фразеологизма во втором значении является его частотное употребление в форме повелительного наклонения. Это объясняется семантическими особенностями единицы. В значении «учитывать что-либо, принимать что-либо к сведению» фразеологизм часто употребляется в жизненно-речевых ситуациях, связанных с советом, рекомендацией, пожеланием:

Барометр службы ВИР показывает перемены... Деловые люди и туристы, возьмите это на заметку. (Челябинский рабочий. 7.06.91); Подрезов тоже рассмеялся – всех крыл своим басом, а потом сказал: «А ну-ко, возьми себе на заметку:

двадцать пятого октября бюро райкома» (Ф. Абрамов. Пряслины).

У анализируемого фразеологизма развивается и потенциальное значение. В нашем материале встретилось одно употребление единицы в значении «проследить за кем-либо, позаботиться о ком-либо». Под влиянием нового значения изменяется сочетаемость фразеологизма – субъект и объект выражен именем существительным со значением лица:

Хозяин, судя по стуку, был на повети. Михаил решил поговорить насчет Лизки. Илья, как и в прошлом году, был назначен бригадиром на Ручьи. Пускай-ко возьмет сестру на заметку (Ф. Абрамов. Пряслины).

П. 2. Другим проявлением семантического динамизма процессуальных фразеологизмов стала омонимия. Омонимичные фразеологизмы могут появляться вследствие распада многозначной единицы, утраты общей семы между ее значениями. Ядерные семы единиц не совмещаются, изменяется их лексико-семантическая сочетаемость. Что же касается грамматической формы, то она остается прежней: категориальное значение фразеологизмов не изменяется, у омонимичных единиц одинаковый набор грамматических категорий и форм, тождественная синтаксическая сочетаемость.

Так, фразеологизмы *брать/взять на себя (что) I* «обязываться выполнить, осуществить что-либо самому» и *брать на себя (кого) II* «активно влиять на кого-либо» являются омонимиями. Они имеют разные, не совмещающиеся ядра значений. Первая единица обозначает «социальную деятельность лица», «поступок», вторая – «отношение», «влияние». Вследствие этого оба фразеологизма имеют разную лексико-семантическую сочетаемость. Первый может управлять именем существительным в форме винительного падежа без предлога с отвлеченным значением, называющим какие-либо обязанности, работу, активную деятельность человека:

(Ученик Грацианского – Вихрову:)

– А за минуту перед тем вы с подкупающей теплотой отозвались о своих братьях и детях, как вы сказали взявших на себя основное бремя исторического испытания (Л.М. Леонов. Русский лес); – Ни зеркал нет, ничего! Добрые люди интересовались, зачем она мужу эдакую взяла на себя? (М. Горький. Мамаша Кемских).

Брать/взять на себя (кого) II сочетается с именем существительным в форме винительного падежа без предлога, называющим лицо:

– Ну, ладно, – согласился Сенечка. – Бери на себя англичан (Тэффи. Рассказы); – Если из политиков, – в раздумье сказала Анна Георгиевна, – было бы полезно его приручить. – Вот и действуйте, дорогие дамы, Кто из вас? Берите его на себя (В. Кочетов. Молнии бьют по вершинам).

Несмотря на семантический динамизм, грамматическая форма анализируемых фразеологизмов

остаётся устойчивой. По мнению В.Н. Ярцевой, устойчивость формы связана с её многозначностью. Именно многозначность формы позволяет ей обслуживать широкий круг разных значений. В этом проявляется противоречие между формой и значением языковой единицы. Оба названных омонима являются процессуальными фразеологизмами, имеют полный набор грамматических признаков (категорию лица, вида, наклонения, времени); полный набор грамматических форм (личную, инфинитивную, причастную и деепричастную); выполняют одинаковую синтаксическую функцию (в личной форме являются сказуемыми), имеют тождественную синтаксическую сочетаемость (субъект и объект, как правило, выражен именем существительным).

Тождественность или максимальное совпадение грамматической формы при несовпадении значений является типичной для абсолютного большинства омонимичных фразеологизмов, относящихся к одному семантико-грамматическому классу. Так, омонимичные пары процессуальных фразеологизмов *бросать/бросить тень (на что) I* «омрачать что-либо» и *бросать/бросить тень (на кого) II* «порочить, компрометировать кого-либо»; *видать виды I* «много испытать» и *видать виды II* «быть сильно поношенным, потрепанным»; *входить/войти в круг (чего) I* «становиться компетентным в каком-либо вопросе» и *входить/войти в круг (кого, чего) II* «становиться своим среди людей определенной социальной группы» и мн. др. имеют тождественную грамматическую форму, одинаковый набор грамматических признаков и форм, несмотря на несовместимость значений. Приведенные факты свидетельствуют о подвижности значения и об устойчивости, консерватизме формы.

Однако в нашем материале встречаются многочисленные случаи, когда семантический динамизм фразеологизмов, относящихся к одному семантико-грамматическому классу, привел к грамматическому динамизму.

Так, процессуальный фразеологизм *брать/взять слово I* «по собственному желанию выступать на собрании» обозначает «речевую деятельность», «сообщение». Приведенная единица является субъектной:

Ф.И. Калинин. Отчего Вы не взяли слово, чтобы рассказать, как Вы выгоняли лишних? Как Вы определяли лишних? (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 50, с. 267); Большинство склонялось к регулярному бегу трусцой, воздержанию от сытных ужинов... И вдруг вне всякой связи с предыдущим мой знакомый взял слово (Жомсомольская правда. 5.06.80).

Омонимичный вышеприведенному фразеологизм *брать/взять слово (с кого) II* «получать от кого-либо обещание, клятву, уверение» обозначает «межличностные отношения» и является объектным – имеет объект, выраженный именем существ-

вительным в форме родительного падежа с предлогом *с*, обозначающим лицо:

И взяв с Пьера честное слово молчать обо всем, что он узнает, Марья Дмитриевна сообщила ему, что Наташа отказала своему жениху (Л.Н. Толстой. Война и мир); На прощанье Альбина взяла с него слово не забывать молодежь, помочь ей выбраться из ямы (Н. Островский).

Аналогичные различия в функционировании категории залога можно проследить в следующих омонимичных парах: *выдавать/выдать себя за (кого) I* «представлять себя в качестве другого лица» (объектный) – *выдавать/выдать себя II* «обнаруживать свою причастность к чему-либо поступками и словами» (субъектный); *давать /дать деру (ходу, тягу) I* «поспешно убежать, удирать» (субъектный) – *давать/дать (задать) деру (чесу) (кому) II* «наказывать кого-либо розгами» (объектный).

П. 3. Следующее проявление семантического динамизма процессуальных фразеологизмов заключается в деактуализации значения процесса и актуализации сем других семантико-грамматических классов. Наиболее ярко названные процессы представлены в причастных и деепричастных формах процессуальных фразеологизмов, так как они совмещают значения и признаки единиц двух семантико-грамматических классов – соответственно процессуального и призначного; процессуального и качественно-обстоятельного класса.

Так, причастные формы фразеологизмов процессуального класса сохраняют категориальное значение процесса, морфологические категории вида, залога, способность управлять именем в косвенном падеже, выражать в предложении относительное время. Перечисленные семантические и грамматические признаки реализуются в особой синтаксической функции причастных форм процессуальных фразеологизмов в обособленной позиции, в роли полупредикативного члена предложения:

То были не мнимые силы, то были силы великого народа, заложившие фундамент будущего мира (В. Гроссман. За правое дело). (Коновалов) любил работать, увлекался делом... И мне было приятно смотреть на этого гигантского ребенка, влажавшего всю душу в работу свою – как это следует делать каждому человеку во всякой работе (М. Горький. Коновалов).

Приведенные причастные формы *заложивший фундамент (чего)* «создавший то, что является исходным, основным для чего-либо», *влажавший душу (во что)* «относящийся к чему-либо с энтузиазмом, полной самоотдачей» обладают цельным, единым значением. Обе единицы относятся к процессуальному классу. Они обозначают действительный признак предмета, сохраняют субкатегориальное значение деятельности, групповое значение созидательной деятельности. Процессуальное значение фразеологизмов создается глагольным и

Фразеология

именным компонентами, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Это выражается в том, что глагольные и именные компоненты названных фразеологизмов утрачивают свою самостоятельность, каждый вносит отдельные семы в общее значение фразеологизма, которое является цельным, неделимым. Из чего следует, что причастные формы фразеологизмов обладают сложным, структурным значением, в отличие от причастных форм вне фразеологизма. Процессуальное значение фразеологизмов поддерживается не только глагольным, но и именным компонентом, что обеспечивает их устойчивость.

Причастные формы процессуальных фразеологизмов *заложивший фундамент (чего)*, *влажавший душу (во что)* сохраняют категорию вида – совершенного (в первом примере) и несовершенного (во втором примере), залога – оба фразеологизма объектные, имеют объект в форме родительного падежа без предлога (в первом примере) и винительного падежа с предлогом *в* (во втором примере). Причастные формы в обоих предложениях управляют именами в косвенных падежах, выражают относительное время – предшествование и одновременности относительно времени, названного глаголом-сказуемым. В предложении обе причастные формы выполняют функцию обособленного определения, полупредикативного члена предложения, и обозначают не просто качественный признак предмета, а действительный признак, приписываемый предмету или лицу в определенный период времени. Судя по нашему материалу, в причастной форме процессуальные фразеологизмы очень устойчивы. Они редко подвергаются семантическому и грамматическому динамизму. Приведем некоторые факты.

Сравните:

Процессуальные ФЕ	Призначные ФЕ
<i>(Алексей Желтов – Е. Р.), повидавший в жизни всякие виды, совершенно не любопытствует, кто мы, зачем пришли, куда направляемся (К. Паустовский. Кордон "273").</i>	<i>Называл – вздохнула МиленТЬевна, и мне показалось, что ее старые, выдавшие виды глаза повлажнели (Ф. Абрамов. Деревянные кони) Выдавшая виды запыленная одежда красноречиво говорила о том, какой путь остался за плечами путешественников (Комсомольская правда. 2 мая 1989)</i>

В предложении левого столбца фразеологизм *повидавший всякие виды* в значении «много испытывавший, накопивший большой жизненный опыт» сохраняет категориальное значение процесса. Он относится к субкатегории «бытия», группе «бы-

тия-существования в определенном пространстве». Сохранению процессуальности способствует употребление глагольного компонента с приставкой *по-*, усиливающей видо-временные оттенки значения фразеологизма, зависимые слова при причастной форме, функция полупредикативного члена предложения. Названный фразеологизм обозначает действительный признак лица, приписываемый ему в определенный период времени. Вместе с процессуальным значением эта причастная форма сохраняет глагольные категории вида, залога, относительного времени. Приведенный фразеологизм совершенного вида, субъектный, обозначает предшествование относительно действия, названного глаголом-сказуемым.

В предложениях правого столбца фразеологизм *выдавший виды* в значении «старый» относится к классу призначных единиц. В названных причастных формах значение процесса деактуализируется, актуализируется значение качественного признака. Причастная форма в обоих случаях утрачивает глагольные категории вида, залога. В предложениях эти формы не обозначают относительного времени, выполняют функцию атрибутивного определения, обозначающего статичный, не изменяющийся во времени признак лица или предмета. В первом предложении определение, выраженное фразеологизмом, синонимизируется с именем прилагательными и стоит с ним в одном ряду – *старые, выдавшие виды*. Призначные фразеологизмы не имеют зависимых слов, а сами являются зависимыми от имен существительных, образующих с ними словосочетания с согласованием.

Деепричастные формы процессуальных фразеологизмов, как и причастные формы, обладают сложным и цельным значением. Для них также характерна устойчивость, прочное сохранение процессуальности.

С классом процессуальных единиц их объединяет значение второстепенного действия, глагольные категории вида, залога, способность управлять именем в косвенном падеже, значение относительного времени, функция второстепенного сказуемого в предложении.

Процессуальные фразеологизмы в деепричастной форме, как и деепричастия вне фразеологизма, обладают наименьшим набором морфологических категорий по сравнению со всеми остальными глагольными формами. В лоне процессуальных единиц их удерживают две морфологические категории – вид и залог.

Так, они могут образовать видовые пары несовершенного/совершенного вида: *беря/взяв на вооружение (что)* «активно используя/использовав что-либо»; *умывая/умыв руки* «отстраняясь/отстранившись от ответственности за какое-либо дело» *собираясь/собравшись с силами* «преодолевая/преодолев свою нерешительность, робость».

Деепричастные формы могут быть субъектными и объектными:

Затем поехал в Киев и, махнув рукой на дела три дня проходил хмельной и радостно-возбужденный по городу... (И. Бунин, Деревня); Не смея дышать, он (Ибрагим – Е. Р.) слышал ее стенания... (А.С. Пушкин, Арап Петра Великого).

Деепричастная форма процессуального фразеологизма *махнув рукой (на что)* «отстранившись от чего-либо» является объектной, имеет объект в форме винительного падежа с предлогом *на*. Деепричастная форма *не смея дышать* «сильно волнуясь» является субъектной.

Значение деепричастных форм фразеологизмов, с одной стороны, характеризуется сложностью, структурностью, с другой – цельностью, единством. Именно эти признаки названных форм процессуальных фразеологизмов являются основным условием устойчивости их значения. Деепричастные формы процессуальных фразеологизмов в предложении могут обозначать относительное время и выполнять двойную семантико-синтаксическую функцию, выступая одновременно в роли обстоятельства и второстепенного сказуемого.

– Василий Никитич! – окликнула она (Анна Акимовна – Е.Р.) не сразу, глухим голосом, как будто не веря своим глазам (А.П. Чехов, Бабье царство); Придя в себя, дьячок сует в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа (А.П. Чехов, Хирургия).

Приведенные деепричастные формы процессуальных фразеологизмов *не веря своим глазам «удивляясь», придя в себя «очнувшись»* обладают более сложным значением, чем деепричастные формы вне фразеологизма. Это связано с раздельнооформленностью названных единиц. Каждый компонент фразеологизма вносит свои семы в общее значение. В то же время все компоненты фразеологизма сливаются в одно целое и тесно взаимодействуют друг с другом. Так рождается цельное, неделимое значение фразеологизма. Обе единицы обозначают действенный образ, сохраняют категориальное значение процесса, субкатегориальное значение психического состояния лица (первый пример) и становления психического состояния лица (второй пример). Процессуальное значение фразеологизма укрепляется всеми его компонентами, которые образуют одно целое, что и является основным условием устойчивости деепричастных форм процессуальных фразеологизмов. Сохраняя значение процесса, обе деепричастные формы могут обозначать в предложении относительное время: деепричастная форма *не веря своим глазам* обозначает одновременность относительно действия, названного глаголом-сказуемым *окликнула*; форма *придя в себя* обозначает предшествование относительно действия, названного глаголом-сказуемым *находит*. Обе деепричастные формы в предложении выполняют двойную семантико-синтаксическую функцию – второстепенного действия и обстоятельства.

В форме деепричастия, как и причастия, про-

цессуальные фразеологизмы устойчивы. В нашем материале встретились только отдельные случаи перехода деепричастных форм процессуальных фразеологизмов в класс качественно-обстоятельственных единиц.

Семантический динамизм деепричастных форм процессуальных фразеологизмов проявляется в утрате категориального значения процесса, субкатегориального значения действия, группового значения интеллектуального действия, восприятия:

Пьер ничего не говорил; он удивленно, не спуская глаз, смотрел на своего друга (Л.Н. Толстой, Война и мир); А с другой лодки, не отрывая глаз, глядит на него молодая жена... (А.П. Чехов, Именины); Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза (А.Н. Островский, Доходное место).

В приведенных предложениях качественно-обстоятельственные фразеологизмы утратили категориальное процессуальное, субкатегориальное и групповое значения. Ядерная сема «смотреть – воспринимать что-либо органами зрения, направляя взгляд на кого-либо, что-либо» деактуализируется. Актуализируются качественно-обстоятельственные семы «пристально, внимательно, напряженно, удивленно», которые были периферийными в значениях процессуальных фразеологизмов. Двигательный образ (устремить в одну точку взгляд, широко раскрыть глаза) заменяется зрительно-оценочным, эмоционально-рациональным. Смена образа свидетельствует о переходе фразеологизма из одного класса в другой.

Семантический динамизм процессуальных фразеологизмов в деепричастной форме приводит к грамматическому динамизму. Омонимичные процессуальные и качественно-обстоятельственные фразеологизмы отличаются друг от друга функционированием грамматических категорий. Образовавшиеся от единиц процессуального класса качественно-обстоятельственные фразеологизмы полностью теряют связь с грамматическими категориями вида и залога, фиксируются в деепричастной форме. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы *не отрывая глаз, не спуская глаз* «внимательно, напряженно», *разиня рот выпуча глаза*, «удивленно» утрачивают категории вида и залога, фиксируются в деепричастной форме.

Омонимичные процессуальные и качественно-обстоятельственные фразеологизмы имеют разную синтаксическую сочетаемость: процессуальные единицы имеют зависимые имена существительные, местоимения, то есть образуют словосочетания с подчинительной связью, управлением и примыканием – *не отрывая взгляда от нее; не спуская взгляда с лейтенанта; выпуча глаза на лицо*. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы, напротив, не способны иметь зависимые имена существительные и местоимения, сами являются зависимыми единицами глагольных лексем

в словосочетаниях с подчинительной связью при-
мыканием – *не спуская глаз смотрел; не отрывая
глаз глядит; сидят... разиня рот, вытуча глаза.*

Будучи омонимичными процессуальным,
фразеологизмы синонимизируются с наречиями и
стоят в одном синтаксическом ряду с обстоятель-
ствами, тоже выраженными единицами непроцес-
суальной семантики – наречиями или качественно-
обстоятельными фразеологизмами: *удивлен-
но, не спуская глаз; разиня рот, вытуча глаза.*

Вследствие семантического динамизма изме-
няется и синтаксическое функционирование на-
званных форм. Судя по результатам нашего анали-
за, омонимизация подвергаются деепричастные
формы, выполняющие в предложении функцию
обстоятельства образа действия и, как правило,
занимающие постпозицию по отношению к глаго-
лу-сказуемому.

П. 4. Семантическому и грамматическому ди-
намизму подвергаются и личные формы процес-
суальных фразеологизмов. Этот процесс связан с раз-
витием у названных форм модального значения.

Так, фразеологизмы *биться/побиться об за-
клад I, держать пари I* «спорить, обязуясь опла-
тить проигрыш», *давать/дать слово (кому) I*
«обещать кому-либо что-либо» являются процес-
суальными и обозначают речевую деятельность.
Употребляясь в вышеназванных значениях, еди-
ницы полностью сохраняют грамматические при-
знаки процессуального класса: у них присутству-
ют все формы лица, времени, вида, наклонения;
названные единицы могут иметь все формы – лич-
ную, инфинитивную, причастную и деепричаст-
ную, могут управлять именем существительным и
в предложении выполняют синтаксическую функ-
цию сказуемого.

*Красный должен победить. Дед Шукарь бил-
ся с Демидом Молчуном об заклад. (М. Шолохов,
Поднятая целина); Держу пари на бутылку шам-
панского, что Вы уже пророчили ему, что из него
выйдет первый русский водевиллист (А.П. Чехов.
Письма); Он дал мне слово, что займется вами
(А.П. Чехов. Письма).*

Все приведенные фразеологизмы имеют об-
щую особенность: в нашем материале отмечается
их частотное употребление в форме первого лица
единственного числа настоящего времени. Упот-
ребляясь в этой форме, фразеологизм приобретает
ощутимый модальный оттенок «уверенности»,
который проявляется в тех случаях, когда фразео-
логизм находится в составе бессоюзного сложного
предложения или сложноподчиненного предложе-
ния с придаточным изъяснительным. Приобрете-
ние фразеологизмом модального оттенка «уверен-
ности» влечет за собой семантико-грамматические
изменения: он становится неизменяемым, утрачи-
вает номинативное значение и в предложении вы-
ражает только модальное значение «уверенности».

Держу пари, ни одна кошка не любила так

*своего кота, как любила меня эта крошечная
женщина (А.П. Чехов. Т. 4); ...бьюсь об заклад,
что завтра он будет просить, чтоб его кто-
нибудь представил княгине (М.Ю. Лермонтов,
Герой нашего времени); Если Вы не подписались
на «Луч», то непременно вышло Пушкина. Даю
слово (А.П. Чехов. Т. 12, с. 268).*

Во всех приведенных предложениях фразео-
логизмы имеют значение «уверю, ручаюсь, со-
вершенно уверен». Следствием семантического
динамизма является сокращение парадигмы грам-
матических форм. Фразеологизмы приобретают
фиксированную грамматическую форму 1 лица,
единственного числа, настоящего времени, утра-
чивают номинативное значение и все признаки
процессуального класса и переходят в класс мо-
дальных единиц.

Семантическому и грамматическому дина-
мизму подвержен фразеологизм *приходит/ при-
ти в голову (кому)*. Ядерным является значение
«возникать, появляться в сознании кого-либо». В
этом случае единица обозначает «интеллектуаль-
ную деятельность лица». Грамматической осо-
бенностью названного фразеологизма является то,
что он употребляется только в форме 3 лица еди-
ственного или множественного числа, так как от-
носится к подлежащему, выраженному отвлечен-
ным именем существительным, типа *мысль, во-
прос, идея*:

*Какое мне дело, что вам в голову пришли
там какие-то глупые вопросы, вскричал он
(Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание);
Какой вздор иногда приходит в голову! – подумал
князь Андрей (Л.Н. Толстой. Война и мир).*

Как видно из примеров, анализируемый фразеологизм сохраняет номинативное значение, категории лица, времени, вида, наклонения, залога – может употребляться только в форме 3 лица, единственного или множественного числа, в формах настоящего, будущего и прошедшего времени, совершенного или несовершенного вида, изъявительного наклонения, является объектным – объект в форме дательного падежа; в предложении выполняет синтаксическую функцию сказуемого. Все это свидетельствует об устойчивости анализируемого фразеологизма.

Динамичность названной единицы связана с появлением у нее нового значения «вдуматься, представляться». Приведенное значение реализуется в новой сочетаемости: фразеологизм употребляется в составе сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным.

Командиру батарей, видимо, даже в голову не приходило сейчас, что по годам он лет на 10 старше Ушакова (Г. Бакланов. Мертвые сраму не имут); Иногда ей приходило в голову, что она желает чего-то, чего никто не желает, о чем никто не мыслит в целой России (И.С. Тургенев. Накануне).

Как видно из примеров, фразеологизм *прихо-*

дуть/прийти в голову (кому) является безличным. Вследствие семантического динамизма форма фразеологизма становится еще более фиксированной, так как он может употребляться теперь в форме 3 лица единственного числа настоящего/будущего времени или в форме 3 лица единственного числа среднего рода прошедшего времени. Становятся более жесткими условия реализации этого значения. Необходимо, чтобы процессуальный фразеологизм был сказуемым в главном предложении, которое изъясняется придаточным.

И, наконец, анализируемый фразеологизм утрачивает номинативное значение и переходит в класс модальных единиц.

Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Как видно из примера, фразеологизм *пришло в голову (кому)* утрачивает номинативное значение и выражает модальный оттенок «захотелось». В предложении выполняет роль вспомогательной части составного глагольного сказуемого. Семантический динамизм названной единицы вызывает изменения и грамматической формы. Единица становится безличной, фиксируется в форме 3 лица единственного числа, сочетается только с инфинитивом.

П. 5. Взаимосвязь семантического и грамматического динамизма языковой единицы наиболее отчетливо проявляется при сравнении значения и формы глагола вне фразеологизма со значением и формой глагольного компонента процессуального фразеологизма. Входя в состав процессуального фразеологизма, глагольный компонент, как правило, утрачивает свое лексическое, групповое, субкатегориальное значение, сохраняя самую общую категориальную сему процесса. Следствием названных семантических изменений является грамматический динамизм единицы – сокращение парадигмы вида.

Так, фразеологизмы *ломать дурака* «потешать других глупыми выходками, забавляться шутками», *ломать голову (над чем)* «долго и напряженно обдумывать что-либо», *ломать шапку (перед кем)* «унижаться, угождать, заискивать перед кем-либо», *вариться в собственном соку* «жить и работать вне связи с общественной жизнью», *вариться в общем котле* «находиться в среде, воспринимая ее взгляды, интересы, понятия», *взвешивать каждое слово* «говорить осторожно, ответственно» не имеют формы совершенного вида, хотя глагольный компонент вне фразеологизма свободно образует названную форму, ср.: *ломать/сломать, вариться/свариться, взвешивать/взвесить*. Задерживающее влияние на развитие полной парадигмы процессуального фразеологизма оказывает семантика фразеологического целого. Став компонентом фразеологизма, глагол

не только преобразует свое значение, но и подчиняется смыслу фразеологического целого. Характер же нового фразеологического значения таков, что он несовместим с идеей достижения внутреннего предела.

Вот так и работаем, – заговорил он, двигая кожей на лбу. – Варимся в собственном соку, и никто помочь не хочет (В. Авдеев. Далеко-далеко); *...потому что овладеть спецификой кино можно только варясь в студийном котле, дышать воздухом съемочной площадки* (В. Шукшин. Вопросы к самому себе); *Раскольников так и впился в него глазами, как бы подхватывая и взвешивая каждое слово* (Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание).

Приведенные фразеологизмы обозначают неактивные процессы, не связанные с представлением о развитии и внутреннем пределе: *вариться в собственном соку, вариться в общем котле* обозначают «бытие», «бытие – существование лица»; *взвешивать каждое слово* – «речевую деятельность лица». При попытке образовать формы совершенного вида названные фразеологизмы разрушаются.

В нашем материале встречаются случаи расширения видовой парадигмы глагольного компонента. Это тоже является следствием семантического динамизма языковой единицы. Так, процессуальные фразеологизмы *владеть/овладеть собой* «преодолевая свои чувства, настроения, достигая самообладания», *вести/провести работу* «работать на чем-либо» имеют формы обоих видов в отличие от глагольных компонентов вне фразеологизма, которые могут употребляться только в форме несовершенного вида:

На глазах закипали слезы, он выкрикивал бесвязные проклятия, рвал одежду. Не владея собой в такие минуты, сам боялся себя (В. Шукшин, Я пришел дать вам волю) *Оскорбленный иерей овладел собой, тряхнул головой* (Е. Федоров. Каменный пояс).

Приведенный фразеологизм *владеть/овладеть собой* имеет полную парадигму вида, так как обозначает «становление психического состояния лица», связанное с развитием, которое должно иметь результат.

Таким образом, в ходе нашего анализа мы пришли к следующим выводам.

1. Динамичность процессуальных фразеологизмов может проявляться как в семантике, так и в грамматике.

2. Значение процессуальных фразеологизмов в высшей степени динамично. Семантический динамизм проявляется в актуализации одних сем и деактуализации или утрате других. Новое значение или новая единица возникают на основе актуализированной семы. Следствием семантического динамизма является увеличение количества значений или единиц.

Фразеология

3. Форма процессуальных фразеологизмов, напротив, в высшей степени устойчива. Это связано с ее многозначностью и способностью обслуживать широкий круг значений. Поэтому при значительных семантических изменениях процессуальный фразеологизм, как правило, сохраняет ус-

тойчивость компонентного состава и грамматических свойств. В этом заключается противоречие между формой и содержанием языковой единицы.

4. Грамматический динамизм является следствием семантического динамизма и проявляется в сокращении парадигмы грамматических форм.

ОБРАЗЫ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ПОСЛОВИЧНО-ПОВОРОЧНОМ ФОНДЕ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Е.А. Филиппенко

1. Введение

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Его важнейшая функция заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера народа. В пословично-поговорочном фонде любого языка хранятся информация о системе ценностей, общественной морали, отношении к миру, к людям, к другим народам. Поэтому общепризнано, что этот слой языка национально специфичен. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее ярко иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Данная статья посвящена анализу образов мужчины и женщины, отраженных в пословично-поговорочном фонде разных языков.

2. Мужчина и женщина в обществе, культуре, языке

Человек, как известно, предстает в двух ипостасях, мужской и женской. Опозиция «мужской – женский» – фундаментальная для человеческой культуры. Этому есть многочисленные доказательства. Одно из них коренится в древних представлениях о мире: слово, дух – отец всего сущего, а материя – мать. Результатом их слияния стала Вселенная и все, что в ней есть¹.

В антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне, которая, по представлениям язычников, тем не менее, считалась первоисточником всего живого в Мироздании. Женщина – олицетворение судьбы. С другой стороны, женщина представлялась символом нижнего мира, греховности, зла, всего земного, тленного.

Гендерное неравенство вошло в культуру вместе с социальным прогрессом, в то время, когда произошло «половое» разделение труда, которое позволило мужчине утвердиться в истории в качестве абсолютного субъекта. Именно мужская деятельность покорила природу и женщину. Женщина была признана мужчиной второй, дополнительной половиной.

В классической культуре и философии женщина также противопоставлялась мужчине: женщина – хранительница генофонда, она воспроизводит традиционные ценности, обеспечивая функции сохранения жизни сообщества. Несмотря на это, она ассоциируется в обществе с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью (Кант), существом с массой недостатков (Фрейд) и т.д.².

Восточнославянские языки, как и немецкий,

французский и ряд других, в отличие от английского, где различается «sex» (биологический пол) и «gender» (пол как социокультурная категория), не дифференцируют эти понятия. Однако рассмотрение пола только как биологического явления обедняет и упрощает это категориальное понятие, ибо маскулинность (мужественность) и фемининность (женственность) – это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой – социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе. Современные социологи и философы рассматривают понятия «пол» и «гендер» как противоположные. Гендер – это социокультурная категория, не предполагающая традиционного рассмотрения половых ролей³.

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Янь.

Культурой навязываются такие социально-половые роли и формы поведения, складываются такие ролевые ожидания, которые усугубляют дифференциацию полов. Поляризация полов стала рассматриваться как проявление «естественных» качеств мужчины и женщины. Следовательно, дихотомия полов смоделирована обществом и культурой⁴.

Исходя из тезиса о том, что в языке зафиксировано все то, что связано непосредственно с определенной культурой, а пословицы заключают в себе совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью, дают возможность обнаружить наиболее значимые ценности, сложившиеся в этническом сознании, изучив пословицы, описывающие мужчину и женщину, можно составить их характерные портреты, которые являются типичными для того или иного этноса.

3. Пословично-поговорочный фонд языка как продукт языкового народного сознания

Интересно рассмотреть, как представлены образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде языков, а, следовательно, определить отношение к мужчине и женщине у разных народов, исходя из положения, что пословично-поговорочный фонд языка – продукт языкового народного сознания

Пословицы любого языка представляют собой продукты языкового народного сознания как материализация опыта поколений и отдельных представителей данного народа соответственно. Пословицы используются в сфере внутринацио-

нального общения, то есть в рамках употребления языка. Пословицы являются отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах. Поэтому их интерпретация может быть адекватной лишь при учете не только самого языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретенных представителем того или иного народа на основе, как своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах)⁵.

У каждого народа с давних времен в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов используются и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют пословицы и поговорки, или паремии. Под паремиями понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями. Они привлекают говорящих своей семантической емкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями. Как представляется, эти единицы образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации носителей одного языка.

Одной из специфических черт пословицы является сознательность ссылки на народный опыт⁶. Пословицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражается своеобразие нации.

Во внутренней форме большинства пословиц содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. В самом их формировании, т.е. в отборе образов прослеживается связь со специфическими для каждого этноса стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). Естественно, что наиболее интересными для нас в плане выявления культурно-национальной специфики являются именно такие пословицы.

Пословицы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают исполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры.

Пословицы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотношенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому пословицы – своего рода «кладезы премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению.

Поскольку пословицы имеют назидательный

характер, они автоматически отображают реальность с помощью оценочной шкалы с полярными понятиями: хорошо – плохо, нравственно – безнравственно, приемлемо – неприемлемо. Паремии по своей сути предназначены для выражения мыслей о ценностях мира. Они должны служить системой ориентиров, помогающих человеку выбрать наиболее рациональный тип поведения в самых разнообразных жизненных ситуациях, предостеречь его от ошибок, определить правила взаимоотношений с другими людьми.

Исходя из тезиса о том, что в языке зафиксированы особенности культуры того или иного этноса, а пословицы могут быть использованы как средство познания национального характера народа, проникновения в систему его ценностей, хранилище разнообразной культурологической информации, мы изучим единицы пословично-поговорочного фонда разных языков с мужскими и женскими именованиями и на основании полученных результатов составим портреты мужчины и женщины, типичные для разных культур.

4. Образы мужчины и женщины

Всего было обработано порядка 250 пословиц разных языков с мужскими и женскими именованиями (русских⁷, английских⁸, немецких, чешских, испанских⁹, китайских, японских, персидских, курдских, узбекских, еврейских, индонезийских¹⁰). Мужские и женские образы, описываемые пословицами, представляются многоплановыми и разнородными. Мы выделили следующие компоненты образов:

- внешность;
- характер;
- мышление / интеллект;
- взаимоотношения;
- отцовство / материнство.

Опишем каждый из компонентов образов мужчины и женщины с помощью пословиц из разных языков.

Внешность

В сознании представителей разных культур женственность, прежде всего, ассоциируется с красотой, нежностью, обаянием, грацией. Привлекательная внешность женщины рассматривается как необходимый для нее атрибут, как шанс, который может помочь ей устроиться в жизни.

Не красавица красива – возлюбленная прекрасна (узб.);

Любимая прекраснее красавицы (узб.);

Цветок вырастет – землю украсит, девушка вырастет – народ украсит (узб.);

Если дочь красива, то и зять хорош (индонез.);

В женщину можно бросаться только драгоценными камнями (евр.);

В ямочки на женских щеках даже крепости проваливаются (яп.);

Девка красна до замужества (рус.);

Не красивая красива, а любимая (рус.).

Привлекательная внешность для мужчины – явление необязательное и даже ненужное. Из всей выборки только две пословицы русского языка описывают внешность мужчины:

Мужчина, коли хоть немного казистее черта – красавец (рус.);

Не урод, так и красавец (рус.).

Характер

Наибольшее количество пословиц посвящено психологическому аспекту характера, как женщины, так и мужчины. Пословицы являются своеобразными оценочными суждениями. Назначение пословиц состоит в оказании определенного как поощряющего, так и запрещающего воздействия на адресата. Такая коммуникативная установка содержится в пословицах в виде коннотации (положительной или отрицательной). По результатам статистического анализа языкового материала из 102 отобранных пословиц, обозначающих различные черты характера женщины (74) и мужчины (28), обладают отрицательной коннотацией (54 и 18 соответственно). Такая асимметрия объясняется более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей на отрицательные явления.

Так, для женщины характерна болтливость, что отмечается в подавляющем большинстве пословиц многих языков:

Бойся злой собаки и болтливой женщины (курд.);

Хорошая жена работающая, плохая – языкостая (узб.);

Женщина словом и гору сдвинет (яп.);

Пошла женщина за ситом – разговоров целый короб (кит.);

Где баба, там рынок, где две, там базар (рус.);

Волос долг, а язык длинней (рус.);

Бабу не переговоришь (рус.);

A woman's strength is in her tongue (англ.);

A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret (англ.);

A woman's tongue wags like a lamb's tail (англ.).

Следующей отмечаемой чертой женского характера является упрямство, своеволие:

Женщина, если захочет, то и в скале дырку сделает (яп.);

Бабе хоть кол на голове теши (рус.);

На женский нрав не угодишь (рус.);

The way of women: when you will they won't, and when you won't they are dying to (англ.).

Следующее место по частотности занимают пословицы о женской изменчивости и непредсказуемости:

Торопливой девице женихом не разжиться (узб.);

У бабы семь пятниц на неделе (рус.);

Девичьи думы изменчивы (рус.).

В отдельную группу выделим пословицы, отражающие такую черту женского характера, как излишняя эмоциональность, показная слезливость:

Куда сердце женщину потянет, туда и ноги понесут (евр.);

Женский обычай – слезами беде помочь (рус.);

Женское сердце, что котел кипит (рус.);

Любит баба плакать – с горя плачет, с радости плачет (рус.);

As great a pity to see a woman cry as a goose goes barefoot (англ.).

По частотности пословицы, называющие такие пороки женщины, как лживость, изворотливость, коварство, хитрость, немногочисленны и объединены в одну группу:

Жена мужу поплакает, пока деньги добывает (чеш.);

Жена льстит – лихо мыслит (рус.);

Бабы вранье и на свинье не объедешь (рус.);

У бабы 72 увертки в день (рус.);

The laughter, the tears and the song of a woman are equally deceptive (англ.).

Отдельные пословицы называют другие женские пороки:

– лень

Ленивая жена сажает латук (растение, которое не нужно поливать) (кит.);

– неверность, распутство

Спотыкающаяся лошадь ломает телегу, беспутная женщина разрушает семью (кит.);

Из десяти монахинь девять – блудницы (кит.);

Не жди верности от коня, меча своего и женщины (персид.);

– тщеславие

Every woman would rather be beautiful than good (англ.);

The wife that loves the looking-glass hates the saucepan (англ.).

Анализ языкового материала показал, что пословицы, называющие различные черты характера женщины, в основном имеют отрицательную коннотацию. Тем не менее, в нашей выборке есть пословицы, отражающие положительные качества женского характера. Например,

– добродетель

Добрая жена – цветок в доме (узб.);

Жена может вознести, может и погубить (узб.);

Девушка – крепость, не овладеешь (курд.);

Дом с хорошей женой – рай (исп.);

С доброй женой горе – полморя, а радость вдвойне (рус.);

The best furniture in the house is a virtuous woman (англ.);

The wife is a key to the house (англ.);

Фразеология

– веселый нрав

Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье (рус.);

A cheerful wife is the joy of life (англ.);

– работоспособность

Кобыла хороша резвая, жена – расторопная (узб.);

В доме, где сыты, хозяйка – львица (курд.);

A woman's work is never done (англ.);

– смелость

Баба и в горящую избу войдет (рус.);

Women in mischief are wiser than men (англ.);

– выносливость

Баба – не квашня: встала да пошла (рус.);

– верность

Ради любви женщина согласна и в лохмотьях ходить (яп.);

С любимым рай и в шапаше (рус.).

Что касается характера мужчины по данным пословиц разных языков, то, во-первых, их по количеству намного меньше, чем тех, которые называют женские черты характера (28). Во-вторых, пословицы с отрицательной коннотацией также преобладают. Критикуемые качества мужского характера:

– неверность

У него шнурок от штанов слаб (персид.);

На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди (рус.);

– лень

Муж возом не навозит, что жена горшком наносит (рус.);

– пьянство

Мужик год не пьет, и два не пьет, а как прорвет, так и все пропьет (рус.).

Среди положительных качеств мужского характера особое место занимает мужественность, которая понимается как сила, отвага, честь, бесстрашие, надежность:

Верность слову – мужчине пристойна, непостоянство – удел недостойных (узб.);

Где мужчина есть, там и сила (узб.);

Горы украшены снегом, а добрый молодец – честью (узб.);

Для мужчины лучше смерть, чем бегство (курд.);

Мужчина голову отдаст, но слово сдержит (персид.);

Faint heart never won a fair lady (англ.).

Пословиц с отрицательной коннотацией, описывающих негативные свойства женского характера, намного больше, чем таких же пословиц, описывающих грехи мужчины, что можно, видимо, объяснить патриархальной установкой, зафиксированной в языке. В обществе (как восточном, так и западном), культуре и языке закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки.

Мышление / интеллект

Группа пословиц, называющая особенности

мышления, умственные способности, как мужчины, так и женщины, представлена несколько меньшим количеством языковых единиц (27). Аналогичная картина предстает и в этой группе пословиц: единицы с негативной коннотацией намного преобладают (24 пословицы). В пословицах (в основном русского языка) представлен нелестный образ женщины, чаще всего высмеиваются женские недостатки, подчеркивается превосходство мужчины над женщиной в умственном плане:

Курица – не птица, женщина – не человек (рус.);

Волос долог, да ум короток (рус.);

Баба – дура (рус.);

У бабы ума, что волос на камне (рус.);

У девки загадки, у парня смысл (рус.);

Собака умнее бабы: на хозяина не лает (рус.);

A woman's mind and wind change often (англ.);

Because is a woman's reason (англ.);

Women have long hair and short brains (англ.);

When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in a woman (англ.).

Положительная оценка женского ума представлена только в двух пословицах нашей выборки:

Умная женщина – украшение дома, глупая женщина – развлечение улицы (узб.);

Умная жена, как нищему сума (рус.).

Кроме того, достоинством женщины также признается интуиция:

Women's instinct is often truer than men's reasoning (англ.).

Об умственных способностях мужчины сказано не много:

Мужик всегда задним умом крепок (рус.);

Умный человек принимает меры заранее (нем.).

Такое соотношение количества пословиц, описывающих женские умственные способности и интеллект мужчины (23:4 соответственно), возможно снова является доказательством того, что все, что само собой разумеется, в данном случае умственные способности мужчины, не нуждаются в назывании. Эмоциональную и речемыслительную реакцию рождают отрицательные явления, например, мышление женщины.

Взаимоотношения (женщин и мужчин)

В отдельную группу мы выделили пословицы, которые определяют характер отношений мужчин и женщин, дают некоторые рекомендации для мужчин по обращению с женщиной особенно в семье. Эти пословицы выражают определенные нормы, какой должна и не должна быть женщина.

Так, мужчина должен правильно выбрать жену, поэтому в пословицах содержатся предупреждения о выборе спутницы жизни:

Молодое деревце легко согнуть, юноше легко ошибиться (кит.);

Женись не на гульливой, а на чадолобивой (узб.);

*Муж всю жизнь познает свою жену (яп.);
Жена, как горшок: чем старше, тем лучше (яп.);*

Покажи свою жену, и я скажу, какой у нее муж (исп.);

Муж и жена одной веревкой связаны (исп.);

Красота приглядится, а щип не прихлебается (рус.);

Женишься раз, плачешь век (рус.);

Женился на скорую руку, да на долгую муку (рус.);

Все девки хороши - откуда берутся злые жены (рус.);

A good wife makes a good husband (англ.);

Marry in haste, repent at leisure (англ.).

Кроме того, в пословицах называются те необходимые качества, которыми должна обладать хорошая жена:

Замужняя женщина не может есть рис двух мужчин (кит.);

Хозяйство ведется и заработками мужа, и шитьем жены (узб.);

Дом мужчины - мир, мир женщины - дом (евр.);

Муж жене - отец, жена мужу - венец (рус.);

An obedient wife commands her husband (англ.);

Silence is a woman's best garment (англ.).

В пословицах заключены правила для мужчин, как нужно обращаться с женщиной. Зачастую поощряется довольно жестокое обращение с женой:

Не ругайся с женой вечером - будешь голодным и будешь спать один (кит.);

Жена без грозы - хуже козы (рус.);

Чем больше жену бьешь, тем щип вкуснее (рус.);

Муж с женою бранится, а под одну шубу ложится (рус.);

A woman, a dog and a walnut tree, the more you beat them the better they be (англ.).

Следует отметить, что в некоторых пословицах утверждается значимость женщины в семье:

Дом с женщиной - цветник, дом без женщины - пустошь (узб.);

Женщина и крепкую семью разобьет и разбитую соберет (исп.);

Добрая жена дом соберет, а плохая рукавом разнесет (рус.);

Холостому помогай боже, а женатому жена поможет (рус.);

Муж - голова, жена - душа (рус.);

Men take houses; women take homes (англ.).

Положение мужчины в семье хорошо иллюстрируется персидской пословицей:

Муж - маленький бог (персид.).

Подобные пословицы имеют рекомендательный характер и дают конкретные советы мужчине, как создать семью, как обращаться с женой. Пословицы этой группы отражают те морально-бытовые нормы, характерные для разных народов.

Материнство / отцовство

В отдельную группу мы поместили пословицы, описывающие такую важную сторону жизни и женщины и мужчины, как материнство и отцовство. Следует отметить особое значение статуса матери и уважительного отношения к ней. Мать почитается всегда и в пословицах упоминается чаще, чем отец, и редко с отрицательной коннотацией.

Хорошая рассада - хороший рис, хорошая мать - хорошая дочь (кит.);

Полю нужна плотина, ребенку нужна мать (кит.);

Кошки привязываются к дому, собака - к хозяину, ребенок - к матери (кит.);

Дети сиротеют не со смертью отца, а со смертью матери (курд.);

Ребенок - глина, мать - гончар (узб.);

Любовь отца к детям длинна, как багор, любовь матери - как дорога (индонез.);

Что впитано с молоком матери, того не изменишь (индонез.);

Муж - глава в доме, а все-таки дети таковы, какова у них мать (рус.);

A mother's love is best of all (англ.).

Кроме того, в этой группе есть пословицы, представляющие отношение к детям, причем пословиц о сыновьях больше, чем о дочерях, что характеризует предпочтение иметь сына, так как «выданная замуж дочь, что потерянное поле» (китайская пословица).

Имеешь дом - не бойся стужи, имеешь сына - не бойся нужды (кит.);

Сыновья от одной матери, а все разные (кит.);

Имей не деньги, а хорошего сына (кит.);

Без жены прожить - ошибка, без детей - пытка (узб.);

Хорошее мясо у жирной овцы, хорошая дочь у умной матери (узб.);

Когда отец играет на барабанах, сын должен танцевать (индонез.);

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери (рус.).

5. Выводы

Итак, паремиологический фонд любого языка является эффективным средством выражения мировосприятия носителей разных языков. Пословицы наглядно представляют образы мужчины и женщины, отражая культурные концепты «мужскость» и «феминность» и раскрывая гендерную картину мира. Важно отметить, что рассмотренные пословицы разных народов представляют некоторые черты в образах женщины и мужчины, которые являются универсальными для всех культур. Например, представление о том, что самая важная роль женщины - это роль матери и хранительницы очага. Это можно объяснить так, что способы мировосприятия, с одной стороны явля-

Фразеология

ются глубоко национальными, а с другой, общими для всех культур.

Так же можно сделать вывод, что, в основном, пословицы разных языков описывают женщину (211 из 253 отобранных нами). Только 42 описывают мужчину, не принимая во внимание пословицы, дающие практические советы по обращению с женщиной и пословицы об отцовстве / материнстве. Самая многочисленная группа представлена пословицами, описывающими характер женщины, в большинстве примеров присутствует отрицательная оценка, так как именно негативные моменты, в данном случае поведения женщины, вызывают непосредственную реакцию у человека. Пословицы рекомендательного характера представляют правовые и моральные нормы, типичные для разных народов, которые в целом схожи.

¹ Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Кириленко А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 7.

⁴ Маслова В.А. Цит. соч. С. 124.

⁵ Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 25.

⁶ Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 148.

⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1996.

⁸ Английский язык в пословицах и поговорках / Сост. Г.А. Стефанович, Л.И. Швыдкая и др. М., 1987.

⁹ Ковалева С. 7000 золотых пословиц и поговорок. М., 1999.

¹⁰ Пермяков Г.А. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 2001.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ОТБОР РЕЛЕВАНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО МАССИВА ПАТЕНТНЫХ ТЕКСТОВ¹

О.И. Бабина

1. Введение

Поиск и анализ патентных формул является неотъемлемой частью патентных исследований. Патентная экспертиза осуществляется в несколько этапов, основными из которых являются поиск и отбор патентов, имеющих отношение к объекту, подлежащему проверке, с последующим их анализом.

Исследования осуществляются в трех основных аспектах: техническом, правовом и экономическом. С учетом единства этих аспектов, различают три основных группы целей патентного поиска²:

Установление условий реализации прав патентообладателей;

Установление объема прав патентообладателя;

Установление уровня технических решений, среди которых в свою очередь выделяют:

Прогнозирование развития в пределах предметной области;

Проверка на патентоспособность изобретения;

Проверка на патентную чистоту изобретения.

Мы сосредоточимся на последней группе целей. Часто поиск в этом случае проводится с целью отыскания охранных документов, под действие которых может подпадать вновь заявленное техническое решение. При поиске необходимо, просмотрев все действующие патенты, выявить документы, в которых описываются признаки изобретения, совпадающие с признаками проверяемого объекта.

Традиционно поиск осуществляется по предметным рубрикам международной или национальных классификаций изобретений. Дальнейшему анализу подвергаются формулы изобретений патентов; анализ осуществляется экспертами вручную.

Мы предлагаем способ отбора патентов на этапе поиска, использующий методы лингвистического анализа текста при индексировании информационного массива, что позволяет проводить более «тонкий» отбор при поиске с целью установления уровня технических решений.

Разработка и проверка метода отбора патентных формул осуществлялся на материале текстов патентов на способ в предметной области фармакология.

2. Формирование поисковых образов документов в информационном массиве патентных формул

Векторное индексирование, с последующим вероятностным определением степени релевантности документов поисковому запросу, является наиболее распространенной в настоящее время моделью представления поискового массива. Результатом выполнения запросов к такой системе является ранжированный список текстов предположительно релевантных запросу документов. Применение лингвистического компонента в этих системах, чаще всего, сводится к морфологическому анализу отдельных слов и их лемматизованному представлению в поисковых образах документов (ПОД). Однако в последнее время исследователи обращают все больше внимания на то, что при проектировании систем поиска можно учитывать и более глубокие уровни языка, увеличивая таким образом показатели эффективности этой системы. В структуру многих систем сегодня включены синтаксические анализаторы. Они служат, в одних случаях, для выявления более сложных, чем отдельные словоформы, именных групп (хотя детальность такого синтаксического разбора обычно незначительна). Как правило, разбор ограничивается выявлением границ именной группы (ИГ) по методу сопоставления с эталоном, используя частеречные шаблоны³, или распространяется далее до выделения ядерного элемента-существительного, образующего эту группу⁴. В других случаях, делается более глубокий анализ, и выделяются связи между лексическими элементами внутри ИГ⁵. В последних моделях появляется возможность не только проводить поиск отдельных слов или словосочетаний из словаря, но также учитывать степень сходства словоформ по зависимостям между ними. Это позволяет отойти от предположения о несвязности терминов и увеличивает точность поиска системы. В ряде исследований делается попытка охватить также и семантические особенности текста. Так, существуют модели, в которых ПОД строится посредством выделения в ходе синтаксического анализа ИГ (или их элементов) с последующим наложением на концепты метатезауруса. В результате поисковый образ формируется не с помощью списка лексических элементов, а на основе концептуального представления текста документа.

Однако в подавляющем большинстве таких моделей поиска лингвистический инструментарий применяется исключительно для выявления и представления ИГ. При этом элементы предложения, на которых лежит основная смысловая нагрузка при описании внеязыковой ситуации, – предикаты – остаются без внимания. Мы полагаем, что для поиска документов и дальнейшего извлечения информации из них необходимо учитывать также и информацию, заложенную в предикатах.

Для индексирования документов мы используем процедуру анализа текста, на выходе которой получается предикатная структура документа. В дальнейшем эта предикатная структура будет использоваться в качестве ПОД документа.

За основу индексирования мы берем процедуру анализа, составленную ранее для анализа патентов на устройства⁶. Основой для выполнения автоматического анализа является лексикон, где каждый предикат описывается с помощью его семантического класса, набора семантических ролей, набора линейных шаблонов, представляющих способы линейной реализации семантических ролей в тексте формулы изобретения, и способов заполнения семантических ролей в терминах синтаксических структур⁷. Предикаты в патентах на способы специфичны по своим характеристикам и поведению⁸, поэтому подготовительная работа по описанию предикатов в лексиконе является необходимым этапом успешного анализа.

Анализ включает ряд последовательно выполняющихся этапов:

а) разметка текста: выполняется грубое деление текста на блоки на основе информации о пунктуации, визуальной организации текста и т.д.;

б) морфологический анализ: текст размечается с помощью набора супертэгов, приписанных каждому слову в словаре. Супертэги помимо информации о части речи включают информацию о семантическом классе слова. После разметки выполняется этап разрешения неоднозначности, так как ряду слов может быть приписано несколько меток. Правила разрешения неоднозначности зависят от объекта изобретения, поэтому правила для патентов на способ подверглись значительным изменениям;

в) синтаксический анализ: в тексте выделяются синтаксические блоки, соответствующие простым именным группам, сложным именным группам, наречным оборотам, инфинитивным оборотам, герундиальным оборотам. Структура синтаксических блоков мало отличается для различных подязыков в пределах одного естественного языка. Поэтому большая часть правил, используемых при анализе текстов патентов на устройства, оказалась пригодной для анализа патентов на способы. Были добавлены лишь отдельные правила-шаблоны для распознавания именных групп⁹;

г) семантический анализ: включает выделение предикатов в тексте, распознавание границ

предикатных конструкций и соотнесение каждого синтаксического блока в пределах одной предикатной конструкции с соответствующей ему семантической ролью. Алгоритм анализа на этом этапе использует описания предикатов из лексикона.

Правила анализа на каждом этапе описываются в формализме ЕСЛИ-ТО-ИНАЧЕ. В результате анализа текст формулы изобретения представляется в виде графа связанных между собой предикатно-аргументных структур, где в качестве узлов выступают предикаты и их актаны, а отношения между узлами соответствуют семантическим ролям, которые актаны выполняют.

Полученное в ходе автоматического анализа представление используется в системах автоматического перевода, синтеза текста патентных формул. Однако процедура была расширена с целью учета в индексе документов макроструктуры патентной формулы.

В организации формулы изобретения патента на способ можно различить следующие разделы:

PURPOSE: заголовок способа, где описывается цель способа (лечение заболевания, получение нового вещества и т.д.);

IMPLEMENTATION: список компонентов способа, где раскрываются действия направленные на реализацию описываемого способа.

Эти два раздела формально разделяются предикатом comprising (или выражением comprising the step(s) (of)). Второй раздел, в свою очередь, можно условно разделить на зоны, каждая из которых соответствует одной операции способа. Центральным и первым элементом в каждой зоне является предикат, обозначающий действие-компонент способа, выраженный герундием или существительным. Перечисленные особенности дают формальные признаки для выделения указанных разделов и зон.

При проведении индексирования на этапе выделения предикатов основному предикату в каждом разделе приписывается метка: а) PURP (предикат, описывающий цель способа); или б) IMPL (y), где y – номер зоны (компонента способа) по порядку (предикат, обозначающий компонент способа).

Для формирования ПОД документа представляется необходимым установление кореферентных связей между элементами способа (названиями веществ, заболеваний и т.д.), так как в ходе патентной экспертизы информация о том, выполняется ли действие с одним и тем же или разными элементами релевантна. Поэтому в процедуру анализа добавлен блок автоматической расстановки кореферентных связей.

Объекты-участники способа выражаются в тексте с помощью именных групп, поэтому только эти синтаксические структуры рассматриваются на предмет расстановки кореферентных связей. Для обозначения кореферентных ИГ будем помечать соответствующие группы одинаковой цифрой.

В ряде случаев задача расстановки кореференции тривиальна, так как некоторые актанты, заполняющие в предикатных структурах на выходе процедуры анализа семантические валентности двух предикатов, на самом деле в линейном тексте формулы изобретения используются лишь однажды. А так как каждый элемент текста в ходе морфологической разметки помечается супертэгом с уникальным номером, кореференция в таких случаях расставляется автоматически: все актанты, помеченные одинаковыми номерами, кореферентны.

Задача, которая не так тривиальна, сводится к определению кореферентных связей между именными группами, встречающимися в тексте несколько раз. Случаи, в которых необходимо восстановить кореференцию, можно разбить на две категории:

а) для ссылки на ранее упомянутый объект используется ИГ, где главное существительное совпадает с главным существительным в ранее использованной ИГ;

б) для ссылки на ранее упомянутый объект используется местоимения.

Так как в силу особенностей подязыка патентных формул местоимения обладают крайне низкой частотностью, мы рассматриваем лишь первый случай. Восстановление кореференции осуществляется с помощью составленных нами правил эвристики. Именные группы ИГ₀, которые потенциально кореферентны одной из ранее упомянутых в тексте формулы ИГ₁, рассматриваются в линейном тексте формулы слева направо. Потенциально кореферентной одной из ранее упомянутых ИГ считается ИГ, начинающаяся с определенного артикля или слова 'said', соответствующего в нашем корпусе определенному артиклю. Поиск кореферентной связи осуществляется по линейной текстовой последовательности, которая предшествует рассматриваемой ИГ. Причем поиск кореферентной ИГ₁ осуществляется поблочно: вначале в пределах того же блока слева направо, затем в блоке, предшествующем данному, слева направо и так далее, пока не будет рассмотрен начальный блок пункта формулы (раздел PURPOSE). Порядок правил в эвристике важен и начинается с правила, включающего наиболее строгое условие (полное совпадение). В последующих правилах условия совпадения ИГ постепенно ослабляются.

Ключевым понятием в эвристике является понятие головы ИГ. Определение головы задается отдельным набором правил, составленных на основе анализа ИГ в корпусе текстов и представленных, как и остальные правила анализа, в формализме ЕСЛИ-ТО-ИНАЧЕ.

Результат применения данной процедуры анализа можно схематически представить на примере. Шаг способа, представленный в формулы изобретения текстовой последовательностью «*mixing a pharmaceutically acceptable surfactant with*

with said nanoparticles in said pharmaceutically acceptable aqueous solvent», после прохождения через процедуру анализа будет представлен следующей предикатной структурой (головы именных групп подчеркнуты и помечены индексами, используемыми для установления кореферентных связей):

```
[mixing]:
SEM-CLASS: Interaction
TYPE: IMPLEMENTATION (2)
CASE-ROLES:
1 [a pharmaceutically acceptable surfactant,] //
<direct-obj>
2 (with) [said nanoparticles,] // < indirect-obj>
3 (in) [said pharmaceutically acceptable aqueous
solvent,] // < place>
```

Автоматическому анализу по представленной схеме подвергаются одновременно все документы информационного массива. Полученные в результате анализа представления патентных текстов в виде набора предикатных структур используются в качестве ПОД документов при последующем поиске.

3. Формирование поискового образа запроса к информационному массиву патентных формул

Для извлечения необходимой информации из массива документов необходимо представить информационные нужды пользователя в формате, доступном для «понимания» системы. Определение нужд пользователя осуществляется в ходе формирования поискового образа запроса (ПОЗ). В современных поисковых системах для формулировки запроса используется ряд подходов.

Формулировка в виде набора ключевых слов, соединенных логическими операторами: наиболее часто применяющийся подход, используемый в системах с координатным индексированием. При обработке такого запроса отыскиваются документы, для которых логическое выражение в ПОЗ является истинным. В усложненном варианте каждому термину запроса назначаются веса, и ранжирование найденных документов осуществляется на основе приписанных каждому термину весов;

Формулировка в виде предложения на естественном языке: при обработке таких запросов могут использоваться те же методы обработки, что и в предыдущем подходе: из запроса выделяются именные группы, которые в дальнейшем играют роль ключевых слов. Этим словам, как правило, приписывается вес. Причем расчет весов может осуществляться различными способами: по тому, сколько раз термин встречается в запросе¹⁰, на основе принадлежности термина полям-категориям, заданным в тезаурусе и имеющим разные коэффициенты веса¹¹ и т.д. Использование запросов на ЕЯ дает возможность получить представление о синтаксической связности отдельных ключевых слов запроса, увеличивая точность.

Использование в качестве запроса документ (или набор документов): такие запросы использу-

ются в системах, поддерживающих функцию ассоциативного поиска. Ответом на такой запрос являются источники, «похожие» на документ-запрос и найденные с помощью алгоритмов ассоциативного поиска, которые, как правило, основаны на частотном анализе текстов.

При проведении патентных исследований стоит следующей задачей: имея описание нового объекта на естественном языке, проверить, нет ли других запатентованных изобретений, которые могут накладывать ограничения на его использование.

Зачастую способ представления поисковых образов документов в информационном массиве совпадает со способом представления запроса. Это дает возможность сравнивать однородные по составу данные и выявлять степень сходства между структурами, представляющими запрос и документ. В нашем случае способ индексирования, результатом которого является дерево предикатных структур, определяет и форму представления ПОЗ. Мы предлагаем вводить запрос, используя не линейные текстовые вопросы на естественном языке, а последовательно описывая каждую предикатную структуру отдельно. Задание описания изобретения проводится в ходе интерактивного опроса пользователя.

Еще на заре развития систем поиска было отмечено, что характеристики поиска можно улучшить, используя предписывающий язык при формировании запросов. В подавляющем большинстве случаев в качестве такого языка используются информационно-поисковые тезаурусы, где перечислены существительные и именные группы, описывающие объекты, характерные для данной предметной области. Для нашей модели такой инструмент также является полезным. Это обусловлено тем, что с целью расширения прав патентообладателя в тексте патентов используются наиболее широкие определения участников способа. Поэтому в случае, когда в запросе упоминаются более узкие понятия, подпадающие под указанные в патенте, такой патент должен оказаться релевантным запросу. Так патент, в тексте которого присутствует термин «eye disorders» релевантен запросу, в котором указывается «conjunctivitis».

Однако в нашей модели тезаурус, включающий термины предметной области, связанные между собой меронимическими отношениями, не является достаточным словарным инструментарием. Поскольку в патентах на способы основная смысловая нагрузка ложится на предикаты, представляется целесообразным при формировании запроса использовать предписывающий язык, предлагающий пользователю выбор *предикатов* для описания целей и шагов способа. В этом случае есть возможность определить семантический класс и возможных участников описываемой ситуации, используя информацию из словаря предикатов. Пользователю лишь останется явно указать участников ситуации, назначив им соответствующие роли.

Ранее методика, в ходе которой осуществлялось последовательное определение пользователем предикатных конструкций, использовалась для построения структуры описания изобретения с целью автоматического синтеза текста патентной формулы¹². Эта методика применялась для синтеза формул изобретения на устройства. В патентном праве указано, какие описания должны быть включены в патентную формулу, что и определило наличие следующих этапов ввода: а) ввод названия изобретения; б) его компонентов; в) описание свойств компонентов; г) отношений между компонентами.

Учитывая специфику подязыка патентов на способы, процедура ввода описания изобретения несколько преобразуется и включает следующие этапы: а) описание цели способа; б) описание шагов способа; в) описание свойств компонентов, участвующих в выполнении шагов способа; г) описание отношений между компонентами. По содержанию шаги (в) и (г) при описании способов идентичны одноименным шагам, выполняемым при описании изобретений на устройство.

В шагах (а) и (б) цели и шаги способа соответственно описываются с помощью предикатных конструкций. Поэтому если в патентах на устройства здесь задавались название устройства и его частей (с помощью именных групп), то в патентах на способы предлагается сначала выбрать предикат. В предлагающийся набор предикатов включены предикаты, которые в корпусе текстов используются для описания целей и шагов способов. Далее для каждого предиката, на основе информации из лексикона, пользователю предлагается фреймовая структура, где в качестве слотов представлен набор возможных валентностей выбранного предиката. Используя тезаурус, пользователю предлагается заполнить слоты, указав участников способа. Фактически, при работе с описаниями способов шаги (а), (б) и (г) становятся идентичными по методу реализации, так как на каждом из шагов проводится описание изобретения посредством задания предикатных структур.

При формировании ПОД мы завели дополнительную характеристику предикатов (TYPE), указывающую на раздел, который данный предикат представляет. Очевидно, что при формировании запроса эта характеристика может приписываться предикатам автоматически, в зависимости от того, на каком шаге осуществляется описание изобретения: шаг (а) соответствует описанию в разделе PURPOSE, шаг (б) – описанию в разделе IMPLEMENTATION. Порядок задания предикатов в ПОЗ приравнивается к порядку осуществления шагов, что дает возможность автоматически нумеровать предикаты в последнем разделе.

Финальным шагом формирования запроса является этап расстановки кореферентных связей, осуществляемых пользователем вручную. Пользователь нумерует существительные, имеющие оди-

наковую морфологическую форму, так, что если два существительных кореферентны, им присваиваются одинаковые номера.

Такое описание приводит к формированию структуры, подобной той, которая получается при индексировании патентных документов. Так, запрос на способ, включающий шаги «*dissolving an amphiphilic heparin derivative in an aqueous solvent*» и «*mixing a surfactant in the solvent*», будет представлен с помощью следующих предикатных структур:

```
[dissolving]:
SEM-CLASS: Interaction
TYPE: IMPLEMENTATION(1)
CASE-ROLES:
[an amphiphilic heparin derivative]/<direct-obj>
2 (in) [an aqueous solvent1] //<place>
[mixing]:
SEM-CLASS: Interaction
TYPE: IMPLEMENTATION (2)
CASE-ROLES:
1 [a surfactant] //<direct-obj>
2 (in) [the solvent1] //< place>
```

4. Отбор патентных формул на основе сопоставления ПОЗ и ПОД

Для отбора необходимой информации необходимо сопоставить ПОЗ и ПОД. В нашей модели поисковые образы представляют собой набор предикатных конструкций. Фактически, задача состоит в том, чтобы, имея эталонную предикатную конструкцию, найти в базе индексов патентов «похожую». Традиционно, для определения степени сходства используются неким образом заданные (индивидуально для каждой модели) коэффициенты, называемые *критерием выдачи*. Для определения критерия выдачи необходимо знать, какие характеристики релевантны для отбора. В нашем случае нужно учитывать, что поиск на корпусе патентных формул осуществляется с целью проведения патентной экспертизы.

Исследовав особенности рассматриваемой предметной области и объекта изобретения, мы выделили ряд особенностей, которые представляются важными при сопоставлении предикатных структур.

На уровне предикатной конструкции:
иерархичность семантики предикатов (Pred);
структурное сходство именных групп, используемых для описания участников (NP);
приоритет головного существительного в именной группе (Head);
меронимические отношения между объектами предметной области (Term);
семантическая роль термина, используемого в предикатной конструкции (SemR).

На уровне ПОЗ в целом:
последовательность реализации шагов способа (Seq);
кореференция терминов (Coref).

Степень сходства оценивается по приведен-

ным критериям. Мы рассматривали лишь критерии первого уровня, так как часто сходство по отдельным предикатным конструкциям достаточно для проведения отбора. Таким образом, в качестве поисковой единицы принимается одна предикатная конструкция.

В общем виде процедура сравнения имеет итеративный характер. Каждый шаг представляет собой последовательное рассмотрение одной предикатной конструкции ПОЗ на соответствие ПОД. Существует ряд способов оценить сходство. Наиболее подходящим для нашей модели мы считаем оценку путем подсчета «расстояний» между поисковыми единицами в запросе и индексе документа. Та же идея используется в современных системах машинного перевода, основанного на примерах, на этапе поиска соответствия входного выражения некоторым выражениям из базы примеров. Расстояние в общем виде рассчитывается как сумма взвешенных расстояний по ряду критериев¹³. Для простоты мы считаем все критерии в нашей модели равноценными, поэтому веса не учитываются.

После выполнения этих шагов для каждой предикатной конструкции мы получаем n коэффициентов (n – количество предикатных конструкций в запросе), где каждый указывает на степень сходство по одному из предикатов запроса. Далее необходимо сформировать критерий выдачи, на основании которого и будет проводиться отбор. Коэффициент соответствия для набора предикатов получается аналогичным способом, что и для каждой предикатной конструкции. Коэффициент соответствия представляет собой расстояние между ПОЗ и ПОД, которое определяется суммированием взвешенных расстояний для всех используемых в запросе предикатов. Так как предикаты, обозначающие компоненты способа, при поиске имеют большую ценность, чем те, которые выражают отношения между объектами, веса на втором этапе расчета коэффициента учитываются. Для унификации критерия выдачи, полученного для разных документов, значение коэффициента соответствия нормализуется количеством предикатов в запросе.

Таким образом оценивается каждый документ в информационном массиве. В результате каждый документ соотносится с числовым значением, характеризующим расстояние между документом и рассматриваемым запросом. Далее процедура отбора идентична тем, которые проводятся при традиционном поиске: для отбора документов устанавливается пороговое значение коэффициента и все документы, которые попадают в установленный числовой промежуток, ранжируются в соответствии со значением коэффициента соответствия.

5. Заключение

Мы представили модель отбора информации в узкой предметной области. Преимуществом модели перед традиционно используемыми моделями поиска состоит в том, что делается попытка

учесть не только терминологическое соответствие, но и взаимосвязь между понятиями при поиске. Данная модель рассматривает этап отбора патентов для последующего анализа экспертами. Однако она может быть расширена для проведения автоматизированного этапа анализа технических решений за счет модификации критериев релевантности. Рассмотрение возможностей такого расширения входит в круг ближайших задач.

¹Работа выполняется при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию (грант №А04-1.5-323).

² Информационно-поисковые системы и традиционный патентный поиск: Уч. пособие / Под ред. Б.С. Розова. М.: ВНИИПИ, 1987. С. 3.

³ Lee, Changki, Seungwoo Lee and Gary Geunbae Lee. POSNIR: Probabilistic Natural Language Information Retrieval System. In *Working notes of the Third NTCIR Workshop Meeting Part II: Cross Lingual Information Retrieval Task*. Tokyo, Japan. October 2002. P. 165–171.

⁴ Aronson, Alan R., Thomas C. Rindfleisch, and Allen C. Browne. Exploiting a Large Thesaurus for Information Retrieval // nls5.nlm.nih.gov/pubs/riao94.pdf; Evans, David A.; Kimberly Ginther-Webster; Mary Hart; Robert G. Lefferts; and Ira A. Monarch. Automatic indexing using selective NLP and first-order thesauri. In *RIAO 91*. P. 624–644.

⁵ Matsumara, Atsushi, Atsuhiko Takasu, and Jun Adachi. Structured Index System at NTCIR1: Information Retrieval using Dependency Relationship between Words. In *Proceedings of the First NTCIR Workshop on Research in Japanese Text Retrieval and Term Recognition*. Tokyo, Japan. August 1999. P. 117–122; Smeaton, Alan F., Ruairi O'Donnell and Fergus Kelleddy. Indexing Structures Derived from Syntax in

TREC-3: System Description. <http://citeseer.nj.nec.com/smeaton95indexing.html>.

⁶ Sheremetyeva S. Natural Language Analysis of Patent Claims. In *Proceedings of the Workshop on Patent Corpus Processing*. Sapporo, Japan. July 2003. P. 66–73.

⁷ Sheremetyeva S. A Flexible Approach to Multilingual Knowledge Acquisition for NLG. In *Proceedings of the 7th European Workshop on Natural Language Generation*. Toulouse, France. May 1999. P. 106–115.

⁸ Бабина О.И. Грамматические характеристики предикатов формулы изобретения патентов на метод // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2004. №1. С. 8–12.

⁹ Бабина О.И. Специфика процедуры автоматического анализа текстов патентов на метод // Объединенный научный журнал. Москва. Декабрь 2004. №33 (125). С. 62–66.

¹⁰ Fujita, Sumio. Notes on Phrasal Indexing JSCB Evaluation Experiments at NTCIR AD HOC. In *Proceedings of the First NTCIR Workshop on Research in Japanese Text Retrieval and Term Recognition*. Tokyo, Japan. August 1999. P. 101–108.

¹¹ Youli, Qu, Xu Guowey, and Wang Jun. Rerank Method Based on Individual Thesaurus. In *Proceedings of the Second NTCIR Workshop on Evaluation of Chinese & Japanese Text Retrieval and Text Summarization*. Tokyo, Japan. March 2001. P. 553–558.

¹² Sheremetyeva, Svetlana, Sergei Nirenburg, and Irene Nirenburg. Generating Patent Claims from Interactive Input. In *Proceedings of the 8th International Workshop on Natural Language Generation*. Herstmonceux, England. 1996. P. 61–70.

¹³ Sumita, E. and Iida, H. Experiments and Prospects of Example-based Machine Translation. In *Proceedings of the 29th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 1991. P. 185–192.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

С.Л. Кушнерук

Реклама как одна из сфер деятельности человека, материализуясь в виде рекламных текстов, *всегда воздействует* на потенциального потребителя. Арсенал языковых средств воздействия включает прецедентные имена (далее – ПИ), используемые в системе жизненных координат конкретной лингвокультуры и наделённые экспрессивно-оценочными свойствами. Аппелляция к ПИ в условиях актуализации их дифференциальных признаков для прямого или косвенного описания свойств товаров или услуг является *приёмом вовлечения адресата в рекламную ситуацию*, в рамках которой рекламист ненавязчиво задаёт выгодные векторы потребительского поведения. Проиллюстрировать это положение можно путём выявления особенностей актуализации дифференциальных признаков прецедентных имён в текстах российской и американской печатной рекламы.

Теоретическую основу настоящего исследования особенностей актуализации дифференциальных признаков ПИ составляют несколько идей. Во-первых, ПИ обладает определённой структурой, ядро которой конституируют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты. Дифференциальные признаки, согласно мнению В.В. Красных, «составляют некую сложную систему определённых характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных»¹.

Во-вторых, спецификой актуализации ПИ является представленность в значении данной единицы большого объёма «культурно-исторической ассоциативной информации»², а также способность самостоятельно обозначать признак, т.е. актуализировать понятийный компонент, что сближает прецедентное имя с аппеллятивом. ПИ характеризуют объекты, приписывая им конкретные признаки, свойства, качества.

Вслед за Д.Б. Гудковым, феномен характеристики понимается нами широко, т.е. в процессе анализа материала учитываются случаи как прямой, так и косвенной характеристики, при которой прецедентное имя «занимает позицию семантического предиката, а передаваемая с его помощью характеристика не нуждается в экспликации для представителей определённого лингвокультурного сообщества»³.

С учётом вышесказанного можно выделить следующие *типичные признаки*, которые лежат в основе характеристики рекламируемых товаров/услуг в российской и американской печатной рекламе:

Внешний вид

Характеристика объекта по *внешнему виду*, как в российской, так и в американской рекламе,

как правило, связана с акцентированием *молодости, красоты, стиля, изысканности*.

Естественное стремление женщины к *красоте и молодости*, которую символизируют ПИ *Бритни Спирс* и *Дженнифер Лопес*, должно означаться покупкой изящных туфель: «Новый год – время превращений. Каждой из нас хоть изредка хочется побыть *Бритни Спирс* или *Дженнифер Лопес*. И для этого волшебства чаще всего нужна одна деталь. Например, изящные туфельки от VICINI» (*Я покупаю*, 2002, декабрь).

В рекламе предметов мужского гардероба ПИ *Парфёнов* выступает «эталон» *безупречного вкуса и стиля*: «Галстук и платок Canali из тонкого шёлка. Наденешь – вылитый *Парфёнов*. Купишь кому-нибудь в подарок – и отдавать жалко. Их даже трогать приятно, не то, что носить» (*City Гид*, 2004, ноябрь).

В приведённых примерах рекламное воздействие основано на аппелляции к ПИ, стимулирующим *подражание*, которое, по словам А. Лебедева-Любимова, представляет собой «не простое принятие внешних черт поведения другого человека, но воспроизведение индивидом черт и образцов специально демонстрируемого кем-либо поведения»⁴. Рекламист рассчитывает на то, что адресат воспользуется рекламируемым товаром, чтобы быть похожим на популярную личность.

ПИ, характеризующие объект по внешнему виду, частотны и в американской рекламе. Например, в рекламе ресторана эталонами *молодости и красоты* выступают ПИ *Minnie Driver* и *Gwyneth Paltrow*: «There aren't any leprechauns, either, but plenty of well-coiffed Wharton students looking like *Minnie Driver* or *Gwyneth Paltrow*, flipping hair in the corner booths» (*Philadelphia Inquirer*, 14.01.2001).

ПИ *Henry Moore* в составе сравнения подчёркивает сходство интерьера рекламируемого отеля с работами известного английского скульптора и завидно выделяет объект из числа однотипных. *Нетрадиционная обстановка* завораживает адресата, вызывая в памяти образы прославленных скульптур, в которых человеческая фигура предстаёт гармонично вписанной в своё окружение: «Shades of brown and thick white cottons complement internet access, CD players and computer games consoles, providing hi-tech comfort in stylish surroundings. The outdoor pool resembles a *Henry Moore* rockscape» (*Time*, 10.06.2002).

Использование ПИ, связанных с фильмами, приобретшими культовую популярность, в подтверждение внешнего сходства рекламируемых

предметов – точных копий кинематографического реквизита – отличительная особенность американской рекламы. Молниеносная реакция на экранный успех подстёгивает производство разнообразных безделушек-сувениров: возникает спрос на «воссозданные» предметы, в числе которых волшебная палочка Гарри Поттера (*Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*); ручки в виде посохов Гендальфа и Сарумана (*The Lord of the Rings*); ковры-карты перемещений Бильбо и Фродо (*The Lord of the Rings*); подвеска Арвен (*The Lord of the Rings*); брошка в виде листка, которую носили члены Братства (*The Lord of the Rings*); меч Ахиллеса (*Troy*) и пр. Описанное явление находит непосредственное отражение в рекламе через апелляцию к ПИ, например, в рекламе сувенирной волшебной палочки: «*Harry Potter's wand. An authentic recreation of the famous wizard's wand as seen in the movie Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. Comes complete with a replica of the original Ollivanders wand box, featured in the film Harry Potter and the Sorcerer's Stone. Wand measures 14 inches in length*» (*Sky Mall, 2005, Early spring*).

Личностные особенности

Наиболее типичными признаками, выделяемыми в данной группе в отечественной рекламе, являются *личностный успех, достижения, популярность, талант, мастерство*, не всегда ассоциируемые с профессиональной деятельностью. Думается, что психологической основой приёма являются потребности человека в *признании его достоинств и самоактуализации*, связанной с поиском новых форм реализации своего потенциала.

ПИ *Лариса Долина* в современной российской культуре является символом *успешной женщины*. Успех популярной певицы связывается с туалетной водой, названной в честь одной из её песен: «Успех парфюма *«Погода в доме»* будет таким же громким, как успех *Ларисы Долиной* на эстраде, и почитатели её вокального дара станут рьяными поклонниками нового проявления индивидуальности популярной певицы» (*МК Бульвар, 2003, №11*).

ПИ *Джонни Депп* и *Дженнифер Лопес* олицетворяют *популярность* в рекламе ночного клуба: «Ди-джей Равин...заправляет музыкальной политикой лучшего французского клуба, куда рвутся интернациональные знаменитости вроде *Джонни Деппа* и *Дженнифер Лопес*... Хотя бы на один вечер будет осуществлена трансплантация парижского стиля с уклоном в экзотику и причуды» (*Календарь, 2004, №6*).

Как показывают специальные наблюдения, в американской рекламе (и это её важное отличие от российской) *личностный успех*, в большинстве случаев, ассоциируются с *качеством, мастерством, достижениями* в конкретном виде профессиональной деятельности.

Так, например, намеренное включение ПИ *Tiger* (*Tiger Woods* – американский игрок в гольф,

впервые в истории спорта выигравший четыре профессиональных турнира подряд) в рекламу компании *Accenture*, занимающейся консультационной деятельностью, ставит целью смоделировать и закрепить ассоциативный ряд: *Tiger – высокие профессиональные достижения – Accenture*: «Is it enough for you to improve your game? Or is it your goal to change the game itself? Go on. Be a *Tiger*. High performances are recognized not just for reaching the peak, but for staying there. To see how we can help high-performance business innovate, adapt and continue to prosper, visit accenture.com» (*Fortune, 8.03.2004*).

Другой пример – ПИ *Michael Moore* в рекламе видеокамер: «...whether you are looking to bring out your inner *Michael Moore*, put a «Big Brother» spin on your next family reunion or produce a remake of «The Lord of the Rings» trilogy in your backyard, the latest digital video cameras have more than enough features to make it happen» (*Newsweek, 30.06.2003*). Энциклопедический пласт информации имени содержит сведения об американском кинорежиссёре-документалисте, писателе, телеведущем, скандально известном своей сатирой против алчности крупных корпораций, критическими высказываниями в адрес действующего президента США и его политики в Ираке. В 2003 году он получил «Оскар» за лучший документальный фильм о насилии («*Bowling for Columbine*»), связанном с использованием оружия.

Совокупность признаков

Абсолютное большинство ПИ, обнаруженных в российской и американской рекламе, относятся к данной группе. Это можно объяснить особенностями семантической организации изучаемого феномена. Так, Д.Б. Гудков отмечает, что представления, стоящие за ПИ, принадлежат когнитивному сознанию, а когнитивные единицы не всегда совпадают с языковыми значениями, поэтому возникают трудности их экспликации на вербальном уровне. Отсылка к представлениям, которые не могут быть адекватно вербализованы, обуславливает активное использование ПИ «при признаковом дейксисе»⁵. Н.Д. Арутюнова характеризует признаковый дейксис как «один из основных механизмов прагматической семантики, ресурс, которым компенсируются семантические лакуны в области предикатных слов и в то же время достигается существенное сжатие текста (описание заменяется указанием)»⁶.

Отсылка к совокупному представлению об *эlegantности и простоте классического стиля* в следующем примере осуществляется путём указания на него с помощью ПИ *Шанель*. Указание заменяет описание, которое включало бы информацию о том, что Гэбриэль Шанель ввела моду на мужской английский классический стиль, видоизменённый для женщин, освободив прекрасную половину человечества от корсетов и пышных юбок, создала простое чёрное платье, ставшее символом

элегантности двадцатого века: «Подчёркнуто мужественные нотки в женской коллекции и не теряющие популярности стилизации а la Шанель позволяют составить впечатление человека «в теме», но не изменять себе» (Стольник, 2004, март).

Рассмотрим примеры из американской рекламы. Семейное положение героев фильма «The Incredibles» рекламист характеризует, апеллируя к ПИ *the Addams Family* и *the Brady Bunch*: «Having to hide their gifts makes the kids as frustrated and unfulfilled as their parents. They are as unhappy as the Addams Family pretending to be the Brady Bunch» (*Philadelphia Inquirer*, 5.11.2004). Герои комиксов, члены «семейки Аддамс» (*the Addams Family*), являются потомками ведьм, колдунов, вурдалаков, серийных убийц и прочих чудовищ, чья деятельность, связанная со злом и смертью, страшит обычных людей. Концепция телевизионной комедии «The Brady Bunch» основана на наблюдениях Шервуда Шварца (*Sherwood Schwartz*) о том, что половина браков в США заканчиваются разводами, и дети от предыдущих браков попадают в так называемые «смешанные семьи» (*blended families*). Популярный телесериал, возникший в 70-х годах XX века, рассказывает о судьбах членов таких семей и проблемах, с которыми они невольно сталкиваются. В рекламном произведении ПИ используются с целью *заинтриговать* адресата, задействовать работу воображения и заставить смоделировать образ, складывающийся на основе совокупности представлений о чем-то *зловещем, комичном, противоречивом*.

В представлении главной героини того же фильма рекламист апеллирует к ПИ *Edith Head*, *Coco Chanel* и *Margaret Thatcher*. ПИ также указывают на совокупную характеристику: «Bird himself provides the voice for the film's most inspired character: Edna Mode, a She-Who-Must-Be-Obeyed fashion dictator who is equal parts Edith Head, Coco Chanel and Margaret Thatcher» (*Philadelphia Inquirer*, 5.11.2004).

Уточнение и пояснение оценочных предикатов, к которым относятся ПИ (по Н.Д. Арутюновой, Д.Б. Гудкову), располагаются в препозиции, способствуют компенсации информативной недостаточности и задают «выгодные» адресанту векторы интерпретации сообщения: совокупный образ складывается преимущественно по признакам *модели поведения* (диктатор) и *достижений в профессиональной сфере* (мода). Едит Хед известна как дизайнер по костюмам для более 1000 голливудских фильмов (с 1924 по 1982 год), получившая 8 «Оскаров». Коко Шанель – дизайнер с мировым именем, подарившая миру маленькое чёрное платье (*little black dress*), духи (*Chanel No. 5 perfume*), и классический стиль. М. Тэтчер – первая в Британии женщина-премьер-министр, получившая прозвище «железной леди» (*Iron Lady*) в связи с войной между Британией и Аргентиной 1982 года на Фолклендских островах⁷.

Общеизвестные ситуации

Прямая или косвенная характеристика рекламируемых предметов зачастую связана с обращением к «ролевым» ситуациям. С когнитивной точки зрения, ПИ, связанное с ролевой ситуацией, выступает языковым стимулом развёртывания опеределённого сценария – заданной последовательности событий, которая создаёт у адресата *эффект кинематографической вовлечённости*, придавая рекламному тексту развлекательную тональность. С психологической – ПИ является «пусковой кнопкой», которая вызывает эмоциональное переживание, устойчиво закреплённое в лингвокультуре за широко известной ситуацией, и формирует у адресата позитивное отношение к рекламируемому объекту.

Реклама музыкального диска: «По звучанию это натуральный голливудский саундтрек к сиротской мелодраме, где в финале миллионер пригрозил Золушке» (*Выбирай*, 1-15.02.2005). Препозиционное расположение указания на роли и ПИ *Золушка* задействуют мелодраматичный сценарий со счастливым концом: подневольная падчерица увязает в бытовых проблемах, чахнет от беспросветной рутины, как вдруг появляется долгожданный принц, спасает её от жизненных злоключений и ведёт под венец.

ПИ *Цезарь* связано с известной исторической ситуацией. Цезарь, потеряв голову от любовных чар царицы Клеопатры, ввязался в устранение внутригосударственных распрей в Египте, где, в конце концов, воцарилось спокойствие, и впрямь Клеопатра продолжала своё правление, опираясь на римские копыя. В рекламе женской обуви ПИ *Цезарь* актуализирует представления о *герое-любовнике*: «Наверное, римские куртизанки мечтали именно о таких туфельках. Они бы прекрасно сочетались с тогами патрициев, шлемами легионеров и сандалиями воинов преторианской когорты. Изящество, женственность и простота – вот три основных критерия золотых туфель Celine. И Цезарь не устоит» (*Я покупаю*, 2005, март).

ПИ, связанные с известными ситуациями, представлены и в американской рекламе. В рекламе путешествия по Индии ПИ *Mr Toad* отсылает к сюжету одного из популярных в Британии романов для детей «The Wind in the Willows» (1908) Кеннета Грэхэма (Kenneth Grahame): «Our driver, who was in his early 20s, drove us in a compact automobile that was fairly new and only lightly battle-scarred. The experience put me in mind of Mr. Toad's Wild Ride» (*Travel*, 30.01.2005). Книга посвящена приключениям Крота (Mole), Водяной крысы (Water Rat), Жабы (Toad), Барсука (Badger), живущих у реки. Г-н Жаба известен своей страстью к гонкам на автомобиле, которая приводит его в тюрьму, где ему предъявляются обвинения в угоне, опасном вождении, дерзком поведении с представителями полиции. Адресат рекламного сообщения, воспринимая ПИ *Mr Toad*, сопоставляет прецедент-

ную ситуацию с реальным путешествием, предвкусная азартность предприятия.

Итак, классификация ПИ по особенностям актуализации дифференциальных признаков позволяет сделать выводы относительно взаимосвязи семантической организации обсуждаемых единиц и их функционирования в отечественной и американской рекламе. Двуплановость семантики ПИ закладывает основы для их использования в рамках *стилистического приёма*, способствующего реализации закреплённых за рекламой функций – привлечь внимание, вызвать интерес, проинформировать о предлагаемых товарах/услугах, убеждая совершить покупку.

Выбор признаков характеристики отражает социально-психологическую природу рекламы. Общность психологической сущности явления объясняет совпадение набора признаков характеристики, которые апеллируют к эмоциям человека и задействуют естественные мотивы поведения, основанные на потребностях в признании, одобрении, раскрытии индивидуальности. Межнациональные различия преимущественно связаны с

разной степенью актуальности признаков характеристики, что, по нашему мнению, обусловлено культуроспецифичностью феномена рекламы, которая проявляется на уровне ценностных ориентаций и существующих в обществе предпочтений.

¹ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 198.

² Соловьёва М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

³ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 147.

⁴ Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002. С. 117.

⁵ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 155.

⁶ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 64.

⁷ Oxford Guide to British and American Culture: Oxford University Press, 2003.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В ПОЭЗИИ К.Ф. РЫЛЕЕВА

Т.А. Ложкова

Творчество К.Ф. Рылеева традиционно находится в центре внимания исследователей как репрезентативное для поэзии гражданского романтизма. В науке отмечено явное тяготение художника к высоким жанрам, открытая политическая программность, идеологическая насыщенность его лирики¹. Творческая позиция поэта, таким образом, предстает цельной и лишённой внутренних противоречий. Между тем, сравнивая жанрово-стилевую палитру Рылеева с поэтическими пристрастиями его литературных соратников-декабристов, мы обнаруживаем некоторую странность. Как известно, П. Катенин, Ф. Глинка, В. Раевский фактически не пишут любовных стихов. Немногие произведения, написанные В. Кюхельбекером явно «на случай», помогают понять, что дело здесь не в нравственном аскетизме дворянских революционеров и, тем более, не в неумении сочинять мадригалы или романсы, но в специфике художественного мышления этих поэтов.

Исключением на этом общем фоне является творчество К. Рылеева, как раз активно обращавшегося к лирике камерно-любовного характера. Мы не можем просто проигнорировать данное обстоятельство, как это обычно делается в работах, посвященных анализу рылеевской поэзии. В самом деле, почему в период 1821–25 гг., то есть во время расцвета гражданского романтизма в русской лирике, один из лидеров течения упорно пишет стихи интимно-элегического звучания («Жестокой», «Давно мне сердце говорило...», «Поверь, я знаю уж, Дорида...», «Воспоминания», «В альбом Т. С. К.», «Исполнились мои желанья...», «Покинь меня, мой юный друг...» и пр.)?

Очевидно, объяснение данному обстоятельству следует искать в особенностях творческой индивидуальности поэта. В раннюю пору своей поэтической деятельности художник прошел хорошую сентименталистскую школу. Вся дальнейшая творческая судьба Рылеева показывает, что это тяготение к камерно-интимной лирике карамзинистского типа не было случайным, но отвечало каким-то глубинным внутренним потребностям его души. Увлечение гражданской поэзией было в высшей степени естественным и органичным для Рылеева, он всегда активно искал пути к художественному изображению внутреннего мира, сознания личности декабристского типа, носителем какой он ощущал и себя самого. Но, по-видимому, существовала и другая часть его души, которая так же настоятельно требовала поэтического самовыражения. Думается, что внутренняя жизнь Рылеева в период 1821–25 гг. была куда более драматичной и сложной, чем это представляется нам при чтении

исследований, посвященных анализу его агитационно-революционной лирики. Об остроте внутренних противоречий мы можем судить по некоторым произведениям, несущим на себе явную печать душевного разлада. Прежде всего, наше внимание привлекает знаменитое послание «К N. N.» («Ты посетить, мой друг, желала...»). Это стихотворение традиционно воспринимается в качестве поэтической декларации поэта-декабриста, отвергающего личное чувство во имя общего дела. В качестве доказательства обычно цитируются финальные строки:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! Моя отчизна страдает, –
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет² (101).

Действительно, сказано мощно, ярко и искренно душевного порыва лирического героя не вызывает сомнений. Вот только зачем тогда вообще было обращаться к возлюбленной с проникновенными строками нежных разуждений? Может быть, потребность высказаться обусловлена как раз тем, что любовь никак «нейдет с ума»? В самом деле, лирическое переживание в данном стихотворении несет в себе некую внутреннюю двойственность, противоречивость. Эта двойственность проявляется, например, в том, что на протяжении всей первой части высказывания лирический герой сосредоточен преимущественно на мыслях о возлюбленной. Она господствует в его душе, заполняет собой все поэтическое пространство стихотворения:

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор бесценный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг (100-101) (курсив наш – Т. Л.).

Обратим внимание на доминирующее в этих строфах «Ты» знак сосредоточенности лирического героя на постижении внутренних переживаний любимой женщины. Герой слишком хорошо знает и понимает ее душу, что возможно только при условии постоянного присутствия ее образа в его сознании. Для того чтобы так хорошо понимать

другого человека, нужно испытывать непреодолимую потребность в этом понимании. Героиня действительно любима, герой не может отрицать необходимости ее присутствия в своей жизни: тяжелый душевный недуг, лишивший его возможности полноценно существовать, исцеляется только благодаря ее участию, ее близости. О каком служении отчизне вообще может идти речь, если душа останется больной? Именно любимая возрождает героя к героическому бытию. Горячая благодарность и истинное чувство прорываются в рефренах («мой друг», «милый друг», «милый взор», «взор волшебный»), звучащих как заклинания. Нужны немалые душевные силы для того, чтобы оказать сопротивление собственной натуре, вот почему так резко меняется весь тон лирического высказывания в четвертой строфе:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит (101).

В подчеркнуто жесткой анафоре («Я») чувствуется момент самопринуждения. Герой словно насильно отрывает от себя часть собственной души: образная формула «мой друг», обозначающая до сих пор некое органическое единство двух душ, распадается теперь на неслиянные «Я» и «Ты», которые далее сталкиваются лишь в границах антитезы. Нагнетание отрицательной частицы «не» — замечательный по своей психологической насыщенности штрих: такое активное отрицание является явным знаком внутреннего сопротивления разрыву, который необходимо преодолеть. Внутреннее сопротивление обнаруживает себя и в подхвате, когда повторяется слово, разделяющее героев:

Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений (101).

Кому адресовано это «чужда, чужда»? Кого так настойчиво убеждает и закликает герой? Героиню или самого себя? Думается, верно и то, и другое.

Казалось бы, в конце концов, цель достигнута, герой отринул от себя все личное и освободился от власти любовного чувства. Но Рылеев со свойственным ему, иногда граничащим с гениальностью, лаконизмом буквально одним штрихом нарушает достигнутый героем внутренний баланс. Поэт заставляет лирического субъекта в момент утверждения своей героической позиции невольно использовать то же самое слово, которое он произнес, обращаясь к любимой:

Мне не любовь твоя нужна,
Заняты нужны мне иные:
*Отрадн*а мне одна война,

Одни тревоги боевые (101) (курсив наш — Т. Л.).

Это слово мгновенно возвращает внимательного читателя к самому началу стихотворения, к строкам «Твое *отрадн*ое участие», парадоксально объединяя в одном эмоциональном поле то, что с

таким трудом было разделено. В результате заключительные, уже цитировавшиеся выше строки, воспринимаются совсем иначе, если не вырывать их из контекста всего стихотворения, поскольку в памяти при их чтении, благодаря одному лишь предшествовавшему слову «отрадн» вновь оживают начальные строфы, где возлюбленная безраздельно властвовала над душой лирического героя. Становится ясно, что смысл стихотворения не исчерпывается тем, что сказано, но включает в себя и то, о чем лирический герой умалчивает.

Послание «К N. N.» привлекает наше внимание не только непривычной для декабристов психологической усложненностью. Отметим и явно проявившийся в нем интерес к другому сознанию: душа любимой женщины открыта лирическому герою в самых сокровенных ее аспектах. Эта душа вовсе не является еще одной проекцией лирического «Я», его двойником, зеркалом, в котором романтический герой видит себя самого. Любимая мыслит, чувствует совсем иначе, порой она даже не понимает героя, но это обстоятельство не приводит к отрицанию ее позиции. Рылеев не только допускает возможность другого отношения к миру, нежели то, носителем которого является его лирический герой, но обнаруживает его эстетическую ценность, превращая его в предмет художественного освоения. Именно этот интерес к другому сознанию и заметен в его любовной лирике. Так, в стихотворении «Поверь, я знаю уж, Дорида...» лирический герой Рылеева внимательно всматривается в чужую душу. По едва заметным внешним признакам (выражение глаз, бледность), особенностям поведения (стремление к уединению) пытается он разгадать те тайны, которые глубоко спрятаны от постороннего взгляда:

Поверь, я знаю уж, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты...
Твой тусклый взор и томность вида
Отцветшей рано красоты
Мне слишком много объяснили:
Тебя, прелестная, пленили
Любви неясные мечты.
Они везде тебя тревожат,
В уединение манят
И среди девственного ложа
Отраду слабую дарят (85).

Конечно, образ женщины в такого рода стихотворениях весьма условен. Улавливаются и описываются лишь самые общие, типовые признаки любовного недуга, отсутствует более или менее четкая конкретика, даже имя героине дается привычно поэтическое — Дорида. И все же само желание заглянуть в другую душу, первые, пока еще робкие, но все же попытки психологического анализа — явление, на наш взгляд, знаменательное. Из современников Рылеева, пожалуй, лишь К.Н. Батюшков активно вводил в любовные стихи равно великий лирическому герою и самостоятельный в своем внутреннем бытии образ любимой женщи-

ны. Данная тенденция едва намечена в зрелом творчестве Рылеева, однако, в перспективе она, с нашей точки зрения, могла вывести поэта к задаче освоения ролевой лирики. Именно этим путем, но с несравнимо большей продуктивностью в 1830-е годы будет продвигаться М.Ю. Лермонтов³. Появление у Рылеева интереса к частному, внутреннему миру другого человека, противоречило декабристской абсолютизации субъективного, «личностного» начала

Думается, столь сложные поэтические высказывания, как послание «К N. N.» должны привлечь наше внимание и как знак душевных противоречий, переживаемых самим поэтом. Рылеев передает своему лирическому герою собственные колебания и сомнения, а потому возникает настоятельная потребность их разрешения. Такая внутренняя ситуация оказывается благоприятной для самоанализа и самонаблюдений, для лирической рефлексии, которая иногда проявляется в его поэзии самым неожиданным образом.

Стихотворение «Я ль буду в роковое время...» всегда находилось в центре внимания исследователей декабристской лирики как явно программное, выражающее этическую и эстетическую позицию его автора в полной мере. Очевидно, что многое в подобных оценках справедливо. В самом деле, с первых строк стихотворения поэт погружает читателя в атмосферу бурной общественной полемики:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян? (97)

Как правило, все исследователи обращают внимание на то, что в основе лирической структуры стихотворения лежит резкая антитеза двух типов сознания и мироотношения, закреплённая в контрастных образах «кипящей» и «хладной» души:

Нет, не способен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век
младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века...
...Пусть с хладною душой бросают хладный
взор
На бедствия своей отчизны... (97)

Эта антитеза понимается как художественное воплощение конфликта между лирическим героем и современным ему поколением социально пассивных «переродившихся славян». Отсюда вытекает традиционная трактовка лирической оппозиции, лежащей в основе поэтического высказывания, как противоречия между лирическим героем, который прозревает объективный ход времени, и заблуждающимися современниками, этого объективного хода истории не понимающими. Суть же исторического процесса, его логика определяется

борьбой «за угнетенную свободу человека». Такая трактовка, на наш взгляд, не вполне точна, поскольку возникает соблазн прочесть стихотворение как эпическое произведение, сосредоточенное на художественном постижении коллизий объективного мира, внеположных авторскому сознанию, что сужает художественную задачу произведения. Между тем, А.В. Архипова, очень тонко чувствуя именно лирическую насыщенность текста, считает необходимым указать на его исповедальный характер: «...Герой стихотворения... изображен изнутри, это не *он...не ты... а я*»⁴. А.Г. Цейтлин полагает, что степень интимности здесь настолько глубока, что позволяет говорить о близости рылеевского стихотворения элегическому жанрам⁵. Близость эта проявляется не в общем тоне или пафосе, но в каких-то не очень заметных с первого взгляда особенностях жанровой структуры. Очевидно, то же самое почувствовал в свое время и А.Н. Герцен, опубликовавший стихотворение под красноречивым названием «Гражданин», которое манифестирует исповедальный глубоко личный характер лирического высказывания, акцентирует не негативно-инвективный (осуждение «хладных юношей»), но позитивный аспект художественного содержания: выражение состояния души героя, стремящегося еще раз утвердить свое мироотношение в качестве единственно верного. Итак, по мнению некоторых исследователей, это стихотворение в каких-то своих параметрах близко элегии. Почему оказываются возможными такие сближения?

Прежде всего, отметим, что антитеза между лирическим героем и «хладными юношами» носит иллюзорный характер. На самом деле конфликт этот – лишь одно из следствий и частных проявлений истинного, более широкого и принципиального конфликта между героем и дурно устроенным миром, в котором человек изнывает «под тяжким игом самовластья». Мы обнаруживаем типично декабристский вариант романтического двоемрия, ибо лирический субъект Рылеева абсолютно убежден в возможности осуществления собственного идеала путем общественного переустройства. Эта уверенность недвусмысленно звучит в последнем четверостишии:

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги (97).

Итак, мир непременно изменится, люди неминуемо придут к осознанию возможности жить лучше, в том числе – и «юноши», кстати, обреченные мукам совести, которая в них обязательно проснется. Таким образом, в перспективе открывается возможность сближения между лирическим героем и «юношами», поскольку раскаяться может лишь тот, кто, в конечном счете, осознает и искренне принимает истины, столь дорогие сердцу настоящего гражданина. А потому лирический герой готов самоотверженно служить великому

делу «возрождения» «изнеженного племени». Отсюда своеобразие пафоса – не обличающего, но утверждающего.

Герой абсолютно убежден в истинности идеала, которому причастна его душа. Эта убежденность проявляется в безапелляционности тона, резкости и этической жесткости оценок. Эпитеты, выражающие крайне субъективное отношение героя к явлениям окружающего мира («постыдная праздность», «справедливые укоризны»), окружены семантически близкими глаголами «позорить», «влачить», и т.п. Слово «позор» становится нравственным императивом стихотворения, воплощением образцового отношения к негативным сторонам действительности. С пафосом резко оценочного подхода к действительности сопрягается пафос пророческий: герой убежден, что его позиция оправдывается логикой истории и будет подтверждена дельнейшими событиями. В.Н. Касаткина, на наш взгляд, очень точно уловила эту яркую особенность мироощущения рылеевского героя, отметила масштабность поставленной задачи: «...увидеть целиком процесс развития жизни, познать сущность истории и увидеть будущее»⁶. Идея грядущего органично сопрягается с мотивом судьбы, ибо для героя «разгадать свою судьбу», не постигая «предназначенья века» просто невысказано. Решив же эту задачу, герой получает право пророчествовать.

Согласившись в целом с В.Н. Касаткиной, уточним некоторые моменты. Отметив историчность мышления лирического героя, открытость его внутреннему взору логики исторического процесса, ведущую к осознанию «рокового» характера своего века, исследовательница, с нашей точки зрения, не уделила достаточного внимания крайней субъективности рылеевского историзма. Лирический герой стихотворения вроде бы наделен сверхчутким к движению истории сознанием, способен обозревать духовным взором самые широкие временные горизонты. Однако, на самом деле, автор лишь «выхватывает» из исторического процесса отдельные моменты, подтверждающие правоту его собственной концепции. Все это моменты, так или иначе связанные с «борьбой за угнетенную свободу человека»: эпоха славянских республик, заговоры Брута и Ризго. Его лирический герой, как и положено истинному романтику-декабристу, видит в истории только то, что хочет видеть, то есть не столько процесс, сколько героев, руководящих этим процессом, управляющих судьбой мира. Ясно, что и сам он видит себя в мечтах таким же Героем, переделывающим мир, ломающим его и снова создающим и силой, и словом. Так почему же интонации этого стихотворения так сдержанны (нет восклицаний, всего однажды прозвучит вопрошение)?

Прежде всего, обратим внимание на композицию лирического высказывания. Стихотворение построено предельно просто: в начале задается

вопрос («Я ль буду в роковое время/Позорить гражданина сан?») и далее следует ответ на него. Кому адресован этот вопрос? «Переродившимся славянам»? Они не могут отвечать за жизненный выбор лирического героя. Миру? Тем более, ответ проблематичен. Следовательно, вопрос задается себе самому? Но вопросы подобного рода задаются только тогда, когда выбор еще не сделан, или уже ясно, как следует поступить, однако нет уверенности в том, что хватит сил на такой поступок. Думается, что в данном случае мы встречаемся со вторым вариантом. Герой имеет весьма четкое представление о должном, у него нет ни малейших сомнений в истинности идеала, рожденного в его «кипящей душе». У него есть сомнения в том, что он сам соответствует собственному высокому идеалу.

Именно этим, глубоко запятанным психологическим комплексом и объясняется оформление лирического высказывания в утверждения через отрицание: «Нет, не способен я...». Такого рода конструкции – знак того, что герой сосредоточен на самом себе, он мысленно еще и еще раз проверяет свои чувства. Необходимость такой самопроверки может возникнуть только в том случае, если есть сомнения в себе. Так лирический герой невольно выдает себя, обнаруживая перед читателем такие свойства своей души, которыми сам он не удовлетворен, от которых стремится избавиться, и в которых никогда никому не признается. Это те свойства, которые невольно сближают его с «переродившимися славянами», но уже в настоящем, а не в лучезарном будущем. Вот почему так настойчиво стремится лирический герой отделить себя от «хладных юношей», утвердить свою исключительность, непохожесть на окружающее его пассивное большинство. Именно этим объясняется нагнетание высказываний негативного характера («не разгадав...», «не хотят...», «не готовятся...», «не читают...», «не найдет...»). Чем сильнее отрицание позиции «хладных юношей», тем яснее драматичность внутренней ситуации, которая могла бы быть охарактеризована приблизительно следующим образом: я бы тоже так мог, но не хочу, потому что я – другой. И адресованы эти уверения не «переродившимся славянам», но себе самому. Лирический герой еще и еще раз убеждает себя в возможности жизненного, реального воплощения высокого идеала личности, рожденного в его собственных мечтах. Он побуждает себя тянуться к идеалу, стремится соответствовать ему. Осуществление идеала означает для него победу не только над миром, но и над самим собой, своими страхами и сомнениями. Вот почему при внешней сдержанности интонации стихотворения отличаются исключительной внутренней напряженностью.

Обратим внимание на то, что стихотворение написано разностопным ямбом, причем чередование 4-, 5-, 6-, 7-стопных строк поначалу абсолютно хаотично. Строки как бы набегают одна на дру-

гую, торопятся на смену друг другу. Лирический герой спешит высказаться, настолько спешит, что во второй строфе даже нарушает порядок рифмовки. Если во всем тексте соблюдается четкое чередование рифм по типу *АБАБ*, то во второй строфе, начатой уже отмеченным запальчивым «Нет, не способен я...» порядок иной – *АББА*. Смысловое это в высшей степени оправдано: в душе героя бушует хаос чувств, сталкиваются «за» и «против», он путается в своих мыслях. Ритм стихотворения неровен, постоянно сбивается неупорядоченно разбросанными пиррихиями. Захлебывающийся темп речи подчеркивает остроту и непосредственность переживаний, придает эмоциям особую насыщенность. Впечатление неудержимого потока взволнованной речи усиливается и благодаря тому, что текст не разбит на строфы, визуально воспринимается как сплошной массив, хаотичное нагромождение длинных и коротких строк. И при этом ни одного восклицания! Эмоции загнаны вглубь души. Чем сдержаннее и лаконичнее высказывание, тем драматичнее и напряженнее внутреннее состояние. Но к концу стихотворения ритм становится все более и более четким: начиная с третьей строфы, первая и третья строки становятся непременно шестистопными, а последняя строфа уже целиком написана шестистопным ямбом – традиционным элегическим размером. Ритм, таким образом, становится еще одним смыслонесущим элементом поэтической структуры: внутренние противоречия успешно преодолеваются, эмоции упорядочиваются, и борьба с самим собой завершается успехом. Заметим, что у читателя и не возникало сомнений, что герой сумеет обрести внутреннюю гармонию и примет должное решение. И дело здесь не только в том, что Рылеев со свойственной ему рационалистической точностью и ясностью формулирует идейные установки своего героя. Обратим внимание на то, что при всей непосредственности, взволнованности высказывания, в нем обнаруживается и определенная стройность мысли. В стихотворении довольно четко выделяются тезис («Я ль буду в роковое время...»), антитезис (Пусть юноши, своей не разгадав судьбы...), и синтез, вывод («Они расскажут...»). Внутренняя полемичность высказывания подчеркивается усилительными частицами в начале строф («Нет, не способен...»). «Пусть юноши...», «Пусть с хладною...»). При этом каждое четверостишие – законченное целое, законченная микротема, оформленная внешне как суждение, предложение. Завершенность одной микротемы и начало другой подчеркнута ритмически: первая стопа в каждом четверостишии дает сбой ритма либо с помощью спондея («Я ль буду...»), «Пусть юноши...», «Пусть с хладною...»), либо хореической стопы («Нет, не способен...»). Это сбой не только усиливает впечатление внутренней напряженности, полемичности высказывания, но и парадоксальным образом упорядочивает ритм, по-

скольку происходит с отменной регулярностью. Несколько иначе обстоит дело в последней строфе. Здесь хореическая стопа расположена не в первой, а в последней строке («В них не найдет...») как эмоциональный акцент, завершающий высказывание в целом, ставящий решительную точку.

Каждое четверостишие, в свою очередь, является образцом синтаксической симметрии. Стихотворение состоит из пяти предложений (и пяти четверостиший), четыре из которых имеют однотипную грамматическую основу (однородные сказуемые при одном подлежащем). Предложения легко делятся на две части, два двустипия, в каждом из которых имеется опорный глагол-сказуемое. Таким образом, акцентируется действенный, не «кабинетный» характер рассуждений лирического героя, высказывание звучит динамично, наступательно. Заметим, что, говоря о себе, герой предпочитает использовать глаголы в неопределенной форме, не соотнесенной с конкретным лицом: в самом деле, ведь он как раз не хочет «влачить» свой век и «изнывать» душой. Ведя речь о «переродившихся славянах», он сразу переходит к глаголам, четко привязанным к лицу: это «они» («не хотят», «не готовятся»). Двучастность предложений не приводит к их распаду, поскольку союз «и» в начале третьей строки каждого четверостишия помогает подлежащему удерживать всю конструкцию в равновесии. Рылеев стремится ритмически выделить наиболее важные, опорные в смысловом отношении слова, располагая их, как правило, в конце строки, в рифме: «время», «гражданина сан», «душой», «самовластья», «судьбы», «борьбы», «человека», «позор», «восстав», «Риеги».

Несколько иначе выстроено последнее, пятое четверостишие. Здесь Рылеев использует сложноподчиненное предложение с двумя грамматическими основами, смыслово отнесенными к двум разным типам духовной деятельности: «Они расскажут, когда народ...застанет их...и не найдет». Важные для автора смысловые комплексы закреплены через оформление в деепричастные обороты, которые к тому же зарифмованы: «восстав» и «ища свободных прав». Внутренняя сбалансированность четверостишия безупречна, что достойно завершает все стихотворение в целом. Активное использование глаголов совершенного вида в будущем времени («расскажут», «застанет», «не найдет») придает высказыванию категоричный, императивный характер.

Все эти морфолого-синтаксические изыскания, в данном случае, помогают, на наш взгляд, объяснить, почему столь драматичная внутренняя ситуация разрешается благополучно и читатель ни на минуту не сомневается в лирическом герое: при всем сумбуре и хаосе чувств, он всегда сохраняет способность трезво рассуждать. Его жизненная позиция – не скоропалительное решение, принятое под влиянием эмоций, но осознанный выбор, в

котором он полностью отдает себе отчет. Благодаря такому анализу, становится более ясным и то, что изначально свойственное Рылееву стремление идеологически насытить свой текст постепенно усиливается, перерастая в принципиальную установку на отягощение лирического переживания мыслью. В творчестве поэта-декабриста мы улавливаем первые признаки процесса, который более активно проявит себя уже в 1830-е годы. Сошлемся на Б.М. Эйхенбаума, который так характеризует «общий уклон русской поэзии» этого времени: «Начинают слагаться стиховые формулы, придающие стихотворению особый смысловой вес и рельефно выступающие на фоне остальных строк. Они самостоятельны в своем смысловом воздействии и потому легко существуют сами по себе, вне связи с предыдущим и последующим»⁷. Практически любое четверостишие в произведении Рылеева отличается смысловой завершенностью самостоятельной формулы и может цитироваться в качестве афоризма. Попутно отметим, что и финал стихотворения «К N. N.» («Любовь никак нейдет на ум...») фактически также обрел статус афоризма. В стихотворении «Я ль буду в роковое время...», абсолютно декабристском по духу, идейному содержанию, тем не менее, изменен и ракурс, в котором изображается лирический герой. Внимание Рылеева сосредоточено не на воспевании идеала, носителем которого является лирическое «я», а на самой личности героя, погруженной в себя, стремящейся понять свои чувства и дать себе в них отчет. Вот почему в столь пафосном лирическом высказывании исследователи видят приметы элегической исповедальности.

Эта сосредоточенность лирического героя на собственном внутреннем мире, стремление понять, проанализировать свои чувства, дать себе в них отчет и проявляется в зрелых элегиях Рылеева. Характерно в этом отношении стихотворение «Воспоминания» (1823?), посвященное жене. На первый взгляд, перед нами вполне традиционная романтическая элегия:

Еще ли в памяти рисуется твой
С такою быстротой промчавшаяся младость,
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум молодых ветвей,
И листьев говорящий трепет,
Где мы одни с любовью своей
Под ивою ветвистою сидели... (94)

Герой, казалось бы, целиком погружается в воспоминания, которые художественно оформляются в поток традиционно-условных образов: здесь и «струйки ручейка», и «луны серебристые лучи», и «вздохи сладкие» — все вполне привычно. Но в финале элегии регистр высказывания вдруг резко изменяется:

Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты (94).

В традиционной элегии такого рода утверждения кажутся избыточными. Ведь уже сам факт элегического высказывания подразумевает ценность прошлого для носителя лирического переживания. Зачем же еще раз специально утверждать то, что само собой разумеется, предписывается жанровым каноном? Затем, что лирический герой действительно нуждается в объяснении собственного психологического состояния. Ему мало выразить душевную ностальгию, он стремится и понять то, что происходит в его сердце: «Мне утешительны, мне сладостны мечты...». Характерно, что процесс анализа осуществляется через сопоставление с другим «я»: «Не знаю, милая, как ты...». Тем самым допускается возможность иного отношения к тому, что так дорого лирическому герою. Через сравнение собственного и «чужого» внутренних состояний герой лучше понимает себя, четче формулирует собственные духовные ценности.

Моменты лирической рефлексии можно обнаружить и в знаменитых «Стансах», традиционно воспринимающихся как знак того, что романтическое разочарование в жизни не было чуждо и планетным декабристам:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей (97).

Нас же заинтересовало в этом стихотворении явное желание лирического героя объяснить происходящее с ним:

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал (97-98) (курсив наш — Т. Л.).

И далее следует откровенное повествование о собственном внутреннем состоянии:

Страшно дней не видеть радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней молодых (98).

В нагнетании этих «страшно», «ужасно», «тягостно», «безотрадно» слышится не только желание излить душу. Эпитеты обретают и статус беспощадной оценки: лирический герой не строит иллюзий по поводу того, что с ним происходит, но, разобравшись в собственной внутренней ситуации, ясно отдает себе отчет в своей трагической обреченности на полное духовное одиночество.

На наш взгляд, в стихотворениях такого рода слышатся первые, пока еще неясные и самому Рылееву, предвестия той лирической рефлексии, ко-

торая так мощно заявит о себе в 1830-е годы, прежде всего, в поэзии М.Ю. Лермонтова и Е.А. Баратынского с их пристальным вниманием к «внутреннему человеку». Конечно, в рылеевском стиле эта рефлексия лишь едва мерцает, он только приближается к ней, но сам факт такого развития его поэтической индивидуальности кажется нам весьма знаменательным.

Мы уже упоминали имя М.Ю. Лермонтова в связи с анализом зрелой лирики Рыльева. Мы отнюдь не оригинальны в этом отношении, поскольку параллели между творчеством двух поэтов намечались в науке и раньше. Более того, очевидно и сам Лермонтов хорошо понимал это. Доказательством сознательной ориентации юного гения на рылеевскую традицию может служить, например, послание «К Д<урно>ву», написанное в 1829 году. Исследователями давно обнаружено, что образцом для этого стихотворения послужило посвящение к поэме Рыльева «Войнаровский»⁸. Е.А. Маймин отмечает: «Сходство раннего стихотворения Лермонтова со стихотворным посвящением Рыльева носит местами дословный характер. Это не подражание Рылееву, а своеобразная цитация из Рыльева. Подражание в поэзии может быть и бессознательным, цитация – всегда осознанная. Лермонтов хорошо сознает свою связь с рылеевскими традициями и отчасти демонстрирует ее»⁹. Однако, как правило, исследователи говорят об идейной близости ранней лирики Лермонтова декабристским настроениям. Мы, как нам кажется, увидели и более глубокие сходства на уровне некоторых особенностей поэтического стиля. Зачатки лирической рефлексии в творчестве Рыльева – знак вызревания тенденции, которая должна была в перспективе вывести художника к совершенно иной, не декабристской поэтической линии. Был ли уход Рыльева из «литературного декабризма» неизбежным? К сожалению, все наши рассуждения на эту тему воз-

можны лишь в рамках вероятностных предположений, поскольку творческая судьба поэта была насильственно оборвана. Лирическая рефлексия в поэзии Рыльева едва намечена, она не успела развиться в достаточно ясные и четкие формы, которые позволили бы нам с большей долей уверенности говорить о магистральном направлении развития его творческой индивидуальности.

¹ См. об этом: Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.–Л., 1961. С. 238;

Левкович В.Я. Поэзия декабристов // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 162; и др.

² Здесь и далее тексты К.Ф. Рыльева цит. по: Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971 (с указанием страницы).

³ Подробный анализ зарождения в творчестве М.Ю. Лермонтова ролевой лирики см.: Ермоленко С.И. От лирического «Я» – к образу «Другого» // Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996. С. 346–376.

⁴ Архипова А.В. Литературное дело декабристов. Л., 1987. С. 53.

⁵ Цейтлин А.Г. Творчество Рыльева. М., 1955. С. 268.

⁶ Касаткина В.Н. Поэзия гражданского подвига. М., 1987. С. 138.

⁷ Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987. С. 172.

⁸ См. об этом: Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография: В 2 т. Т. 1. М., 1945. С. 119–120; Федоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л., 1967. С. 61–62; Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 290.

⁹ Маймин Е.А. О русском романтизме. М., 1975. С. 116.

НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ В СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ ТЕКСТА ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В.Б. Попова

В современном языкознании как доказали многие лингвисты объектом изучения является текст. Эта более высокая точка обсуждения позволяет оценить результативность накопленных знаний их системность¹, поскольку лингвистическая наука на каждом этапе своего развития дает все более приближенное представление о реальной языковой системе. Известно, что любая система сначала должна исследоваться во взаимоотношении с внешней средой, а уже затем внутри своей структуры. Этот принцип – последовательного продвижения по этапам системы – должен соблюдаться и при изучении наречий времени.

Как отмечает Л.А. Шкатова насчитывается более 250 определений текста и лингвисты сосредотачивают свое внимание при изучении текста на качество языка, средства выражения которого и составляют текстовую ткань².

Текст выдвигает новые объяснительные принципы в рассмотрении языковых, в том числе и лексико-семантических явлений, требует укрупнения языковых категорий, проведения лингвистического анализа в более широком аспекте. Таким образом, текст является группировкой глубинного уровня, объединяющий слова различной частеречной принадлежности. В отличие от функционально-семантического поля текст более объемён, разнопланов и многоаспектен, характеризуется большой диффузностью и размытостью границ, приводящей к взаимопроникновению функционально-семантических полей.

Исследования в рамках устоявшегося понятия «семантическое поле» имеют направленность на выявление закономерностей функционирования языковых единиц и языковых моделей в речевых построениях при решении определенных коммуникативных задач, т.е. в тексте. В тексте методика компонентного анализа рассматривается как «от содержания к средствам выражения в конкретной речевой ситуации», связывающим строение системы номинативных единиц с системой коммуникации.

Сегодняшняя семантика – это область, в которой гораздо больше теорий, чем бесспорных результатов и обобщений. В семантике, как замечает Э. Сааринен, сталкиваемся с широким спектром соперничающих идей, взаимосвязи которых остаются в большей степени неисследованными, и, далее развивая свою идею, Э. Сааринен добавляет, что в семантике нет единой, не выражающей сомнений, заранее заданной «дотеоретической базы данных», и так что следует подождать, к чему сведется дело при анализе конкретных языковых данных³. Так один из ведущих ученых в области си-

нонимии в отечественной лингвистике Ю.Д. Апресян применил на практике свою концепцию в англо-русском синонимическом словаре⁴. В нем прежде всего даются семантические сходства и различия между членами определенного синонимического ряда, а описания выполняются на основе семантических признаков, по которым различаются синонимы в данном ряду.

Общеизвестно, что носитель языка выбирает ту или иную лексику интуитивно, говорящий на неродном языке стоит перед необходимостью выбора.

Ч. Филлмор не считает, что всё, что знает говорящий о значении и употреблении слова, может быть собрано и представлено в словарной статье. Наиболее полезный практический словарь во многих случаях будет обращаться просто к знанию читателя о мире, предоставляя ему достаточно информации, чтобы он сам тем или иным образом добывал добавочную информацию в том случае, когда он не в состоянии понять предложения, содержащие данное слово, а словарное определение не может помочь ему.

Во всяком случае ясно, что любая попытка соотнести знание человеком значений слова со способностью интерпретации текстов неизбежно приведёт к признанию важности внеязыковой информации в процессе интерпретации⁵.

Одно их достоинств всех словарей чешско-русских и русско-чешских, – это то, что в них даётся богатейший лексический материал. В чешско-русском словаре 1976 года наречия времени систематизированы по определению понятий, где раскрывается их смысл и предлагается соответствующий перевод на русский язык, но при практическом использовании происходят некоторые затруднения, потому что словарь предлагает несколько вариантов перевода. Но если в основу словаря положить функциональный принцип, при котором учитывается структура наречия и её взаимоотношения с видовременными формами глагола, то в таком словаре будет учитываться роль наречий времени в процесс речепроизводства.

Словари чешского литературного языка и словари русского литературного языка характеризуют наречия времени одно через другое. Например, наречие *ted'* описывается через наречия *nune*, *dnes*, а в чешско-русском словаре предлагается перевести наречиями *теперь*, *сейчас*, *ныне*. Наречие *dnes* предлагается перевести наречиями *теперь*, *сегодня*, *ныне*. Наречие *nune* предлагается перевести наречием *теперь* и словосочетанием в настоящее время.

В русском языке наречия *теперь*, *сейчас*, *ны-*

не в словарях описываются одно через другое. На чешский язык рассматриваемые наречия переводятся соответственно: наречие *теперь* – *ted, nyní*, наречие *ныне* – *nune, ted* (в настоящее время и в значении *немедленно, сразу*), *hned, okamžitě*.

Приведённые примеры показывают, что изучающий русский или чешский языки должен сам сделать выбор какое наречие он использует, ибо наречия, как мы это видим, даны через запятую, то есть взаимозаменяемы в любом контексте. И получается, что в русском языке наречия *сейчас, теперь* и *ныне* являются синонимами, а в чешском языке наречия *ted', dnes, nune* являются синонимами.

Казалось бы, что в обоих родственных языках приведённые факты показывают максимальную функционально-семантическую близость и потому не могут представлять интереса с точки зрения перевода и не вызывают затруднения при переводе с одного языка на другой. Между тем, сопоставление переводов с чешского на русский и с русского на чешский с соответствующими оригиналами показывает определённую избирательность переводных эквивалентов, которая не принята во внимание в переводных словарях. Наша цель – выяснение обусловленности выбора переводчиком того или иного функционально-семантического эквивалента. Сравнение переводов позволяет сопоставлять и раскрывать сложные и неоднозначные отношения между смысловой и формальной сторонами языками. Перевод же по своей сущности является сопоставлением систем двух языков, так как в процессе перевода лексический материал одного языка заменяется материалом другого, причём переводчик стремится выбрать лучший вариант из богатого запаса слов родного языка.

На примере наречий времени убедительно и наглядно подтверждается та мысль, что лексические единицы следует изучать не изолированно, а в системе, в состав которой они включаются, в процессе их функционирования и развития. В этом отношении прав Ф.П. Филин, который считает, что исследователь должен знать причины сложения каждого слова, изменение значений и оттенков значений, их связи со значениями других слов⁶. Но саму природу лексического значения можно выявить прежде всего через предметное содержание слова, его соотносительности с объективно существующим миром вещей, процессов и явлений. Являясь отражением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно включает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящимся в определенной связи с другими понятиями⁷. Предметно-понятийное содержание является важнейшим компонентом семантики слова, без которого невозможно его функционирование как средства языковой коммуникации⁸. Исследователи конкретного лексического материала, изучающие судьбу отдельных слов или различных групп, всегда так или

иначе приходили к выводу о существовании в лексике определенных видов взаимодействия, притяжения и отталкивания между составляющими и ее единицами⁹. Отсюда следует, что наречия времени должны рассматриваться как результат их взаимодействия с видо-временными формами глаголов, то есть, «семантическая значимость должна указывать на место этой единицы в системе, в сети отношений «сходство / различие», устанавливаемых на основе противопоставлений единиц, сходных в каком-то отношении»¹⁰.

Такие системные отношения наречий времени с видо-временными формами глагола позволяют выявить наиболее существенные индивидуальные свойства наречий времени, а одновременно выявить ядерные семы и периферийные. В статье используются принятые в современной семантике понятия «семантическое ядро» и «семантическая периферия», и через них определяются семы, имеющие различный статус в семантической структуре одного и того же слова. Ядерная сема – семантический компонент (в совокупности с другими компонентами), ядро значения данного слова. Ядерная сема в принципе довольно легко выделяется на уровне интуиции: говорящие, как правило, осознают ее главность, существенность в смысловом содержании слова и подчеркивают каким-либо образом. Периферийная сема – не основная, не ярко проявляющаяся по сравнению с ядерной. Она не столь явно осознается носителями языка. В качестве постоянных обычно выступают ядерные семы, в качестве переменных – периферийные.

Комплексный функционально-семантический анализ наречий времени в тексте дает возможность по-другому посмотреть на синонимические отношения в двух близкородственных языках, поэтому мы используем функционально-тематический принцип организации синонимических рядов.

Общеизвестно, что под функционально-семантическим полем понимается семантическое пространство, образуемое группой синонимических слов. Синонимия является одним из проявлений парадигматических связей в лексике и занимает по праву центральное место в парадигматике. Следует подчеркнуть, что синонимия, как доказанный факт, – явление системного порядка: синонимы выступают как члены определенных ЛСП, то есть структурных организаций, где каждый отдельный компонент выявляется только при условии своей соотносительности с другими, подобными ему компонентами. В понимании синонимии среди лингвистов нет единства, и в определении синонимов существуют две точки зрения: одна из них, синонимы – это слова с близкими, но различными значениями, вторая точка зрения состоит в том, что синонимы – слова с тождественными значениями. Так, Ч. Филлмор утверждает, что два слова являются синонимами, если допустимы различные лексические выборы для одного и того же

элемента в одном и том же фрейме, и слова являются частичными синонимами, если некоторые части фреймов, в которых они употребляются, идентичны, а другие части различны¹¹. Понятие фрейма можно отождествлять с понятием лексического поля¹². Анализ и обзор двух направлений подробно осуществлен учеными в ряде работ (Э.М. Медниковой, Д.Н. Шмелева, С.Г. Бережана, Ю.Д. Апресяна, Р.В. Алимпиевой, А.А. Брагиной, Шульдешовой, Л.М. Васильева).

Проанализировав и обобщив различные концепции, можно прийти к такому выводу, что если происходит усиление одной из тенденций, например, тенденции к семантическому уподоблению и, как следствие крайнего усиления, появление абсолютных синонимов, то существование их длится недолго: вторая тенденция – к семантической дифференциации – своевременна «восстанавливает равновесие сил в системе, уничтожая создавшуюся внелексическую избыточность»¹³ ибо существование слов, абсолютно идентичных во всех отношениях, неуловимо кратковременно. При такой идентичности одно слово или исчезает, или между словами начинается дифференциация, их тождество – явление ситуативное, контекстное, временное. Иными словами, все члены ЛСП объединены общностью семантической темы, являются потенциальными синонимами, то есть обладают способностью к предельно близкой смысловой соотнесенности. Однако степень этой соотнесенности у отдельных членов ЛСП неравнозначна.

Таким образом, изучение функциональных особенностей языковых фактов, т.е. наречий времени, является коммуникативно-прагматическим или коммуникативно-функциональным. Изучение текстов и его направлений опирается на принцип

деятельности и заключается в выявлении связей между употреблением наречий времени и теми ситуациями, в которых они используются, а также в установлении правил их употребления для типичных случаев коммуникативноориентированного речевого поведения.

¹ Айдукович И. Второй международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность // Труды и материалы. М., 2004. С. 309.

² Шкатова Л.А. Город как текст. Язык. Культура. Коммуникация // Материалы второй международной научной конференции. Челябинск, 2005. С. 226.

³ Сааринен Э. О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1986. Вып. 18. С. 128.

⁴ Англо-русский синонимический словарь. М., 1988. С. 543.

⁵ Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. С. 118.

⁶ Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 272.

⁷ Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 73.

⁸ Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. – Л., 1986. С. 4.

⁹ Шмелев Д.Н. Цит. соч. С. 184.

¹⁰ Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 97.

¹¹ Филлмор Ч. Цит. соч. С. 113.

¹² Там же. С. 115.

¹³ Алимпиева Р.В. Цит. соч. С. 13.

ОБОБЩЕННОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ КАК СВОЙСТВО НАУЧНОГО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

А.Ю. Серебрякова

Философский текст относится к научному стилю. Именно принадлежность текста к какому-либо стилю и жанру определяет в целом набор его основных свойств и признаков.

Специалисты выделяют следующие основные черты научного текста – отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его последовательность, терминованность, логизированная оценочность и др.¹

Все эти черты обусловлены следующим кругом базовых экстралингвистических стилиобразующих факторов. Научный стиль представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания. В научном стиле отражается теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме, для которого характерны объективность и отвлечение от случайного (поскольку назначение науки – вскрывать закономерности), логическая доказательность и последовательность изложения. Общая цель научной речи заключается в сообщении нового знания о действительности и доказательстве ее истинности.

Функцию научного стиля можно определить как *объяснение* в широком смысле этого слова, которое включает в себя этапы научного мышления, закрепление процесса познания, изложение результатов познания².

Содержанием научного текста является описание фактов, предметов, процессов, явлений действительности, истории их изучения и объяснения, формулирование законов и закономерностей. Накапливая факты, экспериментируя и обобщая, наука фиксирует свои результаты в понятиях и системе понятий. Специфика научного мышления определяет основное качество научного стиля – его обобщенно-отвлеченный характер. Таким образом, по мнению М.Н. Кожиной, Н.М. Разинкиной, М.П. Брандес и др. максимальная обобщенность является одним из главных признаков научного текста (тогда как признак художественного текста – максимальная эстетическая и художественно-образная конкретизация). Философия, в свою очередь, является наукой о наиболее общих законах устройства мира, а философский текст – это текст, «содержание которого представляет собой предельно обобщенное описание устройства мира»³. Поэтому философский текст как никакой другой демонстрирует самую главную специфическую черту научного текста – отвлеченно-обобщенность.

Для реализации этой черты в научном философском тексте используются специальные языко-

вые средства (лексические, грамматические, в частности морфологические, и синтаксические единицы).

В лексическом плане отвлеченность и обобщенность проявляются, прежде всего, в том, что почти каждое слово выступает здесь как обозначение общего понятия или абстрактного предмета. Так, высокочастотна в философском тексте абстрактная лексика (в том числе терминологическая), слова, выражающие общие понятия – даже в тех случаях, если в общеязыковом употреблении (в других сферах общения) это конкретные слова (способность суждения; порядок природы; движение материи). Обобщенно-отвлеченный характер подчеркивается также специальными словами: *обычно, всегда, регулярно* и т.п. Не только существительные, но и глаголы выступают в отвлеченно-обобщенном значении, поскольку десемантизируются, придавая выражению качественный характер, и уже не обозначают конкретных действий. Это глаголы широкой семантики (*существовать, иметь, проявляться* и др.). Многие глаголы в философском тексте выступают в связочной функции (*быть, являться, служить, обладать*); значительная группа глаголов используется в роли компонентов глагольно-именных сочетаний, в которых основная смысловая нагрузка выражается существительными (*служить ответом, подвергать критике, оказывать влияние*).

В выражении и создании стилевой черты отвлеченно-обобщенности в философском тексте участвует не только лексика, но и морфология, и синтаксис.

Грамматическими языковыми признаками обобщенности являются использование настоящего вневременного (с качественным, признаковым значением), что согласуется с необходимостью характеризовать свойства и признаки исследуемых предметов и явлений (способность суждения составляет особую часть критики). Тот же оттенок отвлеченности и обобщенности временных форм наблюдается в философских текстах при использовании прошедшего и будущего времени.

Отвлеченность и обобщенность философских текстов выражаются также в повышенной употребительности слов среднего рода (*познание, обсуждение, понятие*). Краткие прилагательные используются для выражения не временного, а постоянного свойства предмета (*понятия оторваны друг от друга*).

Категория числа существительных выступает с ослабленным грамматическим значением, поскольку названия отвлеченных предметов нельзя представить как считаемые «предметы». Они не-

совместимы с идеей числа, счета (*свобода, природа, разум*).

На синтаксическом уровне отвлеченно-обобщенность выражается в исключении из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира в философии представляется в обобщенной форме – как процесс коллективного творчества. Этому соответствуют обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, безличные предложения, двучленный пассивный оборот с процессуальным значением, т.е. деагентивные синтаксические структуры⁴. Учитывая этот факт, можно сделать предположение об особой роли неопределенно-личных и безличных конструкций в научном философском тексте.

В синтаксисе отмечают также преобладание сложных предложений над простыми; использование развернутых распространенных предложений; специальные типы сложных предложений; широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, страдательных конструкций.

Другой специфической чертой философских текстов является подчеркнутая логичность, выражающаяся в основном на синтаксическом уровне и на уровне текста. Ее созданию и реализации способствуют многие средства. Прежде всего, это полноформенность высказывания – полнота грамматического оформления предикативных единиц, что выражается в преобладании союзных предложений над бессоюзными, так как союзы позволяют более четко передать смысловые и логические связи частей предложения. При общем высоком проценте сложных предложений преобладают сложноподчиненные. Простые же предложения (как и сложные) осложняются оборотами с подчинительной связью, что повышает спаянность предложения, но при этом увеличивает длину предложения. Здесь нужно особо отметить большую длину предложений в философском тексте. Если средняя длина простого предложения в научном тексте вообще составляет 20,3, а сложного – 25,4 словоупотребления, то средняя длина простого предложения в философском тексте составляет 30,3, а сложного – 45,4 словоупотребления. В простом и сложном предложениях широко используются вводные слова и словосочетания, подчеркивающие логику мысли и последовательность изложения (во-первых, следовательно, итак). По насыщенности связочными средствами научная речь занимает первое место среди функциональных стилей. Одно из них – связь предложений при помощи повторяющихся существительных, часто в сочетании с указательными местоимениями.

Точность (а также ясность) достигается в философском тексте употреблением большого числа терминов, как правило, слов однозначных, строго определенных в своих значениях в пределах конкретной науки, выражающих существенные признаки называемых предметов и явлений (мышле-

ние, сознание, способность, разум, материя, познание и др.).

Коммуникативная направленность научной речи, необходимость учета адресата выражается в категории диалогичности научного стиля. Хотя научный текст квалифицируется как монологический, однако ему тем не менее свойственна диалогичность, т.е. выраженный языковыми и текстовыми средствами в научной речи учет адресата (как взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, в том числе автора и читателя) вплоть до использования средств собственно диалога. Этому способствует адресованность, обращенность научного текста к читателю с целью привлечения его внимания к особо значимым частям текста и – как результат – достижение адекватности понимания текста.

Как считает Л.В. Славгородская, «каждый новый научный текст, стремящийся войти в корпус дисциплинарного знания, должен содержать ответ на вопрос, «заданный» предшествующим развитием знания. Обращаясь к фонду уже созданных текстов, ученый находит в них не только некий «образец для подражания» но и импульс для создания новых текстов. Процесс познания уподобляется, таким образом, цепи стимулов и реакций, аналогичной речевой цепи, создаваемой в процессе устного общения, с той лишь разницей, что обмену высказываниями соответствует обмен текстами»⁵.

Диалогичность философского текста выражается в использовании вопросо-ответных комплексов; вопросительных предложений; чужой речи в виде прямой цитации (как правило, с оценкой приводимого мнения); императивов как обращений к читателю (остановимся на указанной выше дефиниции); вводных слов с семантикой выражения авторского отношения к сообщаемому (*конечно, очевидно, безусловно*).

Таким образом, основными свойствами научного философского текста являются максимальная обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения.

¹ См., например, работы:

Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 244.

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс – Традиция; ИНФРА-М, 2004. С. 171.

² Брандес М.П. Цит. соч.

³ Алексева И.С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Спб.: Издательство «Союз», 2001. С.118.

⁴ Кожина М.Н. Цит. соч.

⁵ Славгородская Л.В. Научный диалог (лингвистические проблемы). Л.: Наука, 1986. С. 4.

НЕОВИКТОРИАНСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ АНТОНИИ БАЙЕТТ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «POSSESSION»)

О.А. Толстых

Не секрет, что викторианская литература с ее пятидесятитысячным наследием романов (в 1830-е годы издавалось в среднем до двух тысяч романов ежегодно!) и тремя с половиной тысячами романистов оставила заметный след во всей последующей литературной традиции Англии. Огромное количество авторов действительно заслуживающих внимания (около 900) весьма впечатляет.

По праву XIX век в английской литературе называют золотым веком Британии, веком романа, ставшим одним из элементов викторианской культуры и даже ее общественным достоянием. А интерес именно к жанру романа исследователи связывают со «специфическим английским интересом к жизни личности»¹, служением традиции, которая нигде не ощущается с такой силой, как в Англии.

Верных традиции англичан и эпоху королевы Виктории давно связывают очень прочные нити, и неудивительно, что сначала в 30-е и 40-е годы, позднее в 50-е и 60-е, и, наконец, в 80-е и 90-е XX века наблюдалось своеобразное «викторианское возрождение», возвращение к традиции английского реалистического романа. Сам ритм повествования в современном английском романе, отмечают исследователи, не двадцатого века, он корнями уходит в викторианскую эпоху к Джейн Остен, Чарльзу Диккенсу, Томасу Гарди.

Литературу конца XX века называют ретроспективной, старомодной, «пожилой, степенной, лишенной будущего... поскольку в будущем только смерть, а жизнь, культура и проч. – в прошлом»². Говорят о ностальгии, вдруг охватившей современных авторов, тоске по былому могуществу и влиянию Англии, тому лучшему, что было заложено в качестве фундамента для всей литературы XX века.

Богатая талантами эпоха королевы Виктории, кажется, завораживает многих современных писателей, уже не мыслящих свои произведения без аллюзий на всем известные романы викторианцев. И эта волна интереса не дань вновь пришедшей моде, на Диккенса или Остен, это пропущенное в своем художественном воображении восприятие современности через восприятие викторианской эпохи, некая одержимость прошлым, делающая практически невозможным определение каких-либо конкретных прецедентных текстов и протопроизведений.

Постмодернизм давно известен своей диалогичностью, интертекстуальными ссылками на наследие прошлого, иронией, игрой с традицией, пародиями, стилизациями, трагестированием, но парадокс состоит в следующем: ссылаясь на «невозможность писать по старому», писатели обращают-

ся к викторианскому роману, по-новому его интерпретируя, трансформируя и используя как материал для своих произведений, создавая в своих романах целую антологию литературы Англии XIX века.

Термин «металитература» (metafiction), введенный Уильямом Гэссом в 1970 году для характеристики современного романа, эксплуатирующего романские модели разного рода, в настоящее время является весьма популярным. Металитература – это «литература о литературе (fiction about fiction): романы и рассказы, подчеркивающие свой художественный статус и раскрывающие способы собственного художественного произведения»³, где предметом изучения является сама литература. Металитературная игра, являющаяся одной из тенденций развития современной британской прозы, становится характерной чертой художественных произведений конца XX века.

Метароман, характеризующийся, прежде всего саморефлексией, можно назвать романом о романе, с точки зрения его жанровых разновидностей, о методе творчества, о современном искусстве романа, о массовой литературе. Непременными персонажами метаромана являются либо автор, создающий роман, либо читатель, читающий роман, либо исследователь, зачастую филолог, занимающийся изучением творчества писателей и предлагающий его новые интерпретации.

«Литературность литературы», «искусственность искусства», метатекстуальность напрямую связывают с саморефлексией прозы, феноменом смыслопорождения. Интертекстуальность подразделяют на три вида: интертекстуальность в пределах одного текста, то есть ссылка на самого себя, часть явления «саморефлексивности»; интертекстуальность в пределах творчества конкретного автора как субъекта тотального текстообразования; интертекстуальность как выход за пределы данного текста или шире текста – как всего творчества писателя в область другого текста (например, текстуализированного прошлого)⁴.

Появление исторических (или, правильнее, историографических, согласно концепции Л. Хатчеон) романов в английской литературе последней четверти XX века напрямую связано с новым постмодернистским взглядом на историю вообще и викторианскую эпоху в частности. Постмодернистская концепция исторического процесса допускает многочисленные интерпретации исторических событий, их особое место в жизни каждого человека, отсюда и следующий принцип – прошлое постоянно присутствует в настоящем.

Общей тенденцией британской прозы, подчеркивают и Алисон Ли в книге «Реализм и власть.

Постмодернистский британский роман» (1990), и Стивен Коннор в «Истории английского романа. 1950–1995», является смещение интересов в пользу историографии, сближение истории и литературы, небывалый интерес к категории времени и историческому процессу, а также двунаправленное сюжетное действие, благодаря которому события одновременно разворачиваются в двух временных пластах, настоящем и прошлом. Характерное для реалистического романа линейное повествование, линейная причинно-следственная связь отвергаются постмодернистским романом, тяготеющим к ретроспективному повествованию, переплетению временных пластов, одновременному разворачиванию событий в настоящем и прошлом.

Сама постмодернистская концепция истории, исторического развития, построена на ее критическом осмыслении, сомнении в ее достоверности, пересмотре и переосмыслении линейности движения исторического знания. Эта концепция предлагает бесконечное количество различных интерпретаций одних и тех же исторических событий.

К современным писателям-постмодернистам, нередко прибегающим в своем творчестве к металитературным играм, можно причислить Дж. Фаулза, Д. Лессинг, Дж. Барнса, М. Дрэббл, Д. Лоджа и многих других.

«Постмодернистские викторианцы» – postmodern Victorians гадают о настоящем, глядя в прошлое. Грэм Свифт, Дэвид Лодж, Питер Акرويد, Питер Кэри... и Антония С. Байетт.

Роман А.С. Байетт «Possession» (1990), в русском переводе «Обладать» (2002, 2004), получил две престижные награды в 1990 г.: престижную Букеровскую премию, а также международную литературную премию журнала *Irish Times* и стал своеобразным рубежом в творчестве самой писательницы, самым ее значительным и внушительным романом.

Критики использовали самые красочные эпитеты, характеризуя роман «Обладать»: *dazzling* (ослепительный), *brilliant* (блестящий), *virtuosic* (виртуозный), *transfixing* (пронзительный), *(gigantic treasure* (несметная сокровищница), *magical performance* (магическое действие), а *masterpiece of wordplay and adventure* (мастерская игра слов и интрига).

Один из обозревателей новинок на российском книжном рынке как-то метко заметил, что «романом «Обладать» Байетт выразила счастье быть филологом». Роман характеризовали как «филологический квест», «шедевр викторианского постмодернизма», «энциклопедия викторианской жизни», «филологический кроссворд», «романтический роман-загадка», по словам же автора – «a web of scholarly quotations and parodies», «a cobwebby palimpsest»...

Само название «Possession», сложное при переводе на русский язык, становится ключом к пониманию всего произведения. Однажды, еще в

60-е гг., наблюдая за работающей в каталогах библиотеки исследовательницей С. Кольриджа Кэтлин Коберн, Байетт задается вопросом: «Does he possess her, or does she possess him?» (Он ли владеет ею, или она им?) и, по ее собственным словам, задумывается о романе о взаимоотношениях мертвых и живых.

Позднее в 80-е гг. автор, уже известная своей литературоведческой работой «Вордсворт и Кольридж и их эпоха» и читающая в тот момент лекции по творчеству Роберта Браунинга, Джордж Элиот, Генри Джеймса, приходит к мысли о многозначности и различных интерпретациях самого понятия «possession» в английском языке, кроме того, Байетт подмечает, что «possession» обозначает нечто одновременно «the daemonic and the economic» (демоническое и практическое), а переписка супругов Браунинг убеждает писательницу в том, что английское «possession» употребляется, прежде всего, «in sexual connotation» (в коннотации половых отношений), это и определяет выбор названия для будущего романа.

Сюжет романа развивается в двух временных пластах одновременно, перед нами XX век и прошлое, XIX век. Современные исследователи творчества викторианских поэтов Роланд Митчелл и Мод Бейли случайно обнаруживают любовную переписку Рандолфа Эша, которым занимается Митчелл, и Кристabelle Ла Мотт, чьи поэмы анализирует Мод Бейли на протяжении многих лет. Найденная переписка кардинально меняет представления исследователей о творчестве писателей, их жизни и смысле их произведений. За письмами начинают охотиться все современные исследователи творчества этих двух викторианских поэтов, что создает в романе напряженную детективную интригу, разрешившуюся весьма неожиданно еще одной сенсацией – родством исследовательницы Мод Бейли с викторианской поэтессой Кристabelle Ла Мотт.

Зарубежные исследователи (Бо Лунден, Ричард Тодд, Фредерик Холмс, Дана Шиллер) напрямую связывают главных героев романа Рэндольфа Генри Эша (Падуба – в русском переводе) и Кристabelle Ла Мотт с их прототипами: Эш – Роберт Браунинг (отчасти Альфред Теннисон), Кристabelle – Эмили Дикинсон (отчасти Кристина Росетти), проводя многочисленные параллели между перепиской героев в романе и перепиской супругов Браунинг.

Действительно, А.С. Байетт внимательно изучала переписку Роберта и Элизабет Браунинг, особенно их любовные письма друг к другу, однако писательница подчеркивает то огромное влияние, которое оказали на нее семитомная переписка Джордж Элиот и обстоятельства, связанные с погребением писем вместе с писательницей, и воссоздает в романе схожую ситуацию – эпизод с эксгумацией «grave robbery».

Байетт заключает по прочтении писем Дж. Элиот, что многое из жизни знаменитых лич-

ностей прошлых столетий укрывается от глаз их биографов и критиков, что их «real passionate self is splendidly absent from the letters kept by the people who kept them»⁵. Биографии, по мнению писательницы, представляют собой по большому счету игру теней («shadow-play»), а то, что действительно имеет большое значение, ускользает от внимания исследователей, оказывается упущенным.

«Possession» – «роман об интертекстуальности», утверждаем мы вслед за Н.Б. Хараг⁶, диалогичность выступает здесь как организующее начало: на это указывают, прежде всего, два временных уровня – 80-е годы XX века и середина XIX века, дублирование сюжета – развитие романтических отношений между учеными-исследователями XX и поэтами XIX века, двухфабульное повествование – намеренное чередование глав о событиях прошлого с главами о событиях современности, бесконечные параллелизмы в повествовательной технике, образы-двойники (Мод Бейли и Кристибель Ла Мотт).

«My mind has been full since childhood of the rhythms of Tennyson and Browning, Rosetti and Keats, I read and reread Emily Dickinson... and I found I was possessed» (Мое сознание с детства было наполнено строками из Теннисона, Браунинга, Росетти и Китса, я читала и перечитывала Эмили Дикинсон, и обнаружила, что они мной завладели), пишет Байетт в своем предисловии к роману, объясняя появление в нем выходящих из-под пера поэм в духе XIX века.

В романе Байетт поэмы, дневники, десятки писем стилизованы под XIX век, кроме того, текст романа пронизан строками из Вордсворта, Колриджа, Теннисона, Браунинга, Кристины Росетти, а также содержит легенды, тайны, отрывки биографий, что характерно для писательниц эпохи королевы Виктории. Таким образом, в романе создается своеобразное лоскутное одеяло («patchwork») из стихов, писем и прозы.

Прошлое опутимо с первых же страниц повествования: во-первых, благодаря образу библиотеки, архивов, покрытых «Victorian dust»⁷, где главные герои проводят довольно много времени; благодаря «decaying Victorian houses»⁸, где они обитают, или «Victorian Gothic» поместьем Сил Корт⁹, гостями которого они становятся. Свою находку (переписку поэтов-викторианцев, никому до тех пор неизвестную) Мод Бейли считает настоящей сенсацией: «It's as though you'd found – Jane Austen's love letters»¹⁰.

На первых же страницах романа упоминаются Томас Карлейль и Джордж Элиот, посещавшие ту самую Лондонскую библиотеку, ставшую любимым местом пребывания главного героя романа Роланда Митчелла, а сам он проживает в полуподвальном этаже ветшающего дома викторианских времен. Чуть позднее появляется образ черной кружевной мантильи, некогда носимой Джордж Элиот (будучи любимой писательницей самой

А. Байетт Джордж Элиот не раз появляется на страницах романа «Обладать», даже само видение истории, так называемое «historical imagination» у Байетт тяготеет к Элиотовскому изображению истории в «Миддлмарче»).

Переплетение настоящего и прошлого на уровне сюжета, а также присутствие в тексте романа предметов, перешедших к героям из прошлого (например, часы Рэндольфа Эша у Мортимера Кроппера, брошь Кристибель Ла Мотт у Мод Бейли), является подтверждением неразрушимой связи времен, объяснением испытываемых героями неудач и подчеркивает необходимость обращения к прошлому в поиске смысла настоящего.

Ю.С. Райнеке, суммируя отличительные признаки произведения, написанного в жанре историографического романа, выделяет присутствующие в нем следующие средства и образы для описания отношений современного человека и прошлого:

– найденный артефакт, свидетельство о прошлом (портрет, рукопись, письмо и т.д.), который меняет устоявшуюся картину этого прошлого;

– персонаж, одержимый прошлым, идет по следу поэта, писателя, распутывает загадки прошлого;

– мотив подделки демонстрирует ложность представлений о прошлом, недоступность прошлого;

– игра со временем, смешение временных слоев указывают на тесную взаимосвязь прошлого и настоящего, влияние прошлого на настоящее;

– вкрапление в повествование воспоминаний, легенд, отрывков произведений вымышленных или реальных поэтов (писателей), писем;

– вопросы, адресованные читателю и остающиеся без ответа;

– открытый финал повествования»¹¹.

Все выделенные исследовательницей признаки постмодернистского историографического метаромана в целом заложены в основе романа «Обладать»: найденный артефакт – черновики писем Рэндольфа Эша; персонажи, одержимые прошлым – Роланд Митчелл и Мод Бейли; мотив подделки обнаруживается в эпилоге, когда читатель узнает о неизвестной исследователям встрече Эша с дочерью Майей; игра со временем, переходы из настоящего в прошлое и наоборот, пронизывает все текстовое пространство романа; письма поэтов-викторианцев, их поэмы, отрывки из дневников также представлены в полном объеме; диалог с читателем начинается с первых слов эпилога, а открытый финал повествования лишь подтверждает тезис «прошлое живет своей жизнью» и отражает концепцию времени современного исторического постмодернистского романа, говорит о неком приобретении прошлого, необходимости его воссоздания и переосмысления.

Термин «историографический метароман», введенный Линдой Хатчеон, применительно к ро-

манам А.С. Байетт оспаривается новым термином «неовикторианский роман», предложенным Даною Шиллер в статье «Спасительное прошлое в неовикторианском романе» (*The Redemptive Past in the Neo-Victorian Novel*, 1997). Исследовательница объясняет новую модификацию жанра современного историографического романа как «characteristic of postmodernism and imbued with a historicity reminiscent of the nineteenth-century novel» (характерную для постмодернизма и насыщенную историчностью, напоминающей романы XIX века)¹². Проводя многочисленные параллели между романом «Possession» Байетт и романом «Middlemarch» Дж. Элиот, Дана Шиллер приходит к выводу о том, что современные неовикторианские романы «показывают постмодернистское настоящее, насыщенное сюжетами прошлого и бесценно ими обогащенное» («show the postmodern present to be utterly emplotted by the past and immeasurably enriched by it»)¹³.

«Greedy rewriting» (термин А.С. Байетт), «recovering the past» (Малколм Брэдбери), «furtive nostalgia for the past», «acts of homage», «retrospective fiction», «writing backwards», «fin-de-siecle fiction» – так характеризуют 80-е и 90-е годы XX века в английской литературе современные ее исследователи.

Нахождение в «Possession» викторианских корней начинается с определения жанра романа, и, несмотря на заявленный автором «romance» – романтическая повесть, присутствующий в заглавии («романтическая повесть»), роман можно соотносить с диккенсовским «coincidental novel» (романом совпадений) и одновременно с романом воспитания в стиле Бронте.

Случайное открытие Роналдом переписки между Эшем и Ла Мотт представляется подобным случайной встрече маленького мальчика с каторжником, встрече, которая определит всю его будущую жизнь. Ощущения, испытываемые Мод в антикварном магазине, где продаются броши, или при чтении последнего раскрывающего все тайны романа письма сродни ощущениям девушки, которая после побега из Торнфилда попадает в Марш Энд, где находит не только благожелательно настроенных к ней родственников, но и неожиданно свалившееся на нее наследство.

Эпизод о случайном знакомстве главных героев с Джоан Бейли в поместье Сил Корт перекликается с эпизодом знакомства Джейн с мистером Рочестером.

Присутствие в романе совпадений (например, прямое родство Мод Бейли с Кристабель ЛаМотт по линии Майи, случайное нахождение писем, благодаря вдруг вспомнившемуся Мод кукольному стихотворению Кристабель), наличие множественных сюжетных линий, все это приближает «Possession» к романам XIX века.

Поиск непреходящей истины, источника знания является составляющей традиционного романа

воспитания, и в романе «Possession» также представлен процесс становления личности, обретения истины главными героями.

Таким образом, совсем неслучайно сопоставление романа «Обладать» с романом Ш. Бронте «Джейн Эйр». В обоих случаях перед нами варианты женского романа со 140-летней разницей выхода в свет, определяющей, казалось бы, все исходящие отсюда различия. И все же оба романа имеют общие черты, прежде всего, в изображении женских персонажей, доминирующих над мужскими, мужских же – как зависимых во многом от женских.

Бронте показывает женщин, превосходящих мужчин по богатству духовного мира и прочности моральных устоев, Байетт возвышает Мод над Роландом несколько иначе: по общественному положению, экономической независимости. Первоначально Мод для Роланда – нечто недостижимое: «in the real world... there was little connection between them»¹⁴, он ощущает отсутствие какой-либо возможности сближения и обладания ею, Мод для него становится неким духовным центром, без которого он самостоятельно состояться неспособен.

В этом опять чувствуется связь с викторианской эпохой, с утверждением превосходства (superiority) женского начала над мужским. Мод завладевает чувствами Роланда, возвышается над ним, невольно подчиняя его своей власти: «she held his time, she contained his past and his future... This is my centre, he thought, here, at this place, at this time...»¹⁵

Кроме того, параллель между «Обладать» и «Джейн Эйр» можно проследить в сопоставлении героинь, принадлежащих к одной эпохе, – Джейн и Кристабель Ла Мотт. Обе они – представительницы среднего класса, не обладающие состоянием и поддержкой семьи и считающие себя самодостаточными личностями, обе оказываются в ситуации выбора, обе исчезают, будучи не в силах смириться с создавшимся положением. Безусловно, Джейн является больше «викторианкой» в своих поступках, нежели Кристабель, но все же эти параллели можно явственно проследить лишь по замечанию одного из персонажей романа:

«If she [Christabel] resembles a governess I am sure that she resembles the romantic Jane Eyre, so powerful, so passionate, so observant beneath her sober exterior»¹⁶.

Кроме того, в романе «Обладать» в одном из писем Кристабель Ла Мотт содержится аллюзия на один из фактов биографии самой Шарлотты Бронте, связанный со стихотворением, посланным Роберту Саути для оценки и получившим весьма сдержанную похвалу писательнице.

Будучи филологом по образованию и большим любителем английской литературы вообще, а уж XIX века в частности, Антония Байетт буквально пронизывает свое повествование духом романа XIX века, что приводит к упоминанию в

романе дневников Элизабет Гаскелл, фактов биографии Джордж Элиот, Чарльза Диккенса, Энтони Троллопа. Свадебная фотография Майи – дочери Эша и ЛаМотт – копия диккенсовской Мисс Хэвишем, а вопрос об авторских правах на переписку напоминает похожую ситуацию из «Холодного дома». И уж совсем по-викториански в эпилоге Байетт вводит в повествование теккереевского всезнающего автора, одновременно с этим бросая вызов последовательному процессу обладания тайной, который окажется в итоге совершенно бессмысленным, т.к. истинное положение вещей навсегда окажется скрытым от глаз исследователей – героев романа, но не читателей.

«There are things that happen and leave no historical trace, are not spoken or written of, though it would be very wrong to say that subsequent events go on indifferently, all the same, as though such things had never been» ...¹⁷

«Мы восхищаемся у викторианцев тем, чего сами не имеем», – замечает сестра Байетт Маргарет Дрэбл¹⁸, другие авторы утверждают, что они «feel secured by the past». Викторианская литература выступает некой точкой отсчета для писателей конца XX века, сокровищницей и одновременно хранительницей традиции.

Современный английский роман выходит на новый уровень повествования, позволяя, с одной стороны, вернуться в прошлое и вдоволь насладиться рисуемой в романах атмосферой викторианства, с другой же стороны, приблизиться к решению вопросов, напрямую связанных с проблемами века XX.

¹ Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший...» Английский роман XIX века в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1990. С. 9.

² Касаткина Е.Н. John Bull вздремнул, или «Fin de siècle» по-английски // Новый мир. 2000. №8. С. 196.

³ Lodge D. The Art of Fiction. 1992. P. 206.

⁴ Струков В.В. Художественное своеобразие романов П. Акройда (к проблеме британского постмодернизма). Дис. ... канд. фил. наук. Воронеж, 1998. С. 158.

⁵ Byatt A.S. In the grip of Possession // The Independent (London). 1995. Feb. 2.

⁶ Харга Н.Б. Интертекстуальность в сюжетно-композиционной структуре романа А. Байетт Possession // Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода/ Сб. статей Studia Linguistica. 7. СПб.: Тригон, 1998. С. 284.

⁷ Byatt A.S. Possession: A Romance. New York: Vintage International, 1990. P. 5.

⁸ Ibid. P. 11.

⁹ Ibid. P. 62.

¹⁰ Ibid. P. 100.

¹¹ Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия). Дис. ... канд. фил. наук. М., 2002. С. 147–148.

¹² Shiller D. The Redemptive Past in the Neo-Victorian Novel // Contemporary Literary Criticism. Vol. 136. Ed. J.W. Hunter. Detroit; 2001. P. 183.

¹³ Ibid. P. 198.

¹⁴ Byatt A.S. Possession. Vintage. A Romance. New York: Vintage International, 1990. P. 459.

¹⁵ Ibid. P. 312.

¹⁶ Ibid. P. 365.

¹⁷ Ibid. P. 552.

¹⁸ Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший...» Английский роман XIX века в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1990. С. 478.

ТРАДИЦИОННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В «ПОВЕСТВОВАНИЯХ» И ПУБЛИЦИСТИКЕ БЫВШИХ РАБОВ

И.М. Удлер

К числу традиционных американских ценностей относится «уважение к главным общественным институтам – к семье, религии, общине», к демократическим свободам и правам человеческой личности (право на свободу, «право личности на владение собственностью»¹, связь личной свободы с экономической независимостью), к американской Конституции, в которой закреплены эти права. Как воспринимали эти ценности африканцы, доставленные в Америку в цепях, совершившие на невольничьих кораблях «Middle Passage», и их потомки, также ставшие рабами?

Ценнейший материал для ответа на этот вопрос предоставляют многочисленные (свыше шести тысяч) «повествования» бывших рабов (slave narratives), чаще всего беглецов из рабства, публицистика и три автобиографические книги Ф. Дугласа.

Основные американские ценности были приняты и стали платформой, опираясь на которую авторы «невольничьих повествований», чернокожие аболиционисты подвергали критике рабство как противоречащее американской Конституции, христианству, американской системе ценностей.

Религией рабов на американском Юге стало христианство (методистская, баптистская церкви с их личностным подходом, с тезисом о вознаграждении земных страданий в загробном мире). «Для народа, угнетенного рабством, гонения на ранних христиан и мучения распятого Христа были понятными. <...> Из нищеты Иисуса Христа, из Его жизни во благе и служении, из Его смерти и установления Его церкви на земле рабы были в состоянии извлечь существенные аналогии и сделать необходимые выводы. <...> религия предоставила рабам не только способы бегства от испытаний каждодневной жизни, но также и возможность утвердить себя как личность»². Поэтому для африканцев, оказавшихся в Новом Свете, и их потомков, первой, на долгое время единственной и на всю жизнь главной книгой стала Библия. Об этом пишут в своих «повествованиях» Джон Квинси Адамс, Уильям Андерсон, Фредерик Дуглас, Питер Рэндолф, Олодо Эквиано.

Для африканца Олодо Эквиано, проданного в рабство, Библия стала самой любимой книгой: «Я был потрясен, что в ней с такой точностью были записаны законы и обычаи моей страны»³. Он сочинил стихи, посвященные его обращению в христианство, и выразил в них свою веру, простую, искреннюю, глубокую:

Thus light came in, and I believ'd;
Myself forgot, and help receiv'd!
My Saviour then I know I found.
For, eas'd from guilt, no more I groan'd⁴.

Чтение вслух Библии миссис Олд, хозяйкой Ф. Дугласа, пробудило в мальчике интерес к «этому замечательному искусству», «к таинству чтения и вызвало желание учиться», и он попросил научить его читать⁵. У. Андерсон вспоминает: «Когда я был маленьким, у меня было два желания: – стать добрым христианином и как следует изучить Библию»⁶.

Дж. Адамс пишет о том, как был рад и счастлив его отец, самостоятельно научившийся читать Библию⁷. Он последовал примеру отца: «Самое замечательное, что я могу читать Божье Слово, ведущее меня по пути, которым Он велел мне идти. Когда я только начинал учиться читать, я сказал себе, что, если я только научусь читать Библию, я буду полностью удовлетворен»⁸.

П. Рэндолф, обратившись к Богу и почувствовав, что он призван стать проповедником рабов, понял, что он должен научиться «читать Библию, – великую книгу Бога, – источник всех знаний. Это было мое величайшее желание – свободно читать эту книгу. Я думал, что она написана самим всемогущим Богом. Я любил эту книгу, и молился по ней, и трудился до тех пор, пока не смог ее читать. Обычно я ходил в церковь слушать белого проповедника. Я слушал текст, который он читал, и должен был читать его по книге, принесенной с собой. Вот как, дорогие читатели, я научился читать, когда был рабом»⁹.

Гарриет Джейкобс вспоминает, как охотно, прилежно и успешно, втайне от белых, под реальной угрозой жестоких кар и для учителя, и для ученика учился читать под ее руководством пятидесятирехлетний дядя Фрэд, который очень хотел научиться грамоте, чтобы читать Библию, жить по Божьему слову и быть ближе к Богу¹⁰. Сама Г. Джейкобс оценивает грамотность, умение читать как «Живительный Источник для душ, которые жаждут его»¹¹. В Библии, «Божьем Слове», они, новообращенные христиане, искали высшую истину, Божье откровение, Веру. Христианская религия и Библия оказали сильнейшее воздействие на их мировоззрение, нравственные ценности, жизненное поведение, язык и художественное творчество.

В «невольничьих повествованиях» широко используются библейские сюжеты, темы, мотивы, персонажи, цитаты, аллюзии, образность, топонимика, лексика, пафос, стиль, ритм, жанровые разновидности. Автобиографические герои «невольничьих повествований» обращаются к Богу с эмоциональной молитвой, верят в Провидение, Божье возмездие, в день Суда над грешниками – белыми южанами, воссоздают свой жизненный путь как духовное обращение, веру в спасение души на не-

бесах соединяют со свободой от рабства. Для рассказа о своем опыте духовного и физического освобождения от рабства они часто избирают ставшую к началу XIX в. традиционной форму пуританских дневников, автобиографий, заметок автобиографического характера, предназначенных для запечатления пуританского опыта жизни по Божьим заповедям. Авторы критикуют рабство с точки зрения христианских представлений о нравственности, видят дьявольский характер рабства, отождествляют рабовладельческий Юг с адом, а рабовладельцев – с исчадиями ада, носителями дьявольского, демонического начала.

Они отождествляют себя и свой народ с Иисусом Христом, идущим на Голгофу (*Jesus Walked This Lonesome Valley*), с древними евреями, оказавшимися в египетском рабстве и в вавилонском пленении, называют себя «избранным народом». Проданные белым отцом и белыми братьями на другие плантации отождествляют себя с Иосифом. Рабовладельцев отождествляют с египетскими фараонами, с обреченными жителями Содомы и Гоморры. Любимый сюжет, на который созданы лучшие спиричуэлс, на который постоянно ссылаются автобиографические герои «невольничьих повествований», взят из Книги Исхода. История «исхода» еврейского народа из Египта стала в спиричуэлс и «невольничьих повествованиях» эмоционально пережитой метафорой жизни невольников на американском Юге, их Египте, их глубокой веры в грядущее освобождение. Моисей стал братом по вере, любимым героем, образом вождя, который выведет народ из рабства (*Let My People Gone*).

Географические понятия «Иерусалим», «Сион», «Иерихон», «Иордан», «Ханаанская земля» стали метафорами прекрасной и свободной страны, прекрасного и свободного города, высокой цели, к которой следует стремиться. Север, Канада, где вчерашние рабы обретут свободу, стали их Ханааном.

О глубине влияния христианской религии свидетельствует и то, что многие авторы «невольничьих повествований» стали проповедниками (С. Бейли, Дж. Хенсон, Н. Дэвис, Дж. У. Лоугуэн, Дж. Пеннингтон, С. Уорд). Вместе с тем практика христианской церкви на американском Юге, оправдывавшей рабство, была подвергнута авторами «невольничьих повествований» резкой критике с точки зрения основ христианской религии и морали. Начало было положено в XVIII в., когда Юпитер Хэммон, нью-йоркский поэт и эссеист, в своей поэме *A Dialogue Between the Kind Master and the Dutiful Servant* писал от имени слуги, что он не может следовать путем своего религиозного хозяина, так как тот рабовладелец и дурно обращается с рабами. Поэтому он не является истинным христианином. Эта мысль была продолжена и получила дальнейшее развитие в произведениях беглых рабов, где подчеркивается резкий разрыв ме-

жду сутью христианства и его воплощением в жизнь рабовладельцами.

Г. Джейкобс, У. Браун, Г.Б. Браун, Ф. Дуглас, как и многие другие авторы «невольничьих повествований», критикуют церковь Юга, которая освящает и поддерживает рабство и проповедует рабам смирение и покорность.

Г. Джейкобс развенчивает лицемерную религиозность рабовладельцев и противопоставляет ей искреннюю, глубокую, человеческую веру рабов. Контрастом, проходящим через всю книгу «Эпизоды из жизни рабыни», являются истинные христианские добродетели ее бабушки и лицемерие, фарисейство, под которыми скрываются алчность, жестокость и безнравственность, доктора Флинта.

Джейкобс посвящает проблеме «Церковь и христианство» отдельную, XIII главу, лейтмотивом которой стал спиричуэл, сатирически изображающий Сатану:

Old Satan is one busy ole man;
He rolls dem blocks all in my way;
But Jesus is my bosom friend;
He rolls dem blocks away.

If I had died when I was young,
Den how my stam'ring tongue would have sung;
But I am ole, and now I stand
A narrow chance for to tread dat heavenly lands¹².

Эта песня была очень популярна и широко распространена среди рабов. Записанный полковником Т. Хиггинсоном спиричуэл «Небесная дорога» (*The Heavenly Road*) содержит идентичную строфу о Сатане:

O, Satan is a mighty busy ole man,
And roll rocks in my way;
But Jesus is my bosom friend,
And roll 'em out of de way¹³.

Аналогичная строка («O, Satan is a busy man») встречается и в записанной Т. Хиггинсоном песне «Веди меня, добрый Спаситель» (*Ride In, Kind Savior*)¹⁴.

Г. Джейкобс использовала спиричуэл в качестве сатирического обрамления эпизода, который она часто вспоминает и который стал еще одним доказательством несправедности рабовладельцев. Во время молитвенного собрания в методистской церкви, которое вел «человек, покулавший и продававший рабов, поровний духовных братьев и сестер – прихожан своей церкви», он наставлял молиться Богу несчастную мать-рабыню, у которой накануне продали ее последнего ребенка. Голос этой несчастной – плач матери. Контрастом ее истинной вере и глубочайшему горю являются его напыщенные и лицемерные поучения. И тогда рабы «начали петь гимн и пели его свободно, как птицы»:

Ole Satan thought he had a mighty aim;
He missed my soul, and caught my sins.
Cry Amen, cry Amen, cry Amen to God!
He took my sins upon his back;
Went muttering and grumbling down to hell.
Cry Amen, cry Amen, cry Amen to God!

Ole Satan's church is here below.
Up to God's free church I hope to go.
Cry Amen, cry Amen, cry Amen to God!

Г. Джейкобс комментирует: «Такие моменты драгоценны для бедных рабов. Если бы вы слышали их в такие минуты, вы могли бы подумать, что они счастливы. Но мог ли этот час пения и молитв поддержать их в течение тоскливой недели, тяжкого, беспросветного труда, постоянного страха перед наказанием?»¹⁵.

В вину рабовладельцам Г. Джейкобс ставит и запрещение учиться грамоте. Наследница сатирического духа афро-американских фольклорных песен, владеющая искусством фольклорной афро-американской проповеди, Г. Джейкобс с сарказмом пишет о язычниках-рабовладельцах: «Церковь посылает Библию язычникам за границу и пренебрегает язычниками у себя дома. Я рада, что миссионеры едут в самые глухие уголки земного шара; но я прошу их не пренебрегать темными углами у нас дома. Побеседуйте с американскими рабовладельцами, как вы говорите с дикарями в Африке. Объясните им, что это грех – торговать людьми. Объясните им, что это великий грех – продавать своих детей; объясните им, что это отвратительно – насилловать своих дочерей. Объясните им, что все люди – братья и что человек не имеет права лишать света знаний своих братьев. Объясните им, что они ответят перед Богом за то, что перекрывают Источник Жизни для душ, которые жаждут его»¹⁶.

Вся глава – убедительное и эмоциональное доказательство парадокса: неграмотные рабы, а рабовладельцы – язычники, которым неведомы нравственные заповеди Христа. Вывод автора: «Существует огромная разница между христианством и религией Юга»¹⁷.

Ф. Дуглас снабдил свое «Повествование» полемическим приложением, в котором пишет об огромной разнице между «христианством этой страны и истинным христианством»: «Я люблю чистую, миролюбивую и справедливую религию Христа; следовательно, я ненавижу продажную, рабовладельческую, избивающую женщин плетьюми, грабительскую, несправедливую и лицемерную христианскую религию этой страны. Поистине я не вижу никаких оснований, кроме самых лживых, называть религию этой страны христианской»¹⁸.

Церковь и ее служители, с точки зрения Ф. Дугласа, – преступное орудие рабовладельческого общества: «Колокольчик распорядителя на аукционе и церковные колокола звенят в унисон, и душераздирающий крик раба тонет в громких молитвах его набожного хозяина. Религия и работорговля идут рука об руку. Невольничья тюрьма и церковь располагаются рядом. Звон кандалов и цепей в тюрьме и торжественное богослужение можно услышать в одно и то же время. Торговцы телами и торговцы душами людей <...> являются

сообщниками. Торговец жертвует церкви золото, забрызганное кровью, а церковь в ответ освящает его дьявольский бизнес авторитетом христианства. Религия и разбой – союзники дьявола, одетые в ангельские одеяния, ад, прикидывающийся раем»¹⁹.

Ф. Дуглас приводит строки из сатирического стихотворения Дж. Г. Уиттьера «Церковники-угнетатели». В нем поэт-аболиционист обличает служителей церкви, которые «проповедуют и похищают людей»²⁰.

Ф. Дуглас включил в «Приложение» и свои собственные стихи – пародию на «Небесный союз», духовный гимн, который часто пели в церквях Юга²¹.

Генри Бокс Браун вспоминает, как в Рождество во время исполнения духовных песен в церкви после слов:

Again the day returns of holy rest,
Which, when he made the world, Jehovah blest;
When, like his own, he bade our labours cease,
And all be piety, and all be peace –

доктор Смит, к удивлению присутствовавших, внезапно перестал петь и сел на свое место с глазами, полными слез. Г. Браун, ведущий солист хора, догадался, в чем дело, и его предположения подтвердил сам доктор Смит. «Его охватило чувство, что «он поступает дурно, когда поет эти песни с целью получения денег в помощь тем, кто покупает и продает своих собратьев. Он почувствовал в этот момент, что Бог осуждает его за помощь религии рабовладения; и он под этим впечатлением закрыл свой песенник и принял решение, которого он придерживается до сих пор, не принимать участия в службе в прорабовладельческой церкви. Сейчас он живет в Новой Англии и открыто выступает за освобождение рабов». И сам Г. Браун во время исполнения духовных гимнов принял такое же решение: «...никогда больше не помогать этим кровавым торговцам телами и душами людей. И с тех пор я твердо придерживался своего решения»²².

В системе традиционных американских ценностей важную роль играют свободы и права граждан, закрепленные в Конституции. Наиболее последовательно и системно поправленные права и свободы черных американцев отстаивал Ф. Дуглас.

С конца 40-х годов назревал конфликт и надвигался неизбежный разрыв Дугласа с гаррисоновским крылом в аболиционистском движении. Помимо патерналистского подхода к чернокожим, который Дуглас отверг, они разошлись в оценке Конституции Соединенных Штатов, в подходе к распаду Союза и выборе способов борьбы с рабством. У.Л. Гаррисон обличал американскую Конституцию как «договор со смертью и соглашение с адом»²³. Он считал ее прорабовладельческой и потому выступал против необходимости сохранения основанного на этой Конституции Союза («disunion»). Единственным средством борьбы с рабством У.Л. Гаррисон и его сторонники считали

убеждение, пассивное сопротивление, непротивление злу насилием («non-resistance»), отвергали необходимость насильственных и даже политических средств борьбы, в том числе и участие в голосовании («non-voting principle»).

Ф. Дуглас пришел к выводу о том, что Конституция Соединенных Штатов является антирабовладельческой и, следовательно, рабовладение – «беззаконная система насилия; что оно никогда не было юридически законным и никогда не будет считаться таковым; и что первая обязанность каждого американского гражданина... использовать не только средства морального убеждения, но и политические средства для ликвидации рабства»²⁴. Важнейшим политическим средством Дуглас стал считать активное участие в избирательных кампаниях и голосовании. «Рабовладельцы управляли страной с помощью правительства в течение последних пятнадцати лет. Пусть враги рабства руководят нацией в течение следующих пятидесяти лет»²⁵ – это сказано Дугласом 26 марта 1860 г. в речи «Конституция Соединенных Штатов – про-рабовладельческая или антирабовладельческая?». Тогда же, еще до выдвижения в мае 1860 г. кандидатуры А. Линкольна, были произнесены пророческие слова: «Давайте предположим, что президентом США станет противник рабства (день, когда это произойдет, уже не за горами), и этот президент покончит с рабством»²⁶.

Дуглас подверг резкой критике лозунг Гаррисона «Никакого союза с рабовладельцами», ибо отказ от сохранения Союза означал отказ от помощи рабам, предоставление их самим себе и «освобождение Севера от ответственности за рабство»²⁷. Тем самым Американское антирабовладельческое общество отказывается от своей главной цели – освобождения рабов. Дуглас отстаивает другой лозунг – «Никакого союза с рабовладельцами», что означает обновленный Союз, «в каждом штате которого будет ликвидировано рабство»²⁸.

В мае 1851 г. произошел разрыв Дугласа с Гаррисоном и его сторонниками. Дуглас выступил на ежегодном собрании членов Американского антирабовладельческого общества с изложением своих новых взглядов. Логическим завершением в дальнейшем станет требование избирательного права для чернокожих. Резкое неприятие Дугласа вызвал показавшийся многим, в том числе и президенту А. Линкольна, спасительным выходом план колонизации, переселения черной расы в Центральную Америку или Африку. Плану колонизации Ф. Дуглас противопоставил интеграцию, наделение чернокожих равными с белыми правами, в том числе правом избирать и быть избранными, создание качественно нового Союза, основанного на истинно традиционных американских ценностях, «на великих принципах свободы и равенства»²⁹.

Таким образом, афро-американцы конца XVIII–XIX вв. в своей жизни, борьбе с рабством,

творчестве опирались на традиционные американские ценности и отстаивали их, выступая против их девальвации и искажения. Их традиции унаследовали ведущие афро-американские писатели XX – начала XXI в. Например, отношение к христианской религии создателей «невольничьих повествований», влияние Библии и проповеди на их мировидение, стилистику и язык стали архетипическими для всей афро-американской литературы.

¹ Пайнс Б. Назад к основам // США: Консервативная волна / Пер.с англ.; Введ. и общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М., 1984. С. 27–28.

² Williams K.J. They Also Spoke: An Essay on Negro Literature in America, 1787–1930. Nashville, Tennessee: Townsend Press, 1970. P. 51–52.

³ Equiano O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Herself. In 2 vols. London: Author, 1789. Vol. 1. P. 172.

⁴ Ibid. Vol. 2. P. 159.

⁵ Douglass F. Life and Times of Frederick Douglass, Written by Himself: His Early Life as a Slave, His Escape from Bondage, and his Complete History to the Present Time. Reprinted from the rev. ed. 1892. New York: Colliers Books, 1962. P. 78.

⁶ Anderson W.L. Life and Narrative of William J. Anderson. Chicago: Daily Tribune Book and Job Printing Office, 1857. P. 8.

⁷ Adams J.K. Narrative of the Life of Jones Quincy Adams, When in Slavery, and Now as a Freeman. Harrisburg, Pa: Sieg, 1872. P. 10.

⁸ Ibid. P. 13.

⁹ Randolph P. Sketches of Slave Life: Or, Illustrations of the “Peculiar Institution”. Boston: The Author, 1855. P. 26.

¹⁰ Jacobs H. A. Incidents in the Life of a Slave Girl. Written by Herself. Boston: The Author, 1861. P. 112.

¹¹ Ibid. P. 113.

¹² Ibid. P. 108.

¹³ Higginson T.W. Negro Spirituals // Atlantic Monthly. June 1867. Vol. XIX. No. 116. P. 691–692.

¹⁴ Ibid. P. 687.

¹⁵ Jacobs H. A. Incidents in the Life of a Slave Girl...P. 108–109.

¹⁶ Ibid. P. 113.

¹⁷ Ibid. P. 115.

¹⁸ Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave, Written by Himself. Boston: Anti-Slavery Office, 1845. P. 118.

¹⁹ Ibid. P. 119–120.

²⁰ Ibid. P. 120.

²¹ Ibid. P. 124–125.

²² Brown H.B. Narrative of the Life of Henry Box Brown, Written by Himself. Manchester: Printed by Lee and Glynn, 1851. P. 48–49.

²³ Цит. по: Washington B.T. Frederick Douglass. London: Hodder and Stoughton, 1906. P. 128.

²⁴ The Life and Writings of Frederick Douglas: In 5 vols / Ed. by Ph.S. Foner. New York: International Publishers, 1950–1975. Vol. 2. New York, 1952. P. 156.

²⁵ Ibid. P. 480.

²⁶ Ibid. P. 473.

²⁷ Ibid. P. 350.

²⁸ Ibid. P. 353.

²⁹ Ibid. P. 396.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ДЖ. ТУМЕРА

Е.В. Шустрова

Объектом нашего исследования стало изучение использования различных типов концептуальной метафоры в идиостиле афроамериканских писателей XVIII–XX вв., в целом и в период так называемого Гарлемского Ренессанса (1920–1929 г.), в частности. Одним из наиболее ярких представителей этого литературного течения по праву считается Джин Тумер. В данной статье представлена попытка анализа особенностей тропической структуры сборника рассказов и стихов Дж. Тумера под названием «Тростник» («Cane»).

Сборник состоит из трех основных частей. Действие первой части разворачивается на фермах юга США, и главными персонажами нескольких отдельных рассказов становятся черные и белые южанки. Вторая часть повествует о городской жизни, в основном это Чикаго и Вашингтон. Третья часть под названием «Kabnis» представляет собой небольшую пьесу, снова возвращающую нас на юг. Все три части объединены единой темой поиска и обретения человеком самого себя, примирения со своим «я», определением своего социального и расового статуса. Это направление широко представлено во всей мировой литературе, но в афроамериканском литературном наследии оно имеет свои особенности, которые мы и пытаемся проследить, и в творчестве Дж. Тумера эта проблема получает новое звучание, отличное от реализации подобной тематики в ранних афроамериканских произведениях. В последствии многие черты образов, введенных в контекст и получивших конкретное развертывание у Дж. Тумера, широко заимствуются А. Уоркер, Т. Моррисон, Т.К. Бамбарой, Г. Нейлор и другими современными афроамериканскими писателями и включаются в качестве развернутой метафоры в макротекст афроамериканской литературы конца XX века.

Все части «Тростника» имеют единую систему образов, реализованную различными видами концептуальной метафоры. В соответствии с традициями когнитивного подхода под концептуальной метафорой мы понимаем три основных группы тропов, а именно *метафорическую* группу (сравнение, метафора, эпитет, олицетворение); *метонимическую* группу (метонимия, синекдоха); *смешанную* группу (аллегория, антономасия).

Дж. Тумер использует четыре основные концептуальные метафоры, которые сливаются в единое целое. Это образы растения, голоса или песни, огня и Бога. Проследим реализацию этих концептов на конкретном текстовом материале.

Сборник открывает рассказ «Karintha». В данном случае с помощью использования приемов сравнения, метафоры и аллегии Дж. Тумер по-

вествует о взрослении ребенка, превращении девочки в юную женщину, прекрасную как южный цветок и манящую как всполохи огня или свет заходящего солнца.

Karintha, at twelve, was a wild flash that told the other folks just what it was to live¹.

Even the preacher, who caught her at mischief, told himself that she was as innocently lovely as a November cotton flower².

Karintha at twenty, carrying beauty, perfect as dusk, when the sun goes down³.

Это первое появление образов растения и огня. Далее они реализуются уже аллегорией при появлении на свет ребенка Каринты. Теперь это сосновый лес и дым лесопилки, где медленно тлет горит опилок.

A child fell out of her womb onto a bed of pine-needles in the forest. Pine-needles are smooth and sweet. They are elastic to the feet of the rabbits... A sawmill was nearby. Its pyramidal sawdust pile smoldered. It's a year before one completely burns. Meanwhile, the smoke curls up and hangs in odd wraiths about the trees, curls up, and spreads itself out over the valley...⁴

Завершается рассказ песней-аллегорией о дыме, уходящем в небо, и душе, принятой Богом.

Smoke is on the hills. Rise up.

Smoke is on the hills, O rise

And take my soul to Jesus⁵.

Следующий рассказ «Becky». В первом же абзаце Дж. Тумер использует аллегоричный образ сосен, шепчущих Иисусу о судьбе белой женщины, родившей двух цветных сыновей.

Becky was the white woman who had two negro sons. She's dead; they've gone away. *The pines whispered to Jesus*⁶.

Вновь образ Бога появляется при упоминании очага в крохотном домишке Бекки на выселках у железной дороги. Теперь оба концепта связаны отношениями метонимии с грядущей гибелью женщины.

When the first was born, the white folks said they'd have no more to do with her. And black folks, they too joined hands to cast her out... *The pines whispered to Jesus*... The railroad boss said not to say he said it, but she could live, if she wanted to, on the narrow strip of land and the road... A single room held down to earth... *O fly away to Jesus... by a leaning chimney*...⁷

Дж. Тумер продолжает развертывание метонимической связи, описывая громыхание поездов. Звуки становятся резкими, напряженными, шепот сосен заглушают резкие свистки и стук колес. С одной стороны с помощью метонимии образа звука

продолжается тема смерти, с другой стороны использование понятия звука аллегорично и напоминает об осуждении Бекки черными и белыми соседями.

Six trains each day rumbled past and shook the ground under her cabin⁸.

Напряжение нарастает, когда сыновья покидают город, проклиная и черных и белых. Их уход сопровождается гром поездов, им вслед тянется дым родного очага – продолжение метонимического развёртывания образов звука и огня.

«Godam the white folks; godam the niggers», they shouted as they left town. Becky? Smoke curled up from her chimney... Trains passing shook the ground. The ground shook the leaning chimney. Nobody noticed it. A creepy feeling came over all who saw that *thin wraith of smoke and felt the trembling of the ground*⁹.

Все четыре концепта сливаются вместе в двух последних абзацах, повествующих о гибели Бекки под обрушившимся от постоянных колебаний очагом. Ее гибель сопровождается дрожание земли и монотонные звуки поезда. Метонимическая модель сливается с аллегорией и олицетворением, когда сосны уже не шепчут, а кричат, взывая к Богу.

Pines shout to Jesus!.. the ground trembled as a ghost train rumbled by. The chimney fell into the cabin. Its thud was like a hollow report, ages having passed since it went off¹⁰.

Наконец, успокоение души, обретение другого дома возвращает к повтору аллегоричного образа сосен, тихо говорящих с Христом, и Библии, столь же тихо шелестящей листьями над очагом-могилой.

Becky was the white woman who had two negro sons. She's dead; they've gone away. *The pines whisper to Jesus. The Bible flaps its leaves with an aimless rustle on her mound*¹¹.

В рассказе «Fern» эти образы реализуются только в заключительной части, когда главная героиня обретает себя через песенное обращение к Богу. Само действие разворачивается в полях тростника под лучами заката. Из метафорической группы Дж. Тумер использует прием олицетворения тростника, сочувствующего Ферн, готового скрыть ее муки от любопытных взоров. Метонимия реализуется в образе песни, обретении Ферн реального голоса и песни души при обращении к Богу. Образ заходящего солнца в данном случае аллегоричен – Ферн становится все старше, с другой стороны, красота заката символизирует одухотворенное состояние Ферн.

Through a canebrake that was ripe for cutting, the branch was reached. Under a sweet-gum tree, and where reddish leaves had dammed the creek a little, we sat down. Dusk, suggesting the almost imperceptible procession of giant trees, settled with a purple haze about the cane. ...From force of habit, I suppose, I held Fern in my arms – that is, without at first noticing

it. Then my mind came back to her. Her eyes, unusually weird and open, held me. *Held God*. He flowed in as I've seen the countryside flow in. Seen men. I must have done something – what, I don't know, in the confusion of my emotion. She sprang up. Rushed some distance from me. Fell to her knees, and began swaying, swaying. Her body was tortured with something it could not let out. *Like boiling sap* it flooded arms and fingers till she shook them as if they burned her. *It found her throat, and spattered inarticulately in plaintive, convulsive sounds, mingled with calls to Jesus Christ. And then she sang, brokenly. A Jewish cantor singing with a broken voice. A child's voice, uncertain, or an old man's. Dusk hid her; I could hear only her song*. It seemed to me as though she were pounding her head in anguish upon the ground. I rushed to her. She fainted in my arms¹².

Кратко остановимся еще на двух рассказах первой части сборника «Blood-Burning Moon» и «Avey».

В «Blood-Burning Moon» аллегоричное использование образов растения и света луны представлено уже в самом названии – с одной стороны, это название съедобного корня, но оно может быть переведено и как «ужасная луна». Далее эти образы либо по-прежнему представлены аллегорией, либо метонимией.

Так, например, запах вареного тростника символизирует с одной стороны страсть, с другой стороны, предвещает беду.

Up from the deep dusk of a cleared spot on the edge of the forest a mellow glow arose and spread fanwise into the low-hanging heavens. And all around the air was heavy with the scent of boiling cane.... Steam came from the copper boiling pan. *The scent of cane came from the copper pan and drenched the forest and the hill that sloped to factory town, beneath its fragrance. It drenched the men in circle seated around the stove*. Some of them chewed at the white pulp of stalks, but there was no need for them to, if all they wanted was to *taste the cane*. One tasted it in factory town. And from factory town one could see the soft haze thrown by *the glowing stove upon the low-hanging heavens*¹³.

Характерным метонимическим развёртыванием образа огня становится описание казни негра Тома Бервела, убившего белого соперника.

The mob pressed in from the sides. Taut humming. No words. A stake was sunk into the ground. Rotting floor boards piled around it. Kerosene poured on the rotting floor boards. Tom bound to the stake. His breast was bare. Nails' scratches let little lines of blood trickle down and mat into the hair. His face, his eyes were set and stony. Except for irregular breathing, one would have thought him already dead. Torches were flung onto the pile. *A great flare muffled in black smoke shot upward*. The mob yelled. The mob was silent. Now Tom could be seen within the flames. Only his head, erect, lean, like a blackened stone. *Stench of burning flesh soaked the air*. Tom's

eyes popped. His head settled downward. The mob yelled. Its yell echoed against the skeleton stone walls and sounded like a hundred yells. Like a hundred mobs yelling. Its yell thudded against the thick front wall and fell back. Ghost of a yell slipped through the flames and out the great door of the factory. It fluttered like a dying thing down the single street of factory town¹⁴.

Концепт луны помимо аллегорической модели также приобретает антропоморфные характеристики.

She sang softly at the evil face of the moon.

They saw the full moon glowing in the great door. The full moon, an evil thing, an omen, soft showering the homes of folks she knew¹⁵.

Использование образа растения встречается и в метафорической группе. При этом вновь при описании красоты женщины.

Her skin was the color of oak leaves on young trees in fall. Her breasts firm and up-pointed like ripe acorns. And her singing had the low murmur of winds in fig trees¹⁶.

Песня же в данном случае выступает символом любви, с одной стороны, и продолжения жизни после смерти, с другой.

An old woman brought a lighted lamp and hung it on the common well whose bulky shadow squatted in the middle of the road, opposite Tom and Louisa. The old woman lifted the well-lid, took hold the chain, and began drawing up the heavy bucket. As she did so, she sang. Figures shifted, restless, between lamp and window in the front rooms of the shanties. Shadows of the figures fought each other on the gray dust of the road. Figures raised the windows and joined the old woman in song. Louisa and Tom, the whole street singing...¹⁷

Where were they, these people? She'd sing, and perhaps they'd come and join her. Perhaps Tom Burwell would come. At any rate, the full moon in the great door was an omen which she must sing to...¹⁸

В «Avey» тема песни любви или мольбы заменяется колыбельной, связанной метонимическими отношениями с темой нежной дружбы, проходящей на смену страсти, и отношениями аллегории с темой покоя при осознании своих желаний, обретении своего «я».

I gave her one burning kiss. Then she laid me in her lap as if I were a child. Helpless. I got sore when she started to hum a lullaby. She wouldn't let me go... Her eyes were soft and misty, the curves of her lips were wistful, and her smile seemed indulgent of the irrelevance of my remarks. I gave up at last and let her love me, silently, in her own way¹⁹.

I asked her to hope, and build up an inner life against the coming of that day. I recited some of my own things to her. I sang, with a strange quiver in my voice, a promise-song. And then I began to wonder why her hand had not once returned a single pressure... Then I looked at Avey. Her heavy eyes were closed. Her breathing was as faint and regular as a

child's in slumber... I hated to wake her²⁰.

Концепт дерева в контексте этого рассказа обретает двуплановость. С одной стороны, это аллегория, связанная с образом подростков. С другой стороны, Дж. Тумер проводит сравнение между деревом и женщиной. Очень похожее развитие этого образа встречается позднее в произведениях Тони Моррисон.

Us fellers were seated on the curb before an apartment house where she had gone in. the young trees had not outgrown their boxes then. V Street was lined with them. When our legs grew cramped and stiff from the cold of the stone, we would stand around a box and whittle it. I like to think now that there was a hidden purpose in the way we hacked them with our knives. I like to feel that something deep in me responded to the trees, the young trees that whinnied like colts impatient to be let free...²¹

Avey was as silent as those great trees whose tops we looked down upon. She has always been like that. At least, to me. I had the notion that if I really wanted to, I could with her just what I pleased. Like one can strip a tree²².

Реализация образа огня и света происходит здесь либо путем сравнения души влюбленного подростка с пламенем,

I just stood there like the others, and something like a fuse burned up inside of me. She never noticed us, but swung along lazy and easy as anything²³.

либо путем метонимии, когда луна выступает частью ночного пейзажа и усиливает тему любви.

The moon was brilliant. The air was sweet like clover, and every now and then, a salt tang, a stale drift of sea-weed...²⁴

Очевидно, что эти приемы могут быть охарактеризованы как привычные, традиционные.

Из второй части «Тростника» остановимся только на рассказе «Box Seat». Именно здесь наиболее полно проявляется изменение смыслового наполнения концептов растения, голоса или песни, огня и Бога.

Действие разворачивается в городе, и повествование начинается с описания домов и улиц, при этом Дж. Тумер посредством метафоры и олицетворения сразу же наделяет их антропоморфными характеристиками. Отметим, что подобное прочтение темы дома получает дальнейшее развитие в современных афроамериканских произведениях.

Houses are shy girls whose eyes shine reticently upon the dusk body of the street. Upon the gleaming limbs and asphalt torso of a dreaming nigger. Shake your curled wool-blossoms, nigger. Open your liver lips to the lean, white spring. Stir the root-life of a withered people. Call them from their houses, and teach them to dream.

Dark swaying forms of Negroes are street songs that woo virginal houses²⁵.

Итак, дом – это живое существо, которому поет песню преданности его обитатель. Он спокоен и счастлив, ибо знает, что у него есть пристанище.

Этот отрывок несет еще и аллегоричный смысл. Тема дома и человека, обретшего его, – это тема обращения к Богу и счастья в его обретении. Далее это смысловое направление связывается с образом Дэна Мура – человека без особого рода занятий и с беспокойной душой – который бредет по улицам и пытается обратиться к домам-девушкам с песней-призывом. Но голос не слушается его, он не может привлечь ни внимания домов, ни завоевать уважения и привязанности своей возлюбленной, чей реальный образ завершает тему метафорического олицетворения домов-девушек.

Dan Moore walks southward on Thirteenth Street. The low limbs of budding chestnut trees recede above his head. Chestnut buds and blossoms are wool he walks upon. The eyes of houses faintly touch him as he passes them. Soft girl-eyes, they set him *singing*. Girl-eyes within him widen upward to promised faces. Floating away, they dally wistfully over the dusk body of the street. Come on, Dan Moore, come on. Dan *sings*. *His voice is a little hoarse*. It cracks. He strains to produce tones in keeping with the houses' loveliness. Cant be done. He whistles. His notes are shrill. They hurt him. Negroes open gates, and go indoors, perfectly. *Dan thinks of the house he's going to. Of the girl. Lips, flesh-notes of a forgotten song, plead with him...*²⁶

Как станет ясно позже, песня Дэна не зазвучит до тех пор, пока он не обретет Бога. Только после этого, забыв обо всем, он продолжит свой путь. На этом мы с ним и простимся в конце рассказа, а пока он спешит к Мьюриэл и с ее образом Дж. Тумер начинает новую тему – тему человека, искалеченного городской средой, неспособного дать волю своим чувствам, непонимающего своих стремлений, чуждого самому себе. Первый раз мы встречаем Мьюриэл в ее доме, куда так торопился Дэн, и в систему концептов Бога и песни влетает образ огня. Сначала это описание комнаты, где Мьюриэл отказывает Дэну. Здесь автор использует эпитеты и стершиеся метафоры, но несмотря на намеренно обыденное описание, картина получается зловещей.

Muriel comes in, shakes hands, and then clicks into a high-armed seat under *the orange glow of a floor-lamp*. Her face is fleshy. It would tend to coarseness but for the fresh fragrant something which is the life of it. Her hair like an Indian's. but more curly and bushed and vagrant. *Her nostrils flare. The flushed ginger of her cheeks is touched orange by the shower of color from the lamp*²⁷.

Это усиливает тему отвергнутой любви, которая получает свое развитие во второй части рассказа. Теперь Мьюриэл в театре. На ней надето оранжевое платье, выделяющееся резким пятном на красном бархате ложи. Ее окружают недоброжелательные огни театра. С них начинается ее внутренний монолог о невозможности любить Дэна и попытки оправдать себя. На сцене в это время происходит бой карликов, за которыми следят

Мьюриэл и пришедший за ней Дэн. Тема злого насмешника-огня завершается и сливается с образами песни, Бога и растения, когда карлик направляет свет зеркала прямо в лицо Мьюриэл, делая ее центром внимания и посмешища. Уродец обращается к ней со слащавой любовной серенадой и протягивает ей розу, запятнанную его кровавыми губами. Прося принять дар, он упоминает имя Иисуса и Мьюриэл принимает измятый цветок – дар карлика.

Mr. Barry grins at Muriel as he wobbles from the wing. He holds a fresh white rose, and a small mirror. He wipes blood from his nose. He signals Jim Clem. The orchestra starts. *A sentimental love song*. Mr. Barry sings, first to one girl, and then another in the audience. He holds *the mirror* in such a way that it flashes in the face of each one he sings to. The light swings around. <...>

The light swings around to Muriel. Dan looks. Muriel is too close. Mr. Barry covers his mirror. He sings to her. She shrinks away. Nausea. She clutches the brass box-rail. She moves to face away. The audience is square upon her. Its eyes smile. Its hands itch to clap. Muriel turns to the dwarf and forces a smile at him. With a showy blare of orchestration, *the song* comes to its close. Mr. Barry bows. He offers Muriel *the rose*, first having kissed it. Blood of his battered lips is a vivid stain upon its petals. Mr. Barry offers Muriel the rose. The house applauds. Muriel flinches back. The dwarf steps forward, diffident; threatening. ...Arms of the audience reach out, grab Muriel, and hold her there. Claps are steel fingers that manacle her wrists and move them forward to acceptance. Berny leans forward and whispers: «It's all right. Go on – take it!».

Words form in the eyes of the dwarf:
Do not shrink. Do not be afraid of me.

Jesus

See how my eyes look at you.

the Son of God

I too was made in His image.
*was once – I give you the rose*²⁸.

Аллегория продолжается возвращением к образу Дэна, неугодного и переходящего рамки чопорной городской жизни Дэна.

Dan: I am going to reach up and grab the girders of this building and pull them down. The crash will be a signal. Hid by the smoke and dust Dan Moore will arise. In his right hand will be a dynamo. In his left, a god's face that will flash white light from ebony. I'll grab a girder and swing it like a walking-stick. Lightning will flash. I'll grab its black knob and swing it like a crippled cane. Lightning... Some one's flashing... some one's flashing... Who in hell is *flashing that mirror?* Take it off me, godam you²⁹.

Обращение карлика незакончено и Дэн делает это за него, восклицая: «Иисус однажды был прокаженным!» («Jesus was once a leper!»). В его душе совершился переворот. Он вдруг осознает, что ему нужно, обретает Бога, а с ним и свой го-

лос. Здесь же путем сравнения снова реализуется образ живого растения (Dan steps down. He is *as cool as a green stem that has just shed its flower*³⁰), контрастирующий с потерявшей свежесть розой карлика и сливающийся с метафоричным описанием одной из зрительниц, которое сопровождало появление Дэна в театре.

He shrivels close beside a portly Negress whose huge rolls of flesh meet about the bones of seat-arms. *A soil-soaked fragrance comes from her. Through the cement floor her strong roots sink down. They spread under the asphalt streets. Dreaming, the streets roll over on their bellies, and suck their glossy health from them. Her strong roots sink down and spread under the river and disappear in blood-lines that waver south. Her roots shoot down. Dan's hands follow them. Roots throb. Dan's heart beats violently. He places his palms upon the earth to cool them. Earth throbs. Dan's heart heart beats violently. He sees all the people in the house rush to the walls to listen to the rumble. A new-world Christ is coming up. Dan comes up. He is startled. The eyes of the woman dont belong to her. They look at him unpleasantly*³¹.

Добавим, что непосредственно перед этим рассказом и сразу за ним Дж. Тумер располагает два небольших отрывка с названиями «Calling Jesus» («Обращаясь к Иисусу») и «Prayer» («Молитва»), призванные еще раз обратиться к теме Бога, обретения человеком своего голоса, песни, молитвы.

Третья часть «Тростника» – это короткая пьеса «Kabnis», которая связана с предыдущими частями сборника единой темой поиска и познания себя через Бога и общей системой образов, реализованной посредством концептуальной метафоры разных типов.

Здесь даром речи Дж. Тумер наделяет природу, используя прием метафорического олицетворения.

Night winds in Georgia are *vagrant poets, whispering*³².

Образ света вновь предстает через описание луны. Только теперь свет лишен пугающих черт. Напротив, олицетворяя луну, Дж. Тумер придает ей черты нежности и незащитности.

The half-moon is *a white child* that sleeps upon the tree-tops of the forest. White winds croon its sleep-song:

rock a-by baby...

Black mother sways, holding a white child on her bosom.

when the bough bends...

Her breath hums through pine-cones.

cradle will fall...

Teat moon-children at your breasts,

down will come baby...

Black mother³³.

Этот образ впоследствии сливается с темой олицетворения ночи и юга – супругов, дающих рождение песне-ребенку.

Night, soft belly of a pregnant Negress, throbs

evenly against the torso of *the South*. Night throbs a womb-song to the South. Cane- and cotton-fields, pine forests, cypress swamps, sawmills, and factories are fecund at her touch. Night's womb-song sets them singing. Night winds are the breathing of *the unborn child* whose calm throbbing in the belly of a Negress sets them somnolently singing³⁴.

Красота и трогательность пейзажа предвещает тему Иисуса, к которому обращается Кэбнис, прося простить и пощадить его. Мольба сменяется проклятием, отвержением божественной сути и перед нами разворачивается картина череды несчастий, обрушившихся на Кэбниса, осознания своей никчемности и бездарно потраченных жизни и способностей.

God Almighty, dear God, dear Jesus, do not torture me with beauty. Take it away. Give me an ugly world... Dear Jesus, do not chain me to myself and set these hills and valleys, heaving with folk-songs, so close to me that I cannot reach them. There is a radiant beauty in the night that touches... and torches me...

What's beauty anyway but ugliness if it hurts you? God, he doesn't exist, but nevertheless He is ugly. Hence, what comes from Him is ugly³⁵.

Тема света луны и ночного пейзажа и далее предвещает обращение к образу Христа³⁶.

Очень важным, на наш взгляд, является аллегоричный образ немого проповедника, вплетенный Дж. Тумером в канву повествования. Он продолжает тему Иисуса, невозможности выразить свою мольбу так, чтобы она была принята Богом.

Slave boy whom some Christian mistress taught to read the Bible. Black man who saw Jesus in the ricefields, and began preaching to his people. Moses- and Christ words are used for songs. Dead blind father of a muted folk who feel their way upward to a life that crushes or absorbs them. (Speak, Father!) Suppose your eyes could see, old man. (The years hold hands. O Sing!) Suppose your lips...

Halsey, does he ever talk³⁷?

Это символ прошлого и он возвращает нас к ранним афроамериканским произведениям, описаниям немого негра и Говорящей Книги (Библии). Кстати, если вновь обратиться к началу пьесы, мы легко проследим тему отречения от Бога и Божественного Слова и последующих несчастий, характерную для афроамериканских автобиографий 18 в. Неслучайно и упоминание слепоты, и в дальнейшем этот мотив будет широко представлен в афроамериканской литературе. Пока это только начало его развития.

Концепт «растение» реализован либо приемом метонимии, когда поля тростника и кукурузы служат для обозначения всего юга, либо аллегорией, когда один из персонажей, Льюис, говорит о страданиях земли, глядя на Стеллу – одну из молодых героинь пьесы.

Enough to draw a denial from you. Cant hold them, can you? Master; slave. Soil; and the overarching heavens. Dusk; dawn. They fight and bastardize

you. The sun tint of your cheeks, flame of the great season's multicolored leaves, tarnished, burned. Split, shredded: easily burned. No use...³⁸

Все четыре образа вновь сплетаются в единое целое в конце пьесы. Теперь это уже свет восходящего солнца-ребенка (Outside, the sun arises from its cradle in the tree-tops of the forest), поющего лесу и городу песню рождения (The sun arises. Gold-glowing child, it steps into the sky and sends a birth-song). Его аллегоричное появление сопровождаются слова возлюбленной Кэбниса Кэрри «Jesus, come». Кэбнис же обретает любовь Кэрри.

Ряд стихотворных отрывков «Тростника» также развивает выделенные концепты растения, голоса или песни, огня и Бога.

• Растение

В качестве примера метафоры приведем отрывок из стихотворения "Face", в котором описывается раннее увядание женщины под гнетом тревоги и печалей. Здесь же встречается и аллегоричный образ заходящего солнца, усиливающий впечатление приближающегося конца.

And her channeled muscles / are clusters of grapes of sorrow / purple in the evening sun / nearly ripe for worms.

Примером метафорического переосмысления глагола может служить описание грома, «расцветающего» над головой. Тема растения продолжается и далее и реализуется в олицетворении «полногубых цветов, истекающих кровью дождя».

Thunder blossoms gorgeously above our heads, / Great, hollow, bell-like flowers, / Rumbling in the wind, / Stretching clappers to strike our ears... / Full-lipped flowers / Bitten by the sun? Bleeding rain / dripping rain like golden honey – / And the sweet earth flying from the thunder.

Применение приема метонимии, как в прозе, так и в поэмах Дж. Тумера, часто связано с тростником или кукурузой. В следующем отрывке описание реальных полей связывается с предвестьем беды.

Wind is in the cane. Come along. / Cane leaves swaying, rusty with talk, / Scratching choruses above the guinea's squawk, / Wind is in the cane. Come along.

Аллегоричный образ растения проиллюстрируем отрывком из стихотворения «Цветок хлопка в ноябре» («November Cotton Flower»). Он снова связан с темой женщины и перекликается с первым рассказом сборника «Karintha».

Such was the season when the flower bloomed. / Old folks were startled, and it soon assumed / Significance. Superstition saw / Something it had never seen before: / Brown eyes that loved without a trace of fear, / Beauty so sudden for that time of year.

Аллегоричное сплетение образа сжатого урожая и черных жнецов представлено в двух небольших поэмах «Reapers» и «Harvest Song»³⁹.

• Голос / песня

Стихотворное развитие концепта песни проиллюстрируем примером метонимических отно-

шений, где песня выступает частью прощания с родным югом.

Pour O pour that parting soul in song, / O pour it in the sawdust glow of night, / Into the velvet pine-smoke air to-night, / And let the valley carry it along.

• Огонь / свет

В стихотворных зарисовках концепт огня реализуется через явления, широко представленные в прозе Дж. Тумера. Наибольшей частотностью обладают ночные небесные светила и ночное время суток. В поэмах Дж. Тумер особенно часто использует эти понятия для сравнения с ними облика женщины:

Her skin is like dusk on the eastern horizon / When the sun goes down.

Hair – silver gray, like streams of stars.

Как и в прозе, луна может быть наделена антропоморфными чертами:

Full moon ... holding her lips apart.

• Бог

В отличие от прозы в стихах Дж. Тумер использует образ не только Христа или Троицы, но и африканского божества, символизирующий отход от верований и культуры Африки, их преобразование и слияние с европейской культурой.

African Guardian of Souls, / drunk with rum, / feasting on a strange cassava, / Yielding to new words and weak palabra / Of a white-faced sardonic god – / Cries, cries? Amen, / Shouts hosanna.

Отметим, что вышеперечисленные концепты редко используются Дж. Тумером в изоляции. Они обязательно должны слиться в гармоничное целое, развить единую тему поиска своего «я». Позволим себе привести один пример подобного сплетения основных образов в поэтическом творчестве Дж. Тумера.

Song of the Son

O land and soil, red soil and sweet-gum tree,
So scant of grass, so profligate of pines,
Now just before an epoch's sun declines
Thy son, in time, I have returned to thee,
Thy son, I have in time returned to thee.

In time, for though the sun is setting on
A song-lit race of slaves, it has not set;
Though late, o soil, it is not too late yet
To catch thy plaintive soul, leaving, soon gone,
Leaving, to catch thy plaintive soul soon gone.

O Negro slaves, dark purple ripened plums,
Squeezed, and bursting in the pine-wood air,
Passing, before they stripped the old tree bare
One plum was saved for me, one seed becomes

An everlasting song, a singing tree,
Caroling softly souls of slavery,
What they were, and what they are to me,
Caroling softly souls of slavery.

В этом отрывке образ дерева и его плодов связан отношениями метонимии с природой юга, с

одной стороны, и метафорическим уподоблением с рабами-неграми и их наследием и культурой, которые не должны исчезнуть. Метафорическая модель «человек – растение» получает вторичное развитие по схеме «растение – песня» и усиливается употреблением метафорического эпитета *a singing tree*. Это, в свою очередь, замыкает связь между концом стихотворения и его началом, где Дж. Тумер ввел другой метафорический эпитет *a song-lit race of slaves*. В этом же четверостишии внимание привлекает аллегоричный образ заходящего солнца, символизирующий утрату многих черт африканской культуры.

Что касается языковых средств реализации системы концептуальных метафор, характерных для Дж. Тумера, стоит отметить параллельное использование двух вариантов английского языка: стандартного и афроамериканского. При этом переход осуществляется очень естественно и почти незаметно для читателя. Скрыть границы между двумя вариантами автору помогает система образов, развиваемая и «черным» и «белым» английским. Упомянем также обращение к устной афроамериканской традиции, реализованной Дж. Тумером либо в точном повторе фраз (*The sun goes down. Goes down... Life is water that is being drawn off. Brother, life is water that is being drawn off.*); либо в повторе с некоторыми вариациями (*Come, brother, come. Come now, hewit! Red nigger moon. Blood-burning moon.*); либо в употреблении реплик, призванных отразить реакцию воображаемых слушателей (*Speak, Father! Amen!*).

Дж. Тумер называл свой сборник «лебединой песней». В своем дневнике он писал: «Дух фольклора пришел, чтобы умереть в пустыне современности. Этот дух был прекрасен. Его смерть так трагична. В этой смерти для меня проявился весь смысл жизни. И это ощущение я выразил в «Тростнике». «Тростник» стал лебединой песней. Это песня конца. И я глубоко удивлен, что никто не почувствовал этого и от меня упорно ждали продолжения.»⁴⁰

Как оказалось, это была песня нового рождения. Гарлемский Ренессанс исчез только чтобы смениться новым направлением в афроамериканской литературе – течением реализма, принесшим новые образы и новые модели тропеической организации текста, многие из которых представляют собой развитие тематики Дж. Тумера.

¹ Gates H. L., jr., ed. *The Norton Anthology of African American Literature* / Ed. by Gates Jr. H. L., McKay N. N. Y., London : WW Norton & Company, 1997. P. 1089

² Там же. С. 1090.

³ Там же. С. 1090.

⁴ Там же. С. 1090.

⁵ Там же. С. 1090.

⁶ Там же. С. 1091.

⁷ Там же. С. 1091.

⁸ Там же. С. 1092.

⁹ Там же. С. 1092.

¹⁰ Там же. С. 1093.

¹¹ Там же. С. 1093.

¹² Там же. С. 1099–1100.

¹³ Там же. С. 1106–1107.

¹⁴ Там же. С. 1111.

¹⁵ Там же. С. 1106–1111.

¹⁶ *Lauter P. The Heath Anthology of American Literature* / Ed. by Lauter P., etc. U.S.A : D. C. Heath & Company, 1990. V.2. P. 1472.

¹⁷ Gates H. L. Цит. соч. С. 1108.

¹⁸ Там же. С. 1111.

¹⁹ Там же. С. 1115.

²⁰ Там же. С. 1117.

²¹ Там же. С. 1113.

²² Там же. С. 1115.

²³ Там же. С. 1114.

²⁴ Там же. С. 1115.

²⁵ *Lauter P. Цит. соч. С. 1478.*

²⁶ Там же. С. 1478.

²⁷ Gates H. L. Цит. соч. С. 1124.

²⁸ Там же. С. 1131.

²⁹ *Lauter P. Цит. соч. С. 1485–1486.*

³⁰ Там же. С. 1486.

³¹ Там же. С. 1483.

³² Gates H. L. Цит. соч. С. 1141.

³³ Там же. С. 1142.

³⁴ Там же. С. 1159.

³⁵ Там же. С. 1143.

³⁶ Там же. С. 1148–1149

³⁷ Там же. С. 1161.

³⁸ Там же. С. 1163.

³⁹ Там же. С. 1091, 1132.

⁴⁰ Там же. С. 206.

ГРАММАТИКА

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ СОБЫТИЙНОЙ ЛЕКСИКИ: ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ И ИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Н.Г. Долженко

В современном русском языке широкое распространение получили субстантивные отглагольные образования. Наиболее интересны из этих образований – девербативные существительные со значением отвлеченного действия. Подобного типа образования входят и составляют ядро семантико-словообразовательной категории *nomina actionis* – имена действия.

Мы рассматриваем следующие из них:

а) отглагольные дериваты с суффиксами:

-*ниј-* (-*ениј-*): *учить* и *учиться* – *учение*; *общаться* – *общение*; *говорить* – *говорение*; *гореть* – *горение*; *изготовить* и *изготавливать* – *изготовление*; *собирать* – *собираение*; *петь* – *пение*; *рисовать* – *рисование*, *отбеливать* – *отбеливание*, и т.д. – наиболее продуктивная семантико-словообразовательная группа рассматриваемых лексем;

-*к(а)*: *доставить* и *доставлять* – *доставка*; *разминать* и *разминаться* – *разминка*; *оснастить* и *оснащать* – *оснастка*; *подкормить* и *подкармливать* – *подкормка*, *пробежать* – *пробегать* и *пробежаться* – *пробежка*, *кормить* и *кормиться* – *кормежка*; *долбить* – *долбежка*;

-*тиј-* (-*т'ј-*): *развить* – *развивать* и *развиться* – *развивание*; *прибыть* – *прибытие*; *взять* – *взятие*; *изъять* – *изъятие*; *всплыть* – *всплытие*; *мыть* и *мытья* – *мытьё*; *шить* – *шитьё*;

нулевая аффиксация: *вывезти* и *вывозить* – *вывоз*; *перехватить* и *перехватывать* – *перехват*; *разыскать* и *разыскивать* – *розыск*; *распустить* и *распускать* – *ропуск*; *вывихнуть* – *вывих*, *разгромить* – *разгром*, *пересмотреть* и *пересматривать* – *пересмотр*;

-*б(а)*: *молотить* – *молотьба*, *косить* – *косьба*, *стрелять* – *стрельба*, *учиться* – *учеба*; *молить* – *мольба*;

-*аж-*: *дублировать* – *дубляж*, *пилотировать* – *пилотаж*, *шантажировать* – *шантаж*;

-*н(я)*: *возиться* – *возня*, *толкаться* – *толкотня*, *болтать* – *болтовня*;

-*от(а)*: *пахать* – *пахота*, *дремать* – *дремота*, *зевать* – *зевота*;

другие суффиксы участвуют в передаче обозначенного значения (значения отвлеченного действия) менее регулярно: *-ств(о)*: *издеваться* – *издевательство*; *-ств(а)*: *молиться* – *молитва*; *-зн'*: *болеть* – *болезнь*;

б) «исконные» существительные с процессуальным значением, не соотносительные с глаголами, типа *гам*, *гул*¹, значительное место в нашей картотеке занимают конструкции с существитель-

ными *шум* (шуметь), *звук* (звучать), *крик* (кричать) и подобными именами существительными, не мотивированными глаголами;

в) по способности репрезентировать событие и характеризоваться процессуальной (событийной) семантикой в круг исследуемых синтаксем мы включаем сложные слова с глагольным корнем: *ледоход*, *снегопад*, *сердцебиение*, *кровообращение*, *книгопечатание*, *кораблекрушение*, *чаепитие* и т.д.

Для обозначения подобных лексем мы используем термины *девербатив* (и *девербативный оборот*) (передающие его деривационно-семантический аспект) и *имя действия* (отражающий семантико-синтаксический и функциональный аспекты). Термином *девербатив / девербативное существительное* обозначаем отглагольные дериваты (образования, четко и однозначно мотивированные производящим глаголом и словообразовательно, и семантически). *Имя действия* используем шире, для обозначения всех перечисленных групп и образований.

Традиционно имя действия определяется как производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и в синтаксическом плане². Так же подмечено, что «примечательным свойством производного слова является его способность совмещать казалось бы взаимоисключающие значения – значения разных частей речи – в одной и той же структуре. Такое совмещение представляется вполне естественным в рамках синтаксической конструкции, однако в рамках такой лексической единицы, как слово, оно заслуживает особого внимания»³. В данной статье мы попытаемся с обозначенных позиций проанализировать место имен действий (в том числе и отглагольных дериватов) в системе русской событийной лексики.

Широкое распространение, высокая продуктивность, разнообразие и специфика семантико-синтаксического функционирования имен действия (в частности, девербативов) отсылают исследователя прежде всего к словарю. Лексикографическое описание, толкование в словарях также представляет определенный интерес для полноты картины описания и изучения рассматриваемых словоформ и образований, определения их места в лексической системе современного русского языка.

Словообразовательная мотивировка в словарных дефинициях большей части отглагольных дериватов подкрепляется семантической. Так, подавляющее большинство дериватов, образованных посредством суффикса *-ниј-* (-*ениј-*), толкуются по

значению производящего глагола (и словообразовательно, и семантически мотивируются глаголом). Например: «ВНЕДРЕНИЕ. Действие по знач. глаг. внедрить – внедрять и внедриться – внедряться. Внедрение достижений науки в производство. Внедрение новых идей», обращаемся к толкованию значения соответствующего глагола: «ВНЕДРИТЬ. Заставить утвердиться в чем.-л., заставить прочно войти во что.-л.; укоренить. *Внедрить в производство.*» и «ВНЕДРИТЬСЯ. Проникнув, прочно утвердиться где.-л.; укорениться.» [МАС] Производный deverбатив семантизируется производящим глаголом. Словарная дефиниция отглагольного деривата в этих случаях отсылает к толкованию значения соответствующего глагола. То же наблюдается при толковании отглагольных дериватов с суффиксами -к(а), -туй- (-т'уй-) и -б(а).

«ПРИБЫТИЕ. Действие по глаг. прибыть (в 1 знач.) *Прибытие поезда. Прибытие делегации*» и «ПРИБЫТЬ. 1. Прийти, приехать, приплыть, прилететь. *Поезд прибыл на станцию. Пароход прибыл к пристани*» [МАС].

«ПАХОТА. 1. Действие по знач. глаг. пахать» и «ПАХАТЬ. Обрабатывать землю плугом» [МАС].

Дериваты, образованные посредством нулевой аффиксации, не получают столь последовательной интерпретации: одни из них толкуются по значению мотивирующего глагола, другие получают иное определение. Например: «РОСПУСК. Действие по глаг. распустить – распускать» [МАС] и «РАЗГРОМ. 1. Полное поражение кого-, чего.-л. *Разгром врага. Разгром эскадры.* 2. Разрушение, разорение, опустошение. *Разгром города. Разгром страны*» [МАС]. Оба приведенных примера словообразовательно мотивируются глаголом, однако семантизируются в одном и том же словаре по-разному (первый – по производящему глаголу, второй – посредством синонимического ряда, причем, отметим, что данный ряд опять же включает deverбативные существительные).

Значение большинства из дериватов с остальными суффиксами толкуются в словарях посредством подбора синонимов, основная масса которых в свою очередь является deverбативами либо, шире, именами действия.

«ВОЗНЯ. 1. Беспокойное, беспорядочное движение, обычно сопровождаемое шумом. 2. Дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; хлопоты» [МАС].

«ЗЕВОТА. Непроизвольные одиночные дыхательные движения, совершаемые с широко открытым ртом», но «ЗЕВАНЬЕ. Действие по знач. глаг. зевать, а также звуки этого действия» и «ЗЕВАТЬ. 1. Непроизвольно глубоко вдыхать воздух широко раскрытым ртом, сразу же затем его выдыхая (при желании спать, при усталости и т.п.)» [МАС].

Таковы основные способы толкования рассматриваемых словоформ, подачи имен действия

и, в частности, deverбативных существительных в толковом словаре.

Словарный материал предоставляет возможности и для различных подходов к классификации имен действия. Проанализировав собранный языковой материал в плане лексикографического описания, т.е. его семантики и представления в толковом словаре, мы выделили три аспекта, три основания классификации исследуемых словоформ.

I. По характеру номинируемых денотативных сфер мы выделяем имена действия, обозначающие:

1) природные явления: затмение (*солнца, луны*), землетрясение, снегопад, ледоход, наводнение;

2) явления в общественной и общественно-политической жизни людей: переворот, перестройка, переговоры, выборы, разоружение;

3) явления в духовной и культурной жизни общества: книгопечатание, книгоиздание, (*эпоха*) Возрождения;

4) терминологическая и специальная лексика различных областей знания: сопротивление, напряжение (в электрической цепи), сопромат (сопротивление материалов), умножение, спряжение;

5) физические действия (как конкретного, так и абстрактного плана), репрезентирующие различные (простые и сложные) бытовые ситуации: вывоз, пахота, израсходование, подметание, мытье.

II. По характеру и типу передаваемых значений нами выделяются:

1) однозначные отвлеченные имена действия: обобщенная номинация абстрактных (большей частью) и конкретных действий – имена действия в «чистом» виде: *анализирование (анализировать), бросание (бросать), заказывание (заказывать), закладывание (закладывать), познание (познавать)* и т.д.;

2) многозначные отвлеченные имена действия: первое (основное) значение мотивируется производным глаголом), остальные значения развиваются на основе передачи понятий ментального уровня; здесь мы отмечаем следующие подгруппы:

а) многозначные имена действия, мотивированные глаголом абстрактной семантики – эта отвлеченность значения проявляется (ощущается) во всех значениях производного имени: «ПОЗНАНИЕ 1. Действие по знач. глаг. познать. 2. Процесс приобретения знаний, постижения закономерностей объективного мира. Теория познания. 3. *Мн. ч.* Совокупность знаний в какой-л. области. Совершенствовать языковые познания» [МАС], «ИСКАНИЕ 1. Действие по глаг. искать (в 1 и 2 знач.). 2. *Мн. ч.* Устремление к чему-л. новому, попытка найти новые пути (в науке, искусстве и т.п.). 3. Устар. Стремление, старание добиться чего-л. путем лести, угодничества; искательство [МАС], «НАЗНАЧЕНИЕ 1. Действие по знач. глаг. назначить – назначать. 2. Распоряжение о направлении,

зачислении на какую-л. должность, работу и т.п., а также документ с таким распоряжением. 3. Основная функция чего-л., предназначенность для чего-л.» [МАС]. В последнем примере наблюдается развитие значения, близкого к конкретному, или даже конкретного (см. назначение как документ: *назначение у него на руках*). Подобного типа слова находятся на границе с именами действия из следующей подгруппы:

б) многозначные имена действия, первое значение которого мотивируется производящим глаголом абстрактной семантики, следующие значения при их отвлеченности все же (по разным причинам, связанным с их денотативным содержанием, их денотативной сферой) тяготеют к конкретным значениям или воспринимаются как конкретные. Например: «ВЫРАЖЕНИЕ 1. *Действие по знач. глаг. выразить – выражать*. 2. То, что является внешним проявлением, отражением чего-л. 3. Какая-л. особенность во внешнем виде чего-л. (лица, глаз и т.п.), отражающая внутреннее состояние человека. 4. Слово, фраза, оборот речи. 5. Формула, выражающая какие-л. математические отношения» [МАС]. Три первых значения являются абстрактными, четвертое и пятое при их материальной выраженности (например, записанное слово, фраза или математическая формула) тяготеют к конкретизации. «ЗАКЛИНАНИЕ 1. *Действие по знач. глаг. заклинать*. 2. Словесная формула, обычно сопровождающаяся особыми действиями, которая, по суеверным представлениям, обладала магическими свойствами. 3. Страстная мольба, просьба» [МАС], «ЗАБЕГ 1. *Разг. Действие по знач. глаг. забежать – забегать*. 2. *Спорт*. Бег на определенное расстояние во время соревнований» [МАС], забегом называют и группу спортсменов, вместе бегущих определенную дистанцию (*первый, второй* и т.д. *забег*). Конкретные значения в перечисленных примерах не отмечаются, однако последние из приведенных значений при материальной невыраженности включают элементы конкретизации (записанное выражение, произнесенное заклинание, старт первого забега);

в) имена действия, называющие и действие, и состояние, мотивированные невозвратными и возвратными глаголами: «ЗАВЯЛИВАНИЕ. *Действие по знач. глаг. завяливать и состояние по знач. глаг. завяливаться*»; «ЗАТОРМАЖИВАНИЕ. *Действие по знач. глаг. затормаживать и состояние по знач. глаг. затормаживаться*», «ЗАТОВАРИВАНИЕ. *Торг. Действие по знач. глаг. затоваривать и состояние по знач. глаг. затовариваться*» [МАС];

3) многозначные имена действия, первое значение которых – отвлеченное действие, второе – конкретно-предметное значение: «ВЫРАБОТКА 1. *Действие по глаг. выработать – выработать* (в 1, 2 и 3 знач.). 2. То, что выработано; количество выработанного. \ \ *Разг.* Количество полученного за выработанное; заработок. \ \ *Разг.* Отделка, качество выполнения. 3. *Обычно мн. ч.* Место добычи

полезных ископаемых», «ДРАПИРОВКА 1. *Действие по знач. глаг. драпировать и драпироваться*. 2. То, во что или чем задрапирован кто-, что-л. 3. Занавеска, портьера», «ЗАСОЛ 1. *Действие по знач. глаг. засолить – засаливать*. 2. Раствор для засаливания. 3. То, что засолено; соления», «ОБОРУДОВАНИЕ 1. *Действие по знач. глаг. оборудовать*. 2. Совокупность различных устройств, приспособлений, приборов, механизмов и т.п., необходимых для чего-л.» [МАС].

Как показывают приведенные выше примеры, отглагольные дериваты, у которых развивается конкретное значение, обозначают обычно результаты мотивирующего действия, т.е. конкретные предметы, продукты (то, что получилось) в результате действия, обозначенного производящим глаголом. Реже развивается значение места, где проявляются результаты мотивирующего действия или устанавливается какая-либо иная связь (в частности, результативно-локальное значение, локально-целевое): «ВЫЕМКА 1. *Действие по глаг. вынуть – вынимать* (в 1 знач.). 2. *Спец.* Изъятие определенных предметов и документов при обыске, проверке, обследовании. 3. Углубление, впадина. 4. Вырез в платье, обуви», «ВЫЕЗД 1. *Действие по глаг. выехать* (в 1 знач.) \ \ *Устар.* Посещение знакомых, театров, балов и т.п. 2. Место, через которое выезжают откуда-л. 3. Лошади с экипажем, упряжью» [МАС], выгул, вылом и т.д.

Конкретное значение может развиваться у отглагольного деривата, образованного практически с помощью любого из суффиксов, которые «работают» в сфере образования имен от глаголов (см. приведенные выше примеры). Однако можно отметить, что более других «специализируется» на выражении конкретного значения суффикс -к(а). Причем его эффективность особенно высока в приставочных образованиях: вы-: *выписка*, *вырезка*, *выписка* (документ), и ср.: *выкройка* (только конкретное значение), но: *выкормка* (только значение действия), *выдумка* (только отвлеченные значения) (два последних примера в словаре не толкуются как мотивированные глаголом, но семантизируются с помощью соответствующих глаголов), то же при безаффиксном словообразовании: *выпуск*, *вырез*, *высев*; за-: *заправка*, *запряжка*, *заколка*, *зарядка*, *зарисовка* и *запуск*, *засев*, *запрос*; до-: *доработка*, пере-: *перестройка*, про-: *прополка* и другие.

III. По словообразовательным возможностям производящих (мотивирующих) глаголов выделяем:

1) глаголы, от которых образуется одно имя действия: восстановление (восстановить), выдумывание (выдумывать), взбалтывание (взбалтывать);

2) глаголы, от которых образуются два (и более) имени действия: взбивание (взбивать) и взбивка (взбить – взбивать); выпиливание (выпиливать) и выпилка (выпилить – выпиливать); вы-

рабатывание (вырабатывать) и выработка (выработать – выработать); вырезание (вырезать) и вырезка (вырезать – вырезать – вырезывать) – в данном случае разные имена мотивируются разными категориальными видовыми значениями производящего глагола: глаголы несовершенного вида мотивируют имена с суффиксом -ниј (-ениј), имена с суффиксом -к(а) мотивируются как глаголом несовершенного вида, так и глаголом совершенного вида, так как имена действия подобной структуры способны передавать и результиативное значение (обозначать то, что образуется, появляется как результат действия мотивирующего глагола).

Итак, предметом нашего исследования являются в основном слова, образованные от глаголов, перешедшие в разряд имен, но сохранившие семантические связи с исходным глаголом. Особенности функционирования данных абстрактных существительных со значением действия (имен действия) давно привлекали внимание исследователей. Синкретизм существительного и глагола в именах действия вызывал интерес многих лингвистов⁴. В свете нашего подхода к проблеме интерес представляет учение Е. Куриловича, В. Порцига об абстрактных существительных, первичной функцией которых становится сведение предложения к словосочетанию [см. обзор: Общее языкознание, Внутренняя структура языка, 1972: 308–318], учение о словах-предикатах, предикативных словах, событийных словах (О. Есперсен – еще один его термин – некусные существительные; Ю.Д. Апресян, который считает их «суть свернутые предложения»)⁵ замечания Г.А. Золотовой о том, что разные семантические типы существительных обладают разной склонностью к прямому преобразованию в предложение⁶. Важно ее же замечание о том, что предложно-падежные формы существительного выступают в функции как атрибута, так и предиката⁷.

Существительное, мотивированное глаголом и обозначающее в наиболее обобщенном виде процесс, действие, естественно сохраняет семантические связи с глаголом (ср.: звучать – звучание – звук, рисовать – рисование – рисунок, петь – пение – песня и т.д., где вторые компоненты носят явный процессуальный характер, в отличие от третьих парадигматических компонентов, которые репрезентируют определенный результат действия, обозначенного глаголом и предыдущим именем). Очевидно, и этот факт неоднократно отмечается у многих исследователей и не вызывает никаких сомнений, что семантическое наполнение deverbatивного существительного, унаследованное им от мотивирующего глагола, его семантико-синтаксическое функционирование в предложении позволяет подобным именам быть носителями информации о сложных явлениях действительности: событиях, ситуациях⁸.

Однако deverbatив не только наследует глагольные свойства, он приобретает и признаки

имени⁹, таким образом, как бы занимая промежуточное положение между глаголом и именем, движется от глагола к имени (если иметь в виду его происхождение и деривационный аспект). Ясно, что это промежуточное положение deverbatива между двумя центральными и противоположными друг другу частями речи предопределяет его двойственное положение: грамматический статус словоформы и синтаксическую предложенческую позицию, предложенческую номинацию. Синтаксическое положение и грамматический статус словоформы deverbatив приобретает благодаря реализации его именных свойств (и в первую очередь морфологических категорий имени), предложенческая позиция, предложенческая окраска семантики связана со свойствами, оставленными deverbatиву глаголом. Это положение не раз высказывалось как в исследованиях по лингвистической семантике, так и в семантическом синтаксисе. Н.Д. Арутюнова отмечает способность имен действия (в особенности суффиксальных) при образовании предложений «возвращаться» в свое глагольное состояние (Общее языкознание. Внутренняя структура языка, 1972. С. 315). В.А. Белошапкина указывает на возможность сохранения номинативного содержания предложения при замене предиката соответствующим именем существительным, которое называет выражаемый предикатом признак, например: *Мальчик читает книгу – чтение книги мальчиком*¹⁰.

Таким образом, имя действия, соединяет в себе свойства имени и глагола (на морфологическом уровне), признаки словоформы и предложения (на синтаксическом уровне).

Ведущий признак, показатель семантического пространства, объединяющего имена и глаголы, – *событийность*. Словарные дефиниции раскрывают основополагающие в данном аспекте понятия «событие» и «действие» следующим образом:

«СОБЫТИЕ. То, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни. \ \ О том, что представляет собой выдающееся происшествие, явление, выходящее за рамки обычного течения жизни» [МАС].

Словарь В.И. Даля: «Событие – все, что случилось, стало, сделалось, случилось; случай, происшествие, или быть, факт; истинное, невымышленное дело; замечательный случай.»

Процесс, лежащий в основе семантики каждого глагола, является ведущей чертой семантического пространства события, или событийного семантического пространства, «...понятие «процессуальность» имеет всеобъемлющий и универсальный характер»¹¹.

«ПРОЦЕСС 1. Последовательная смена каких-л. явлений, состояний и т.п., ход развития чего-л. \ \ Совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата.» [МАС].

Анализ словарных дефиниций имен показы-

вает, что имена событий соотносятся с такими дефинициями-суждениями, в которых ключевыми словами являются глаголы или другие слова с ярко выраженным процессуальным значением. Процессуальное значение, иными словами, является идентифицирующим.

Итак, в определении названных выше понятий, в их толковании, как видим, активно используются в качестве слов-идентификаторов именно глаголы.

Сравним словарные статьи:

«АБОРДАЖ. Старинный способ морского сражения – подход к неприятельскому кораблю вплотную и сцепление с ним для рукопашного боя» [МАС] – *подход (подойти), сцепление (сцепить, сцепиться)*. Представлен комплекс событий, связанных отношением логической последовательности с конкретизацией позиции объекта, способа первого действия и целенаправленности второго (к тому же целевая установка также предполагает сложный комплекс ситуаций, репрезентированных именем *бой*).

«АДАПТАЦИЯ 1. Биол. Приспособление организмов, органов чувств к окружающим условиям. 2. Пед. Приспособление (облегчение) текста для начинающих изучать иностранные языки» [МАС] – приспособление (приспособиться, приспособляться; приспособить, приспособлять). Словообразовательное гнездо приведенного понятия включает и глагольные слова: «АДАПТИРОВАТЬСЯ. Приспособиться (приспособляться) к новым или изменившимся условиям» и «АДАПТИРОВАТЬ. Пед. Приспособить (приспособлять), облегчить (облегчать) текст для начинающих изучать иностранные языки» [МАС].

«АБСТРАГИРОВАНИЕ. Действие по знач. глаг. абстрагировать и абстрагироваться» – данное имя мотивируется глаголом, его словарная дефиниция отсылает к глаголу, от которого оно образовано и чью семантику обобщает приведенное имя: «АБСТРАГИРОВАТЬ. Мысленно отбросить (отбрасывать) несущественные свойства, связи предмета и выделить (выделять) его основные, общие свойства, связи и отношения, мыслить что-л. в отвлечении от несущественных признаков» и «АБСТРАГИРОВАТЬСЯ. 1. От чего. Мысленно отвлечься (отвлекаться) от тех или иных сторон, свойств или связей предметов и явлений с целью выделения существенных и закономерных их признаков» [МАС].

Сложная, многогранная процессуально-событийная картина мира, окружающей нас действительности охватывается (передается) в языке как глагольной, так и именной лексикой. Можно утверждать, что сюда входит вся глагольная лексика (нет глаголов, не представляющих хотя бы одного события) и значительный пласт именной лексики, которую, представляется, следует назвать именами события.

Словарный материал и дефиниции словаря

предоставляют нам возможность выделить следующие пласты именной событийной лексики:

1) *собственно имена события* – это первообразные, исходные имена существительные, не мотивированные и формально не связанные с глаголом, но передающие сложную ситуацию или сложный комплекс ситуаций, который при толковании, при развернутой дефиниции-рассуждении предполагает раскрытие своего значения посредством глагольных слов, других слов процессуальной семантики, например: *абордаж* (см. словарную статью из МАС, приведенную выше), *авантюра*, *авария* и т.д.

Ясно, что семантическая нагрузка данного типа имен далеко не одинакова. Как и у глаголов, здесь можно выделить монопропозитивные и полипропозитивные имена. Далеко не однородны и их словарные дефиниции.

Эти имена не имеют глаголов в своем словообразовательном гнезде, но все они семантизируются с помощью глагольных слов, часто посредством именно имен действия (отглагольных именных дериватов, сохранивших семантику глагола);

2) *имена события, входящие в словообразовательное гнездо глагола*. Эта группа также характеризуется неоднородностью своего состава: большую часть, очевидно, составляют имена, от которых образуются глаголы (в словарных статьях идентифицирующую функцию при толковании глагола выполняет именно данное имя, другими словами, имя мотивирует глагол); сюда же входят слова, мотивировка которых не столь однозначна, вызывает разные толкования (см. размышления об обратной словообразовательной соотнесенности и словах типа *ремонт*, *тоска* у Е.И. Коряковцевой¹²): *адсорбция* – ср. толкования в словаре: «АДСОРБЦИЯ Физ., хим. Поглощение частиц газа или растворенного вещества поверхностным слоем жидкого или твердого вещества» и «АДСОРБИРОВАТЬ. Физ., хим. Произвести (производить) адсорбцию» [МАС];

3) *имена действия – отглагольные дериваты (девербативы, или девербативные имена существительные)*, которые полностью и однозначно мотивируются производным глаголом. Это вполне определенно и однозначно указано в словарных дефинициях: «АКЦЕНТИРОВАНИЕ. Действие по знач. глаг. акцентировать» и «АКЦЕНТИРОВАТЬ. 1. Лингв. Поставить (ставить) акцент. 2. Перен. Выдвинуть (выдвигать) на первый план, подчеркнуть (подчеркивать) ту или иную мысль, деталь и т.п.» [МАС]. При семантизации отглагольного имени указано, что оно обозначает действие. В приведенном случае отглагольный дериват наследует и первое, и второе значение мотивирующего глагола.

«ВЛОЖЕНИЕ 1. Действие по знач. глаг. вложить. 2. То, что вложено, помещено внутрь (преимущественно о чем-л. дополнительном, представляющем ценность). 3. Денежная сумма, вложенная в какое-л. предприятие» и «ВЛОЖИТЬ.

1. Положить, поместить внутрь \\\ перен. Пронизать, наполнить чем-л. (слова, произведение и т.п.) \\\ перен. Отдать, посвятить кому,- чему-л. (мысль, чувство, жизнь и т.д.). 2. Поместить, отдать для хранения, использования (деньги, денежные средства, капитал.» [МАС] В нашем случае интересно первое (отвлеченное) значение отглагольного деривата.

Итак, сфера событийной лексики, которая охватывает и способна передавать практически любое явление окружающей нас действительности, включает как глаголы, так и имена. Условная классификация событийной именной лексики, представленная выше, показывает ее разнообразие, неоднородность на всех уровнях.

Третья группа – *имена, четко и однозначно мотивированные глаголами*, – занимает особое место – находится на границе имен и глаголов, можно сказать, являет собой *пересечение глагольной и именной лексики*, их общую зону, общее пространство.

¹ Коряковцева Е.И. Имена действия в русском литературном языке: история, словообразовательная семантика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. С. 52.

² Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978. С. 84; Коряковцева Е.И. Имена действия в русском литературном языке: история, словообразовательная семантика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. С. 62–63.

³ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981. С. 191.

⁴ Щерба Л.В. О второстепенных членах предложениях // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л., 1958. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении.

Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

⁵ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 154–155. Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 305.

⁶ Золотова Г.А. О взаимосвязи лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 84–90.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Ульянцева С.Г. Семантико-синтаксические связи девербативных существительных в современном русском языке в сопоставлении с украинским: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982. С. 158; Вакулко Н.Г. Выражение дополнительной предикации посредством девербативного оборота в структуре простого предложения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 40.

⁹ Золотова Г.А. Цит. соч. С. 35.

¹⁰ Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. С. 128.

¹¹ Коряковцева Е.И. Цит. соч. С. 71.

¹² Там же. С. 86–87.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ЭРРАТОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ ОШИБОК И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ

А.Б. Шевнин

До настоящего времени вопросам теории и практики перевода наибольшее внимание уделялось лингвистами и психолингвистами. Благодаря им, несмотря на сравнительно короткий срок своего существования как научной дисциплины – начиная с 50-х годов, теория перевода прошла большой путь и сложилась как самостоятельная наука с собственной терминосистемой.

Однако проблема объективности оценки качества перевода, остаётся не менее актуальной, чем на заре становления данной научной дисциплины. Дело в том, что существующие теории перевода при описании и преодолении переводческих трудностей или проблем базируются, как правило, на типологических особенностях языков (иностранных и родного) и расхождениях между ними, которые и представляют собой трудности в работе переводчика. Сопоставительный метод направлен, прежде всего, на выявление различий между сопоставляемыми языками в синхроническом аспекте и поэтому положен в основу так называемой контрастивной лингвистики.

Основы сопоставительного метода были заложены и принципиально обоснованы в нашей стране в 30–40-е годы 20-го столетия в работах Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы. За рубежом значительный вклад в становление сопоставительного метода внесла работа Ш. Балли. По мнению Г. Никкель, действительное зарождение современной прикладной контрастивной лингвистики знаменует публикация в 1957 г. исследования Р. Ладо «Лингвистика поверх границ культур»¹. Интерес к контрастивной лингвистике был стимулирован, прежде всего, изучением и преподаванием иностранных языков. Контрастивная лингвистика устанавливает между сопоставляемыми языками контрасты на всех уровнях языковой иерархии, которые в зависимости от уровня проявляются как диафония (фонологические расхождения), диаморфия (грамматические расхождения), диатаксия (синтаксические расхождения), диасемия (семантические расхождения), диалексия (лексические расхождения).

Представители контрастивной лингвистики заявляли именно о предсказуемости проблем при обучении, исходя из того, что те элементы, которые идентичны элементам родного языка, не представляют трудностей, а те элементы, в основе которых лежит различие с родным языком, такие трудности представляют. Напротив, ряд представителей контрастивной лингвистики, включая

Р. Уордхо, видели в контрастивной лингвистике две версии подхода: «сильная» версия, обладающая предсказывающей силой (predictive application) и «слабая» версия, обладающая объяснительной силой (explanatory application), причём, по мнению Р. Уордхо, «слабая» версия контрастивной лингвистики имеет больше прав на существование, поскольку сторонники «сильной» версии совершенно не принимают во внимание носителей обоих языков и строят свои домыслы на собственном опыте и интуиции².

Однако по прошествии времени среди преподавателей иностранных языков появилось определенное разочарование в результатах контрастивного анализа, поскольку явлением переноса (межъязыковой интерференции) нельзя было объяснить многие процессы, имевшие место в научении и изучении иностранных языков. Представители контрастивной лингвистики полагали, что при овладении иностранным языком основным источником ошибок являются расхождения, сильные контрасты. Практика преподавания показала, что источниками ошибок являются не только сильные, межъязыковые, контрасты, но и слабые контрасты. Контрастивная лингвистика тем более бессильна объяснить, почему обучающиеся английскому языку с разным языковым кодом родного языка (русский, венгерский, финский и т.д.) совершают идентичные ошибки в английском языке.

Представители контрастивной, или сопоставительной, лингвистики, сами откровенно признают, что «среди преподавателей иностранных языков наблюдалось определённое разочарование, пришедшее на смену неоправданно большим надеждам, возлагавшимся некоторыми контрастивистами на контрастивную лингвистику, а именно, что она может предсказать, объяснить и направить процесс освоения языка»³. По мнению того же автора, очевидными причинами неудач являются недостатки теории и метода лингвистики сопоставления, которые вкратце можно свести к следующим: 1) лингвистическая процедура сравнения двух языковых структур не может быть аналогичной реакции обучаемого, поскольку иностранный язык предстаёт перед ним не сразу, а постепенно. Усвоенные знания оказываются включёнными в предшествующий опыт и вместе с родным языком определяют дальнейшее изучение языков. Соответственно, интерференция может быть как межъязыковая, так и внутренняя, не зависящая от родного языка, 2) многие типичные ошибки являются

общими для всех изучающих иностранный язык, независимо от структуры и типа их родного языка, т.е. они носят универсальный характер, 3) контрастивная лингвистика игнорирует пробелы в знаниях обучаемого об иностранном языке, когда его знания не могут обеспечить коммуникации, адекватной ситуации общения. Происходит своего рода «пиджинизация» структур иностранного языка, (например: I write yesterday – I write today – I write tomorrow), обусловленная ограниченностью знаний иностранного языка, а не интерференция между грамматическими структурами иностранного и базового (родного) языков, 4) проба источника интерференции становится актуальной в зависимости от того, вызвана ли интерференция внутренним динамическим фактором (например: I saw him to go по аналогии с I want him to go), т.е. влиянием ранее приобретённых навыков в иностранном языке, или определяется ли интерференция влиянием родного языка, 5) не ясно, как с точки зрения общих положений контрастивной лингвистики понимается влияние различий или сходств между системами иностранного и родного языков на обучение, на процесс обучения в целом, т.е. процессуальность в обучении (как затруднение или облегчение его) или на определённые стадии обучения, т.е. стадийность в обучении. Например, не ясно, какова относительная сложность различных проблем обучения или на каком именно этапе обучения в процессе эволюции языковой компетенции обучаемого можно ожидать проблем разного рода⁴.

Данные недостатки контрастивной лингвистики послужили толчком к появлению иного направления в сопоставительных исследованиях под названием «конфронтативная лингвистика», которая отличается, по мнению ряда исследователей, от контрастивной лингвистики тем, что а) конфронтативная лингвистика исследует не только различия, но и сходства между разными языками, б) конфронтативная лингвистика представляет собой теоретическую отрасль, а контрастивная лингвистика – практическую. Однако здесь же Г. Хельбиг, оговаривается, что «не следует, конечно же, слишком акцентировать внимание на термине; ведь не все языки располагают двумя прилагательными для обозначения разницы между понятиями «конфронтативный» и «контрастивный». Однако несомненным является существенное различие в том, что конфронтативное сравнение не может ограничиваться только расхождениями, а должно оперировать также совпадениями и сходствами сравниваемых языков»⁵.

Иначе говоря, появление конфронтативной лингвистики явилось попыткой нейтрализации недостатков контрастивного анализа и приближения к реальной ситуации овладения иностранным языком и связанными с этим трудностями. Конфронтативная лингвистика исследует не только различия, но совпадения и сходства между различными языками, причём выступает она в двух ипостасях: сопостав-

ление как метод получения новых лингвистических знаний и сопоставление как метод представления лингвистических знаний. В первом случае полное и систематическое описание получает только один иностранный язык, другой же, родной язык служит только точкой отсчёта или фоном для сопоставления. Во втором случае описание сходств и различий сопоставляемых языков подразумевает их равноценный статус и, следовательно, возможность сопоставления в обоих направлениях⁶.

Несмотря на определенный шаг вперед, конфронтативная лингвистика также оказалась не способной в той мере, в какой от нее ожидалось, объяснить все те трудности, с которыми сталкивается изучающий иностранный язык. Как отмечал Г. Хельбиг, неверным является вывод о том, что «простота и трудность изучения иностранного языка автоматически вытекают из обнаруженных при конфронтативном сравнении различий и сходств, что степень интерференции и трудность прямо пропорциональны степени различия языков, что, установив эту степень различия, можно прямо и механически предсказать все сложности процесса обучения»⁷.

Как при контрастивном, так и при конфронтативном анализе игнорировалось центральное звено – роль обучаемого в процессах усвоения сходств и различий между родным и иностранным языками. Естественно, что на лингвистическом небосклоне появляется новое направление, которое получило название «анализ ошибок» (error analysis) и которое стало любимицей 60–70-х годов. При анализе ошибок главной действующей фигурой становится учащийся, изучающий иностранный язык. В этом проявился **антропоцентрический характер** данного направления, при котором языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений и который (антропоцентризм) является одним из ведущих для современного языкознания. По мнению представителей данного направления, анализ ошибок первоначально ставил перед собой три цели. Во-первых, не входя в противостояние с контрастивным анализом, анализ ошибок представляет собой важный источник сотрудничества с сопоставительными методами в плане предсказания ошибок. Во-вторых, исследование ошибок учащегося позволяет формулировать правила для его интеръязыка, что более объективно ориентирует преподавателя в подборе материала для дальнейшего обучения. В-третьих, определение контуров языкового развития учащегося путем анализа его ошибок имеет психолингвистическую значимость в том смысле, что оно позволяет критически отнестись к теории переноса и предоставляет данные о природе и значении тех препятствий, которые стоят на пути выведения правил пользования иностранным языком⁸. Однако в отношении первой цели, стоящей перед представителями теории анализа ошибок, имеются и противоположные мнения

относительно того, что эмпирический анализ ошибок не является альтернативой фронтативной лингвистике, поскольку он способен только классифицировать ошибки, констатировать их наличие и место, но не в состоянии объяснить, почему ошибки возникают. «На самом деле, анализ ошибок и фронтативный анализ находятся в отношениях дополнительного распределения: фронтативный анализ пытается предсказать потенциальные ошибки при помощи сравнения исходного языка и языка-цели, чтобы объяснить и избежать актуальные ошибки»⁹.

Нам представляется, что важнейшим вкладом исследователей анализа ошибок было введение таких понятий, как «вход» (input), т.е. то, что предоставляется в качестве учебного материала для учащегося, и «выход» (output), т.е. то, что усваивается учащимся и находит подтверждение в его речевой деятельности. На пути между входом и выходом располагается учащийся, который рассматривается не как статическая, а как динамическая, активная составляющая процесса изучения иностранного языка. Преподаватели-практики столкнулись с проблемой того, что не все, что предназначено для изучения и усвоения (вход), качественно и количественно совпадает с тем, что действительно усваивается и реализуется в речи учащегося (выход). Именно поэтому на пути между входом и выходом появился «черный ящик», который представляет собой мозг учащегося и механизмы, регулирующие отбор материала на входе.

Для регистрации знания о переходной компетенции учащегося сигналами являются систематические ошибки, которые совершают учащиеся и которые получили название «ошибок компетенции» (errors of competence). При этом ошибки квалифицируются не как негативное явление (как подлежащее устранению интерференционное влияние со стороны родного языка), но, наоборот, как позитивное (признаки формирующегося интеръязыка). Как отмечает Ю.В. Красиков, «ошибочные процессы подчиняются тем же закономерностям, что и процессы «нормального» порождения, что отклонение в речевой деятельности не является чужеродным для этой деятельности, но органически присуще ей. Отклонение – это продолжение того же процесса, но за границами нормы»¹⁰.

Будучи разновидностью межъязыковой деятельности, перевод также можно квалифицировать как направление сопоставительного метода изучения иностранного языка, что позволило, например,

Г.У. Керквуду, определить перевод как основу контрастивного лингвистического анализа¹¹. В движении к более полному объяснению основ обучения и изучения иностранного языка обнаруживаются четыре направления межъязыкового сопоставительного исследования: контрастивная лингвистика, фронтативная лингвистика, анализ ошибок и перевод.

В свою очередь анализ ошибок создает необходимую теоретическую базу для введения в парадигму общелингвистических и психолингвистических исследований научно-исследовательского направления под названием «эрратология», поскольку эрратологический материал может служить перспективной и объективной базой для возможного переосмысления многих теоретических положений, коррекции методики преподавания и изучения иностранных языков и перевода. Эрратология может получить статус самостоятельной научной дисциплины со своим объектом, предметом и методами исследования широкого спектра проблем речевой и переводческой деятельности, причем в рамках последней эрратологию следует рассматривать как теорию переводческих несоответствий.

¹ Никкель Г. Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25. С. 351.

² Wardhaugh R. The contrastive analysis hypothesis // Second Language Learning. Contrastive Analysis, Error Analysis, and Related Aspects. – Univ. of Michigan, 1991. P. 10.

³ Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. С. 128.

⁴ Немзер У. Цит. соч. С. 129–134.

⁵ Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25. С. 309–310.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ Error Analysis. London, N.Y.: Longman Group Limited, 1984. P. 3.

⁹ Хельбиг Г. Цит. соч. С. 322.

¹⁰ Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок. М., 1980. С. 63.

¹¹ Керквуд Г.В. Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25. С. 341.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА «БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л.Г. БАБЕНКО»¹

Н.А. Боровикова, Г.Н. Плотникова

Отечественная лексикография имеет богатый опыт в создании толковых словарей, однако вышедший в свет в издательстве «АСТ-ПРЕСС КНИГА» «Большой толковый словарь русских существительных» под общей редакцией профессора Л.Г. Бабенко, которой принадлежит и разработка основного словаря, принципиально отличается от своих предшественников. Впервые в нем соединены идеографических словарей (тематическое представление русских существительных), толковых словарей (объяснение значений с иллюстрациями употребления в речи), словарей и словарей-справочников (ко многим именам указываются их парадигматические связи, синонимы и антонимы).

Авторский коллектив, имея богатый опыт лексикографической работы с русскими глаголами, за семантическую классификацию другой, не менее важной, части речи, имен существительных, и блестяще справился с этим.

В основе концепции данного словаря лежит представление о системном характере лексики, ее внутренней обусловленности и взаимосвязи парадигматических, синтагматических и вариантных отношений между словами. Однако при выявлении классов русских существительных авторы словаря отталкивались прежде всего от типа отображаемой ими ситуации. Основными рубриками словаря являются денотативные сферы, каждая из которых объединяет существительные, отображающие участников типовой ситуации. В словаре представлена 41 денотативная сфера, как то: «Живое существо», «Неживая природа», «Интеллект», «Эмоции», «Время», «Пространство», «Быт», «Образование», «Наука», «Искусство», «Социальные отношения» и другие.

В каждой денотативной сфере содержатся более мелкие семантические классы слов, или денотативно-идеографические группы, которые раскрывают самые значимые компоненты типовой денотативной ситуации. Например, сфера «Образование» (XXXII) включает в себя следующие группы:

32.1. Существительные, обозначающие человека по роли в учебном процессе (*абитуриент, аспирант, лицеист, отличник, учитель* и др.).

32.2. Существительные, обозначающие учебный предмет (*дисциплина, курс, предмет*).

32.3. Существительные, обозначающие учебное заведение (*академия, вуз, курсы, студия, ясли* и др.).

32.4. Существительные, обозначающие форму обучения (*бакалавриат, диктант, практика, тест*).

32.5. Существительные, обозначающие средства обучения (*карта, пропись, словарь, пособие, программа* и др.).

32.6. Существительные, обозначающие отметку (*балл, зачет, тройка, кол* и др.).

32.7. Существительные, обозначающие документ (*аттестат, зачетка, дневник, журнал* и др.).

32.8. Существительные, обозначающие время обучения (*курс, семестр, час, урок* и др.).

Новизна опубликованного недавно словаря проявляется не только в денотативном способе категоризации имен существительных, но и в антропологическом подходе к формированию структуры словаря, когда взаиморасположение денотативных сфер и групп внутри сферы обусловлено ролью человека в процессе освоения окружающего мира.

В словаре подвергнуты идеографическому описанию свыше 15 000 существительных. В соответствии с функциональным и синхронным подходом состав словника определяется в основном степенью употребительности лексем на современном этапе. При этом акцент делался на общеупотребительную нейтральную лексику. Стилистически маркированная лексика представлена ограниченно, в словарь включены лишь те лексемы, которые, по мнению авторов, активно употребляются в живой речи и не имеют грубо-просторечной окраски, например: *минералка, нержавейка, ружлядь, скряга, язвенник*.

Подобный отбор лексем объясняется тем, что словарь является учебным и комплексным, а для такого типа словарей минимизация в отборе материала вполне обоснована. Хотя, на наш взгляд, следует отметить тот факт, что по каким-то причинам в словаре отсутствуют некоторые существительные, являющиеся в современном русском языке не только общеупотребительными и частотными, но несущими большую смысловую нагрузку в общей языковой картине мира. Так, в группе существительных, обозначающих язык, языковые единицы и явления (6.8), из денотативной сферы «Интеллект» отсутствуют лексические единицы *предложение, звук, слог* и др.; в группе существительных, обозначающих результат образования (32.9) нет слов *знание, умение, хотя навык* есть. Или, например, отсутст-

вует существительное *покойник* как в словнике, так и в группе существительных, обозначающих смерть живого существа (1.1.1.3). На наш взгляд, спорным является также отсутствие в группе существительных, обозначающих преступление, таких слов, как *терроризм*, *хулиганство*, *мошенничество* и др. В то же время существительное *терроризм* отнесено лишь к сфере политики, существительное *хулиганство* – к сфере социальных отношений, к группе существительных, обозначающих поведение (38.12).

Тем не менее такое замечание ни в коей мере не умаляет значимость данного фундаментального лексикографического труда.

Несомненным достоинством рецензируемого словаря является разработанная авторами (в опоре на свой лексикографический опыт) структура толкования существительных, которая позволяет наиболее полно представить семантику слова. При этом толкования лексических единиц, входящих в одну группировку, приобретают определенную однотипность, унифицированность благодаря тому, что описывается типовая семантика всей группы слов и указывается базовое имя (или ряд имен). Так, в рубрике «Военная служба» (XXVI) первая денотативно-идеографическая группа объединяет существительные, обозначающие человека. Типовая ситуация (в словаре: *типовая семантика*) описывается следующим образом: человек или группа лиц, которые находятся на военной службе и обучены уничтожать живую силу противника во время боя с помощью тех или иных военных средств, а также человек, который руководит военными операциями. В качестве базовых имен приводятся: *человек*, *воин*, *совокупность людей*. Данная обобщенная семантическая характеристика единиц одной группы затем уточняется в толковании каждого отдельного слова (*автоматчик*, *афганец*, *разведчик*, *ополченец* и под.). Такой многоступенчатый способ семантизации лексики оказывается особенно полезен тем, кто изучает русский язык как неродной.

Следует отметить, что более полной семантизации слов способствует также включение в словарную статью синонимов и антонимов. Особенно это касается тех случаев, когда в одной группе оказывается несколько лексико-семантических вариантов многозначного слова, например, в денотативной сфере «Эмоции», в группе существительных, обозначающих человека как носителя эмоций, лексема *субъект* дана в двух семантических вариантах, к первому приведены синонимы *лицо*, *личность*, *особа*, *персона*, *фигура*, *человек*, а ко второму ЛСВ – синонимы *тип*, *молочник*, *фрукт*, *субчик* (все с пометой *Разг. пренебр.*).

Подобный подход к описанию лексических единиц дает возможность показывать тонкие семантические различия между близкими по смыслу словами одной и той же группы. По этой причине рецензируемый словарь окажет неоценимую услугу, в первую очередь, филологам, работающим в школе и вузе, и иностранцам, изучающим русский язык, а также всем, кто хочет глубже проникнуть в богатства русского языка, повысить культуру речи.

Помимо практической ценности, словарь имеет и научно-теоретическое значение, так как содержит информацию научно-лингвистического характера, касающуюся системной организации русских существительных. Словарь открывает широкие возможности для дальнейшего изучения механизмов категоризации и формирования языковой картины мира, а также для различного рода сопоставительных исследований.

Без всякого сомнения, этот фундаментальный словарь вызовет большой интерес как у специалистов по русскому языку и общему языкознанию, так и у широкого круга читателей.

¹ Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.И. ТОМАШПОЛЬСКОГО «ГАЛЛОРОМАНСКИЙ ГЛАГОЛ»¹

Н.Н. Лыкова

Рецензируемая монография входит в цикл фундаментальных трудов отечественных лингвистов, посвященных сравнительному изучению романских языков и реконструкции общероманского состояния. С восьмидесятых годов XX века В.И. Томашпольский занимается проблемой реконструкции протороманской системы спряжения, цикл его публикаций вносит значительный вклад в создание общероманской грамматики. В данной работе внимание автора обращено к исследованию ареального варианта общероманского спряжения. В качестве основной задачи выдвигается реконструкция протогаллороманской системы спряжения, то есть данное исследование представляет собой «фрагмент общероманской (протороманской) грамматики» (с. 5).

Монография состоит из предисловия, двенадцати глав, каждая из которых служит раскрытию общего замысла монографии, и заключения. Самостоятельную ценность имеет исчерпывающий библиографический список, включающий 376 работ (из них 278 – на иностранных языках). Он дает целостное представление о развитии романского языкознания в отечественной лингвистике, с одной стороны, и о становлении сравнительно-исторической грамматики романских языков, с другой.

В Предисловии автор характеризует объект изучения, используемые методы, материал, определяет значение своего исследования в теоретическом - связь романского языкознания и лингвистической компаративистики; развитие теории реконструкции и методики восстановления ареальных вариантов протоязыка – и практическом плане – уточнение и дополнение латинских фактов и известных реконструкций. Подчеркивается справочный характер публикации. Она адресуется прежде всего специалистам по общему, сравнительно-историческому и романскому языкознанию, а также студентам и аспирантам.

Первая глава «Галлороманская, протороманская и латинская системы спряжения» содержит материалы, касающиеся ранней (3–1 вв. до н.э.) и поздней протороманской системы простых глагольных форм (1–3 вв.), восстанавливается исходная галлороманская система простых глагольных форм (4–5 вв.), включающая три наклонения, три неличные формы, четыре времени. При установлении типов спряжения романских глаголов автор опирается на разработанную им классификацию, в основе которой лежат следующие признаки: регулярность основ, тематический гласный, формообразовательные суффиксы, характер ударения, активность и продуктивность класса глаголов (с. 11).

Во второй главе обсуждаются галлороманские глагольные флексии, совокупность которых делится на общие, перфектные и императивные флексии. Даются существенные для реконструкции рефлексы, объясняется история глагольных окончаний, реконструируется система глагольных флексий галлороманского праязыка и сопоставляется с протороманскими и латинскими формами. В результате анализа полученных данных выявляются различия между галлороманской и латинской системами (с. 22–23).

Главы 3–12 посвящены анализу глагольных парадигм (презентные формы индикатива и конъюнктива, императив, имперфект, перфект, плюсквамперфект индикатива и конъюнктива, футурум 1). Главы строятся по следующему плану: изучается структура словоформ (выявляются основные модели), анализируются парадигмы глаголов трех спряжений, реконструируются и комментируются прототипы шести форм. В заключительном параграфе каждой главы полученные данные сводятся в таблицу, сопоставляющую галлороманские формы с протороманскими и латинскими вариантами.

Особый интерес вызывает глава 7 «Имперфект конъюнктива», поскольку «романская история имперфекта конъюнктива в целом еще не написана» (с. 96). Автор рассматривает существующие гипотезы о рефлексах имперфекта конъюнктива и, опираясь на данные сравнительно-исторического анализа галлороманских языков и диалектов, доказывает, что прямые рефлексы протороманского имперфекта конъюнктива не сохранились, «следовательно, в галлороманском праязыке 4–5 вв. парадигма имперфекта конъюнктива не употреблялась» (с. 98).

В главе 8 решается частная задача реконструкции протогаллороманских парадигм перфекта индикатива. В отличие от традиционного деления перфектов на слабые и сильные В.И. Томашпольский предлагает собственную классификацию типов перфектов: слабые парадигмы (охватывающие почти все романские и галлороманские глаголы), смешанные парадигмы (характерные для небольшой группы глаголов) и сильные парадигмы (не свойственные галлороманским областям). Выделяется восемь типов парадигм перфектов. Не ограничиваясь анализом прототипов перфектных форм, автор приводит предположения видных зарубежных и отечественных романистов, возводящих эти формы к латинскому или народнолатинскому языку.

Глава 9 восполняет еще один пробел в исторической грамматике романских языков, в ней исследуется галлороманская история перфекта

конъюнктива – будущего 2. На основании изучения гасконских рефлексов выясняется, что в галлороманский период не было различий между формами перфекта конъюнктива и футурум 2, поэтому выделяется единая парадигма. Предполагается, что эти формы могли иметь темпоральное и модальное значения.

В главах 10 и 11 впервые восстанавливаются галлороманские прототипы плюсквамперфекта индикатива и плюсквамперфекта конъюнктива. Уточняется значение плюсквамперфекта индикатива: временное (предпрошедшее и прошедшее) и модальное (ирреальность в прошедшем или настоящем).

Исследуя будущее 1 (глава 12), автор отходит от принятой методики, прослеживая вначале следы будущего 1 в романских языках, и отмечает, что в основе форм будущего времени современных романских языков лежат региональные романские прототипы. Для галлороманского праязыка существенны рефлексы глагола «быть» (с. 169). Реконструируется протогаллороманская парадигма глагола «быть» в будущем времени.

В Заключении выделяются и четко формулируются особенности протогаллороманской сис-

темы спряжения, «которые отличают ее как от предыдущих этапов развития, так и от других ареальных вариантов...» (с. 175).

Поразительна глубина изучения глагольных парадигм. Думается, что эта работа привлечет внимание многих лингвистов, интересующихся проблемами сравнительной грамматики и истории романских языков, поскольку в монографии в концентрированном виде обобщен и представлен результат многочисленных изысканий в этой области. Проблема реконструкции общероманского глагола, поставленная автором еще в публикациях 80-х годов, в рецензируемой монографии получила новое осмысление. Фундаментальность данной работы проявляется в том, что она продолжает лучшие традиции сравнительно-исторического изучения языков, гармонически сочетая высокий теоретический уровень исследования с детальным, кропотливым описанием исследуемого материала.

¹Томашпольский В.И. Галлороманский глагол: Монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 198 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «PERSPEKTIVEN AUF MEDIENSPRACHE UND MEDIENKOMMUNIKATION: BEITRÄGE DER KONFERENZ “MEDIENSPRACHE ALS OBJEKT INTERDISZIPLINÄRER FORSCHUNGEN”»¹

Н.В. Пестова

На филологическом факультете МГУ им. Ломоносова состоялась конференция «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования», в которой приняли участие ведущие российские и немецкие лингвисты-когнитологи, исследующие различные аспекты функционирования языка СМИ в современном обществе. Конференция вызвала широкий научный резонанс. Институт немецкого языка в Мангейме (Германия) совместно с российскими коллегами из МГУ им. Ломоносова подготовил к печати и выпустил в марте 2005 г. в своем издательстве «Amades» («Рабочие документы и материалы исследований по немецкому языку») сборник материалов конференции в переводе на немецкий и английский языки (под редакцией профессоров В. Каллмайера и М.Н. Володиной) под общим названием «Перспективы языка СМИ и медиакommunikation». Сборник открывается публикацией приветственного слова директора Института немецкого языка в Мангейме, профессора Г. Штикеля, и декана факультета журналистики МГУ им. Ломоносова, профессора Я.Н. Засурского, к участникам конференции, в котором ораторы отметили исключительную актуальность и своевременность проведения такого форума и необходимость изучения колоссального влияния языка СМИ на развитие языка в целом, на стратегии речевого поведения, на типологию текстов не только психологами и социологами, но и лингвистами. Возможности глубоких интернациональных исследований открываются, по мнению ораторов, лишь с позиций широкого междисциплинарного подхода к языку СМИ, который и характеризует рецензируемые ниже материалы. О международном интересе к проблемам языка СМИ свидетельствует как участие в московском форуме проф. В. Каллмайера, так и публикация материалов в широко известной серии рабочих документов «Amades» Института немецкого языка. Перевод материалов на немецкий и английский языки предоставил лингвистам-неславистам возможность познакомиться с широким спектром исследований языка СМИ в России.

В соответствии с работой секций конференции материалы сборника распределены по пяти основным направлениям исследований языка СМИ. Общие теоретические вопросы обсуждаются в статьях Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, В.Г. Кузнецова, Ю.Д. Артамоновой и М.Н. Володиной. В них представлены приоритетные направления современных исследований и их предметные сферы (Е. Кубрякова), обсуждается наиболее эффективная

методика лингвистического анализа текстов СМИ (В. Демьянков), в том числе и с позиций герменевтики (В. Кузнецов, Ю. Артамонова). М. Володина рассматривает лингвокультурологическую специфику таких текстов и потенциал их воздействия на общество.

Психолингвистические аспекты исследования языка СМИ представлены в четырех статьях. Так, А.А. Леонтьев концентрирует внимание прежде всего на проблемах искажения информации и манипуляции через СМИ массовым сознанием. В.Ф. Петренко представляет возможности реконструкции изменений картины мира средствами коммуникации в рамках психосемантического подхода. В статье О.Н. Григорьевой речь идет об исследовании семантики восприятий и объективировании в текстах СМИ негативных эмоций. Л.В. Матвеева анализирует проблему рецепции рекламных передач телевидения.

Третий блок составляют статьи, авторы которых (О.В. Александрова, И.Б. Руберт, Д.Б. Гудков, А.П. Чудинов, Н.Л. Бучнева) анализируют язык СМИ с точки зрения когнитивной лингвистики. В центре внимания материалов И. Руберт стоит понятие мифологемы как одного из главных средств эффективного воздействия на реципиента. Д. Гудков исследует роль национального мифа в российском политическом дискурсе и подчеркивает значение в нем прецедентных имен. Сопоставляя высказывания относительно военных действий в российских и американских СМИ, А. Чудинов представляет когнитивный подход к исследованию текстов, в которых с помощью концептуальной метафоры осуждается или оправдывается война. Метафоризации технической и медицинской терминологии в современной немецкой прессе посвящена статья Н. Бучневой.

В разделе прагматических исследований медиадискурса И.М. Кобозева продолжает разговор о концептуальной метафоре, ее разновидностях в текстах СМИ и информирует о создании банка данных тех метафорических моделей, с помощью которых в российских СМИ, как правило, комментируются европейские политические события. П.Б. Паршина интересуется проблемами интертекстуальности в текстах СМИ. Он обращает внимание на резко возросшую частотность использования интертекстуальных отсылок в языке рекламы СМИ и на их специфическую функцию в общей стратегии прагматического воздействия. Язык рекламы стоит в центре внимания и в статье Ю.К. Пироговой, которая исследует специальные комму-

никативно-прагматические стратегии подчеркивания уникальности, исключительности тех или иных товаров в сфере маркетинга. Тема языка рекламы СМИ и способов создания и поддержания имиджа ее средствами продолжена в статье Л.В. Минаевой. Т.А. Комова на материале лексико-семантического поля социальной принадлежности сначала демонстрирует всю историческую глубину дефиниций личностной и социальной идентификации, исследованной в исторических политических и художественных текстах, а затем сопоставляет этот материал с дискурсом идентификации в современных СМИ. Немецкий коллега, проф. В. Каллмайер на примере передач немецкого телевидения обсуждает проблему ТВ, с одной стороны, как арены не затихающего спора вокруг языковой и речевой нормы и норм социального поведения, а с другой, как сцены, на которой все эти нормы могут не соблюдаться.

Последний раздел материалов посвящен специфическим явлениям языка СМИ. Г.Я. Солганик предлагает вниманию исторический анализ языка российской газеты в XX веке, используемого для информирования и комментария политических процессов. В.М. Лейчик выявляет в публици-

стических текстах современности тенденции интеллектуализации и демократизации. О.А. Ксензенко уделила внимание языковой игре и игре с видеорядом в рекламе. Два следующих доклада рассматривают общие тенденции языкового развития под воздействием языка СМИ. Так, Л.А. Кудрявцева поясняет на ряде примеров его влияние на формирование и развитие русского разговорного языка, а Т.Н. Богрданова детально исследует влияние английского языка на русский на примерах газетных текстов разных жанров. В заключении А. Герцог комментирует на примере языка Интернет особенности этого вида коммуникации в немецкоязычном регионе.

Каждая статья снабжена комментариями и ссылками на литературу.

¹ *Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation: Beiträge der Konferenz «Mediensprache als Objekt interdisziplinärer Forschungen»*. Philologische Fakultät der Staatlichen Lomonosov-Universität Moskau. Hrsg. vom Institut für Deutsche Sprache. Mannheim: AMADES. Nummer 2/05. März 2005. 316 s.

РЕЦЕНЗИЯ НА СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА «STYLISTYKA. XIV 2005»¹

Н.Б. Руженцева, С.А. Еремина

Один из наиболее авторитетных лингвистических журналов Восточной Европы «Stylistyka» (Польша) посвятил специальный выпуск юбилею профессора Пермского государственного университета Маргариты Николаевны Кожиной – ученого, вклад которого в теорию функциональной стилистики получил широкое признание во всем мире. Юбилейный выпуск «Stylistyka. XIV 2005» по существу представляет собой презентацию достижений как в сфере стилистики, так и в областях лингвопрагматики, риторики, теории и практики массовой коммуникации и других направлений современного речеведения и текстоведения.

Издание открывается статьей В.А. Салимовского, которая посвящена презентации Пермской научной школы функциональной стилистики и ее главы – М.Н. Кожиной. Автор подчеркивает ведущую роль М.Н. Кожиной в становлении российской стилистической школы и ее достижения в области исследования стиля, трактуемого не в качестве совокупности языковых средств, а в качестве речевого феномена, соотносимого с той или иной сферой общественной деятельности и формой сознания.

Статья К.Э. Шталь, помимо характеристики основных достижений Пермской научной школы, посвящена особой стилистической технике анализа научного текста, обеспечивающей логическую стройность рассуждения и установку на междисциплинарные исследования под строгим контролем лингвистики. Исследованию научного стиля посвящена и имеющая широкую практическую направленность статья М.П. Котуровой «Принципы функционально-стилистического редактирования научных текстов».

Одно из центральных мест в выпуске занимает статья М.Н. Кожиной «Размышления над вопросом о соотношении функциональной стилистики и дискурсных исследований (с речеведческих позиций)». Главная мысль публикации состоит в том, что функциональную стилистику и дискурсный анализ сближают принцип процессуальности и учет внеязыковых факторов. Однако функциональная стилистика и дискурсный анализ как исследовательские направления не являются тождественными: функциональную стилистику интересуют проблемы влияния творческой коммуникативно-познавательной деятельности на текстовую организацию произведений, восходящих к разным функциональным стилям. Предметом дискурсного анализа являются, в свою очередь, самые разнообразные коммуникативные проявления жизни человеческих сообществ, взятые в рамках широкой социальной практики.

Особое место в издании занимает статья О.Б. Сиротининой «Стилистика в свете типов речевой культуры». В ней затрагиваются такие представляющие общественный интерес вопросы современной языковой жизни России, как связь типов речевой культуры с уровнем знания функционально-стилевой дифференциации литературного языка и степень умения пользоваться тем или иным функциональным типом речи в зависимости от ситуации. Автор характеризует различные типы речевой культуры, определяет их границы и приходит к выводу о том, что тип речевой культуры есть характер отношения к знаниям, и прежде всего к знаниям о языке и его нормах. Поэтому актуальной задачей стилистики должно стать изучение речи полифункционального носителя речевой культуры, а не носителя обиходного и тем более не литературно-жаргонизирующего типа.

Интерес для польских филологов представляют не только проблемы стилистики, но и проблемы смежных со стилистикой областей, в частности РИТОРИКИ. В связи с этим важна статья А.П. Сквородникова «О классификации риторических приемов». Автор предлагает оригинальную концепцию риторического приема как прагматически мотивированного отклонения от нормы в широком смысле. В свою очередь, норма определяется как « понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства». Концепция риторических приемов уточняется посредством распространения понятия онтологической нормы и, соответственно, мотивированного отклонения от этой нормы на все виды риторических средств. А.П. Сквородников иллюстрирует теоретические положения классификацией риторических приемов с отклонениями от онтологической нормы на базе одного жанра – анекдота.

Ряд включенных в сборник публикаций посвящен актуальнейшим в настоящее время ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИМ, ДИСКУРСИВНЫМ И ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИМ аспектам исследования речи и текста. Это прежде всего статья А.Н. Баранова, в которой автор намечает пути «последовательного развития лингвопрагматики как функциональной перспективы языка», а также перспективы совершенствования когнитивно-интерпретационного метода, позволяющего решать актуальные вопросы порождения и рецепции текстов. Значительный интерес представляет статья Н.И. Формановской, посвященная фактору адресата – важнейшему компоненту прагматической

рамки порождения и восприятия речи. Н.И. Формановская предлагает интересную типологию адресатов в зависимости от функционально-стилистической принадлежности произведений речи, их жанровых разновидностей и ряда других факторов текстообразования. Данная типология и ее обоснование имеют несомненную перспективу для дальнейшего развития лингвопрагматики, в частности для лингвопрагматического описания устных и письменных жанров. Смежным проблемам прагматики и поэтики и прагматики и стилистики посвящены статьи В.В. Дементьева и Е.А. Баженовой. Отталкиваясь от положения М.Н. Кожинной о художественной разновидности речи как одного из функциональных стилей, В.В. Дементьев дает достаточно развернутый обзор подходов к исследованию «поэтики человеческого общения» и обосновывает необходимость изучения художественных произведений в коммуникативно-образном ключе с привлечением экстралингвистических явлений и факторов. В свою очередь, Е.А. Баженова в статье «Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста» развивает концепцию М.П. Котуровой, дополняя понятие эпистемической ситуации коммуникативно-прагматическим аспектом, «связанным с вербализацией полученного знания, его ориентацией на адресата и вхождением в глобальный континуум науки».

Исследованию ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСА посвящены представленные в сборнике статьи А.П. Чудинова, Е.В. Белоглазовой, М.В. Колтуновой. Центральной общетеоретической статьей этого блока является публикация А.П. Чудинова. «Новые российские исследования по политической лингвистике», в которой автор характеризует сложившиеся подходы к исследованию политического языка, в том числе – дискурсивный подход, и дает развернутую библиографию по данной теме. Е.В. Белоглазова исследует дискурс современной детской литературы, а М.В. Колтунова, обращаясь к деловому дискурсу, раскрывает положение о том, что «конвенциональная природа социальных и коммуникативных ролей в социальной сфере общения определяется культурной национальной спецификой, национальными традициями, сферой общения и прагматическими запросами ситуативно-жанрового характера».

Большой интерес для польских филологов представляют работы российских ученых, посвященные ЖАНРООБРАЗОВАНИЮ. При отборе материала для сборника предпочтение отдавалось жанровым разновидностям, используемым СМИ. Подборка статей освещает вопросы изучения жанра с разных сторон – это типология газетных рече-

вых жанров (Л.Р. Дускаева), особенности текстообразования отдельных жанровых форм (Ю.А. Бельчиков), ряд публикаций, по частным, но интереснейшим вопросам организации текстов СМИ (Л.М. Майданова, М.А. Кормилицына). В этой связи большой интерес представляет статья Л.М. Майдановой «Стереотипы необустроенности и нецивилизованности России в текстах СМИ». В рамках диахронного подхода (материалом статьи являются тексты, опубликованные в СМИ на протяжении более чем 10 лет) автор исследует образ России, представленный языковыми и речевыми единицами, репрезентирующими смыслы «крах», «кризис», «катастрофа», «крушение» и др. Характеризуя типичную для газетно-журнального дискурса медиа-картину мира, Л.М. Майданова описывает не только указанные выше смыслы, но и речевые приемы создания образа «внутреннего и внешнего врага». Из этого следует интересный вывод о широком бытовании в публикации СМИ оценочной оппозиции «цивилизованные страны» – «нецивилизованная Россия», а также о промежуточных формах репрезентации оценки в отношении нашей страны.

Вопросы СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ были и остаются актуальными для исследователей мировых и славянских языков. Подборка публикаций сборника отражает исследование проблем сравнительно-типологического языкознания с различных сторон. Это проблемы билингвизма (О.А. Крылова), сопоставительная стилистика (В. Аврамова), современные исследования на стыке таких дисциплин, как стилистика и межкультурная коммуникация (В.Е. Чернянская).

Наконец, материал сборника включает отдельные работы по частным проблемам исследования художественной речи и фольклорных текстов (Г.Д. Ахметова, М.А. Венгерович).

В целом выпуск «Stylistyka. XIV 2005» является внутренне циклизированным собранием статей, отражающих последние достижения российских и зарубежных лингвистов в рамках стилистико-прагматического и ряда иных подходов к исследованию славянских языков. Издание содержит интереснейший материал, свидетельствующий о разностороннем, разноаспектном, современном и глубоком интересе российской науки к описанию таких важнейших для изучения национального сознания явлений, как язык – речь – текст-дискурс.

¹ Stylistyka. XIV 2005 / Отв. редактор проф. Станислав Гайда. Варшава: Польская академия наук, 2005.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.Н. ЛЫКОВОЙ «ГЕНЕЗИС ЯЗЫКА ПРАВА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ДОКУМЕНТОВ X–XV ВЕКОВ)»¹

О.А. Турбина

В 2005 году в издательстве Тюменского государственного университета вышла монография Н.Н. Лыковой «Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков)», посвященная малоизученной теме – истории формирования французской и русской терминологии в области права на ранних этапах развития юридического делопроизводства. Книга своевременна и ценна прежде всего для общего и специального терминоведения, поскольку изучение процессов терминообразования в настоящее время представляет особую актуальность в связи с появлением новых и расширением старых областей научной, культурной и правовой социальной деятельности. Наряду с этим более узкую, но не менее весомую значимость, данная работа имеет в области исторической лексикологии французского и русского языков.

С другой стороны, привлечение автором большого количества исторических юридических документов и их изучение с лингвистической точки зрения определяет актуальность монографии Н.Н. Лыковой и для истории права, поскольку опубликованные в ней материалы подтверждают, уточняют и вносят поправки в данные этой науки. Автор последовательно рассматривает историю и этимологию специальной лексики, проводит компонентный анализ терминологических словосочетаний, изучает колебание узуса при выборе специального термина в определенный исторический период. Иными словами, материалы монографии Н.Н. Лыковой отражают закономерности процессов формирования терминосистем в специальных областях на примере развивающихся терминосистем правовой сферы старофранцузского и древнерусского языков. В силу этого данная монография представляет интерес для специалистов ряда наук юридической направленности, таких, как, например, история права. Она будет востребована также в сфере законотворческой деятельности в области права, поскольку разработанный Н.Н. Лыковой методологический аппарат анализа специальной терминологии, позволяющий судить о степени кодифицированности, а значит – степени совершенства правовых норм и понятий в той или иной национальной культуре, позволит определить и оценить степень потребности совершенствования отдельной правовой системы.

Удачным решением в автора монографии является использование системного подхода к анализу собранного материала, который позволил всесторонне рассмотреть процесс формирования терминосистемы права в сопоставляемых языках с

учетом как внутри-, так и внешнелингвистических факторов.

Импонирует также и то, что во введении полно и подробно описан материал исследования, что снимает лишние вопросы по уточнению отдельных сведений и дает исчерпывающее представление о тех языковых памятниках, с которыми работал автор.

Структура монографии проста и логична: введение, пять глав, заключение и библиографические списки.

Разработке теоретических основ исследования посвящена первая глава монографии. Здесь последовательно проводится анализ языка права как основного объекта данного исследования и проблемы его (языка права) терминообразования; изучается место права в национальных культурах России и Франции соответствующего периода; приводится периодизация становления языка права в этих государствах.

Последующие четыре главы обращены к рассмотрению четырех выделенных автором диссертации доминантных концептов правовой сферы: «правосудие», «преступление и наказание», «права и обязанности», «имущество, собственность, наследство». В этой части работы автором последовательно показано, как формировались терминосистемы права в старофранцузском и древнерусском языках на ранних этапах развития государственности. Были выявлены сходства и различия в процессах развития языка права. В частности, Н.Н. Лыкова отметила, что рассматриваемые терминосистемы в указанный период отличаются разной степенью полноты: более разветвленная система терминов в старофранцузском и менее развитая в древнерусском. Это объясняется, по мнению автора, влиянием различных культурных традиций средневековой Франции и Древней Руси. Наряду с этим отмечаются и общие черты двух терминосистем, состоящие в том, что для обоих языков характерна недостаточная дифференцированность ряда правовых понятий и полифункциональность терминов. Данные свойства, очевидно, присущи любому терминологическому аппарату на начальном этапе его развития.

Следует отметить, что текст монографии написан в хорошем научном стиле, ясным языком, не требующим, как это иногда наблюдается в исследованиях современных авторов, дополнительной расшифровки (терминов, аббревиатур и пр.). При изложении материала Н.Н. Лыкова показала большую научную эрудицию в исследуемом вопросе, исчерпывающее владение материалом. Ею собра-

ны и проанализированы практически все основные источники древнего французского и русского права, что не оставляет шансов усомниться в достоверности полученных результатов, которые, безусловно, займут свое место в соответствующих словарях, справочниках, разделах истории французского и русского языков и истории права.

Тем не менее, некоторые рассуждения автора монографии имеют дискуссионный характер и вызывают вопросы.

Так, Н.Н. Лыкова настаивает на том, что в Древней Руси «право вытеснено из сферы культурного» (см., например, с. 285). Возможно ли, чтобы какой-либо аспект жизни общества, объединенного национальным самосознанием, оказался за пределами национальной культуры, даже если речь идет о реалиях обыденной сферы, каковым, по логике автора диссертации, было древнерусское право?

В таблице на с. 184–185 показаны т.н. «понятийные лакуны» *преступника*, *наильника* в терминологии «преступник» в древнерусском языке. Н.Н. Лыкова связывает факт наличия данных понятийных лакун в древнерусском и их отсутствие в старофранцузском языках с традицией и авторитетом римского права в средневековой Франции и отсутствием подобной традиции в Древней Руси. Думается, что отмеченная автором диссертации связь (если таковая в действительности существует) имеет опосредованный характер и объясняется, в первую очередь, наследованием культурно-этичес-

ких норм и только через них, во вторую очередь, наследованием соответствующих терминов. Что касается отсутствия терминов для обозначения *преступника* и *наильника* в древнерусском языке, то возможно это объясняется тем, что данные виды поступков в Древней Руси вообще не относились к категории преступлений?

В монографии есть диаграмма, показывающая старофранцузские термины права, сохранившиеся в современном французском юридическом языке (см. с. 82). Почему аналогичной диаграммы русских терминов права нет, и почему этот факт никак не объясняется?

Однако, несмотря на все возникающие по ходу чтения монографии вопросы, которые, как уже было отмечено, носят дискуссионный характер, можно с уверенностью утверждать, что монография Н.Н. Лыковой своевременна, глубока по содержанию, теоретически и практически значима, в том числе и в методологическом плане. Отраженные в ней результаты исследования автора ценны как для исторической терминологии, так и в значительной степени – для истории и совершенствования системы права в той или иной национальной культуре.

¹ Лыкова Н.Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 308с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабина Ольга Ивановна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ, научный руководитель доктор филологических наук, профессор С.О. Шереметьева.

Биньковская Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: vladimir-chel@yandex.ru.

Боровикова Н.А. кандидат филологических наук, доцент кафедры РКИ, Уральского государственного университета.

Будаев Эдуард Владимирович, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ.

Голубева Светлана Сергеевна кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: golsvet2000@mail.ru.

Гуц Елена Николаевна Кандидат филологической наук, доцент кафедры русского языка Омского государственного университета. E-mail: goots@univer.omsk.su.

Долженко Наталия Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Шадринского государственного педагогического института E-mail: div@shadrinsk.zaural.ru.

Еремина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ.

КазакOVA Юлия Владимировна, аспирант Челябинского государственного педагогического университета.

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Красильникова Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

Кушнерук Светлана Леонидовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ, научный руководитель доктор филологических наук, профессор А.П. Чудинов. E-mail: svetlana_kush@mail.ru.

Ложкова Татьяна Анатольевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета.

Лыкова Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французской филологии Тюменского государственного университета.

Пестова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета.

Плотникова Г.Н., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой РКИ Уральского государственного университета.

Попова Вера Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: popova.vera@mail.ru.

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ

Серебрякова Анна Юрьевна, аспирант кафедры общей лингвистики ЮУрГУ, научный руководитель доктор филологических наук, профессор О.А. Турбина. E-mail: bobser@dor.ru.

Толстых Ольга Анатольевна, преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ, аспирант кафедры Зарубежной филологии Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей лингвистики ЮУрГУ, директор Лингвистического центра ЮУрГУ. E-mail: toa@susu.ac.ru.

Удлер Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации.

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Северодвинский филиал.

Филиппенко Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. E-mail: eugenie_phil@mail.ru.

Хакимова Гульнара Шарифулловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-политических и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в г. Златоусте.

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Декан факультета лингвистики ЮУрГУ. E-mail: tnh@susu.ac.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой

риторики и межкультурной коммуникации. Председатель двух диссертационных советов в УрГПУ. Профессор-совместитель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Шевнин Анатолий Борисович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Уральского гуманитарного института. E-mail: shavnin@sky.ru.

Шустрова Елизавета Владимировна кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания Института иностранных языков УрГПУ, E-mail: pribor@sky.ru.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 11 (51) 2005

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 2**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 24.10.2005. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,63. Тираж 150 экз. Заказ 249/39.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76